

мариЯ Арбатова

Семилетка

Поиска

www.arbatova.ru

Мария Арбатова

Семилетка поиска

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177046
Семилетка поиска: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-046073-1, 978-5-9713-7588-3

Аннотация

Если вы оказались или боитесь оказаться на пороге развода... Если ваш возраст приближается к сорока или переваливает за эту цифру и вы не понимаете, что с вами происходит «Семилетка поиска», обязательно купите эту книгу.

Сумасшедший ритм.

Бешеная деятельность.

Интересная, увлекательная работа.

Яркая карьера, вызывающая зависть одних и восхищение других... Такова повседневная реальность преуспевающей политической журналистки Елены. Все вокруг считают ее баловнем судьбы.

Но однажды Елену покидает муж...

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Мария Арбатова

Семилетка поиска

Часть первая

Всякий человек рождается для своей экологической ниши, и беда, если он всю жизнь проведет в чужой. Елениной экологической нишей была редакция ежедневной газеты. Именно ежедневной – то, от чего многие удавились бы или постарели за неделю. Однако Еленин внутренний ритм постоянно требовал адреналина от информационного потока; и за неделю с ней должно было случаться больше, чем с иными за год. Иначе она соскучивалась и ощущала каждой клеткой своего товарного сорокапятилетнего тела, что жизнь проходит стороной.

Елена расцветала и хорошела в ауре новостей, обсуждений и скандалов; и даже вне работы выглядела так, словно именно сейчас собиралась внимательно выслушать, тактично потребить вопросом или заехать в лоб провокацией, щелкая при этом кнопкой диктофона или особым отсеком памяти.

Она столько лет жила в этом информационном театре, что уже даже мыслила проблемными статьями и сложносочиненными интервью, проговаривала ими все, что видела, думала и чувствовала.

Елена была «золотым пером» газеты, баловнем судьбы, любимицей главного редактора; вызывала зависть коллег и восхищение молодняка. И, пожалуй, никто не понимал, почему она взалхлеб дружит с Катей и каждый раз перетаскивает ее за собой из редакции в редакцию. Катя была кентавр: наполовину домохозяйка, наполовину компьютерная маньячка. Погружалась в толщи Интернета, теряя связь с реальностью, и выкапывала такое, что остальная редакция могла вообще не работать – газету бы все равно покупали. Катя была дайвером интернетных новостей, Елена – живых. И они вечно спорили про то, что лучше: питаться три года «живой кровью» или тридцать лет – «падалью».

– Господи, – вздыхала Катя, – почему у тебя в жизни все так быстро случается?

– Потому что если в жизни что-то случается, то оно делает это всегда очень быстро! – усмехалась Елена.

Елена была синтетической оторвой: успевала дома, на работе, в любви и на войне. Катя была многодетной матерью из тех, которые обижаются, когда им дарят стиральную машину, и упрекают дарителей: «Ну я же лучше, чем машина!» А потом по вечерам не знают, куда себя деть в часы, привычно отведенные для стирки. Садятся к телевизору и стыдливо озираются на близких, мол, то ли я делаю.

Елена была для Кати пристально изучаемым воплощенным хаосом. Катя для Елены – грустной загадкой. Вроде все понимала про жизнь правильно, но жила с точностью до наоборот. Бытие у Кати ни одной секунды не определяло сознание, а сознание никогда не подмигивало бытию.

Елена передвигалась по планете сексуально-боевой походкой, Катя двигалась как шкаф и одевалась в стиле «...отцвели уж давно хризантемы в саду...». Ее голову неопределенного цвета венчал хвост без пола, возраста и жизненных притязаний. И какое бы озаренное выражение ни мелькало в Катиних глазах, хвост забивал это темой «жизнь не удалась».

Катя провела годы приклеенной к редакционному стулу, потому что пестовала по очереди трех детей и одного мужа, стоящего трех детей. Из-за этого на работе не росла, всегда была на подхвате: что-то за кем-то переписывала, догоняла, латала, собирала информацию и последний раз выезжала на задание еще на студенческой практике.

Елена даже при маленькой дочери колесила по самым яростным местам страны. Прошла огонь, воду и медные трубы: декоративные самолеты, подлодки, крейсера в мирной армии и кровь с грязью в горячих точках.

Сначала ее тоже не хотели пускать на войну, как и всех женщин-журналисток, но однажды на ее приятельницу рывкнул главный редактор:

– Никогда не подпишу бабе командировку туда, где идут военные действия!

А приятельница откликнулась нежным голосом при всей редакции:

– А вы что, репортажи оттуда хуем пишете?

С тех пор никто из главных не хотел отвечать на этот вопрос и вежливо подписывал командировочные.

В горячих точках Елена поняла, как резво война сбивает журналисту прицел; как быстро стресс замыливает глаз, и ты уже не видишь ситуацию сверху. А значит, должен идти в писатели и уходить из журналистов. Потому что у журналиста должна быть зрительная аккомодация хищной птицы, которая висит высоко в воздухе и различает детали, а не воет, ошарашенная одним стрессом. Она понимала, как легко в этой роли стать дешевым правозащитником. Особенно когда тебе об этом подмигивают большими деньгами западные фонды. Знала массу военных журналистов, уходящих в монолог из батальной сцены и забывающих о своей профессии транслятора информации.

Она не любила говорить о подобных поездках и морщилась, когда на эту тему выдвигались мужики. А еще очень напрягалась при грохоте салюта. И считала, что в нем нет ничего красивого.

...Собственно, все началось с того, что Караванов позвонил Елене в редакцию на мобильный и театрально четко сказал:

– Предстоит серьезный разговор! Пожалуйста, приди пораньше.

– С родителями что? – похолодела Елена.

– Нет... с нами, – многозначительно ответил муж.

Продолжая стучать по клавишам компьютера, Елена начала перебирать темы, способные вызвать спецобсуждение. Да, конечно, ее дочке, Лидочке, уже двадцать три: она толком не работает и не выходит замуж по новой, расставшись с придурком художником... Но пусть Караванов лучше посмотрит на свою дочку, хоть и закончившую вуз, но не ставшую от этого ни умней, ни счастливей, ни устроенней. Или на своего сынульку, который не только не учится и не работает, но еще и пьет как сапожник.

Да, денег вечно не хватает; но родителям все равно надо купить холодильник, потому что чинить старый выльется почти в ту же сумму. Плюс радость стариков от новой игрушки.

Да, она пропадает по работе как умалишенная и иногда продолжает писать дома не потому, что ей за это больше платят, а потому что привыкла все доводить до конца.

Да, дом запущен, а дочка включается в уборку и готовку только по окрику.

Да, она задумала поездку в Испанию, получается почти халява. А Караванов не любит халявы, но с их бюджетом надо не выделяться, а брать то, что попадаетея...

– Елена, у вас готово? Главный просил, чтобы все уже лежало у него на столе. Торопится, его в Госкомпечать вызывают, – подошла молоденькая секретарша главного Олечка.

– Чтобы когда лежало? – удивилась Елена.

– Полчаса тому назад...

– Да, я сейчас... – Текст не получался.

Это было интервью со штатным «носителем нравственности». Писателем, не писавшим про БАМ потому, что его туда не брали, и сделавшим себе теперь из этого имидж борца с социализмом.

«Отечественная интеллигенция привыкла быть или считать себя „бедной, но честной девушкой“. В застой оба этих условия достигались без особых усилий: сотрудничать с режимом было нехорошо. А на фоне черной власти серое, коричневое и клетчатое все равно выглядело ослепительно белым!» – висело на мониторе Елениного компьютера.

Когда-то писатель был хорош собой, страшно знаменит, и околофилологические девчонки мечтали попасть к нему в постель. Потом долго пил, а когда перестал пить по состоянию здоровья, то превратился в чудище лесное, но не сумел этого осознать.

Елена давно, еще между первым и вторым своими браками, когда писатель имел товарный вид, оказалась в его объятиях на литературном семинаре у моря. Это было после того, как он три часа умно давал ей интервью под пальмами, отчего очень захотелось провести пальцами по его породистому лицу и погладить мощные руки. В постели он много говорил, много цитировал, но проявиться по прямому назначению так и не смог. В связи с чем напился и отвратительно захрапел.

Елена тихонечко выбралась из постели, собрала вещички в своем номере и рванула в Москву первым поездом, опасаясь, что классик от расстройства позвонит в редакцию и под любым предлогом наложит вето на интервью, от которого зависело, какую зарплату ей будут платить в новом квартале. Но не позвонил. А через пару лет встретил Елену в театре, впился в рот немолодым поцелуем и игриво сказал:

– С вами, прелестница, у меня ассоциируются пальмы и море...

Елена поняла, что он забыл подробности, и вежливо потупилась:

– Да, я вспоминала этот город и эту ночь...

Она уже с сожалением знала, что любому мужику нужно прошлое, которое он придумал задним числом. А чистая правда его страшно унижает. Писатель, видимо, запутался в хронологии и отнес Еленино интервью к периоду, когда у него еще получалось с журналистками. В связи с чем за ней укрепилась репутация его бывшей любовницы и право брать у него интервью.

«Вспомните, – говорил он в расшифровываемом интервью и при этом водил пальцем по Елениной руке, держащей диктофон поближе к его небрежно протезированному рту, – вспомните, что у нас была респектабельная прослойка оппозиционеров, неплохо кормившихся с Запада или прямо со стола власти. Мы называли их „разночинцы на „Жигулях““. Сегодня они все, даже самые бамовские герои, изображают из себя страшно запрещенных... И это, глядя в глаза нам, которые бок о бок пожили рядом с ними, не покупаясь на красные пряники...»

– А давайте, я ему скажу, что у вас голова болит, пусть пойдет в следующий номер, тем более он Васькина не хотел сокращать. Васькин – это же джинса... – заботливо предложила Олечка.

– Пусть... – откликнулась Елена, заметив Олечкин живот под короткой кофточкой, покрытый гусиной кожей. – А вам не холодно в середине ноября с голым животом?

– Ужас как холодно! – наклонившись, зашептала Олечка. – Я, когда в приемной сижу без никого, шарфом заматываюсь. Но ведь круто же!

– Идиотская мода, жить на холоде полуголой, – вздохнула Елена.

– Не то слово, – закивала Олечка. – А что делать? Тут мне такой тест принесли... Отвечать стала. Настроение испортилось... Это так специально сделано?

– Дайте посмотреть, – заинтересовалась Елена, взяла в руки лист бумаги, прочитала вслух: – «Напишите в баллах. Как я оцениваю свой возраст? Что изменилось за последние пять лет? Кто я такая? Что у меня впереди?»

– У меня бы тоже испортилось, – откликнулась Катя из-за своего компьютера.

– А у меня – наоборот, – развеселилась Елена.

– Ну вы у нас вообще ракета средней дальности, – развела руками Олечка и поскакала прочь на стрекозиных каблуках.

– Глупее ребенка не видела, – обронила Катя.

– Нормальная девочка, просто очень недолюбленная. Пытается всучить кому-нибудь свою молодость хоть за какие-то деньги, а никто не берет, – покачала головой Елена.

– Чё там брать-то? К любому кошельку в постель готова скакать по первому кваку!

– Так никого ж за спиной... Это мы своих дочек от жизни закрываем как китайские стены! Пойду я, Кать, сегодня домой пораньше...

– Неужто о семье вспомнила? Слышишь? – Катя вечно копалась в Интернете. – Президент Либерии Чарльз Ганкай Тейлор приговорил свою 13-летнюю дочь к публичному наказанию. Причиной стало недопущение девочки к занятиям в школе за плохое поведение. Приговорив дочь к десяти ударам палкой на скамейке, президент заявил, что несет ответственность за всех детей Либерии и должен быть уверен в будущем поколении. Известно, что всего у президента 10 детей, а также 20 усыновленных.

«Президент Либерии наказал дочку... Васькин... наваял джинсу... Опять купит новую тачку. Еще больше навороченную, чем прежде... Не надо завидовать чужим грехам! – крутилось в Елениной голове, пока она собирала сумку. – Что случилось у Караванова? Неужели опять конфликт с начальником? А так все было хорошо. Он плавал на пароходе, где его фирма проводила деловые игры, и показал результат, которого никто не ожидал... Оказался лидером в своей группе, после чего напился и танцевал краковяк... Караванов – лидер... Мда...»

На улице свирепствовал ноябрь с дождем и ветром, она до носа завернулась в шаль и с удовольствием разгребала опавшие листья носками новых туфель. Позавчера ездили с Каравановым в обувной магазин, и он уговорил ее купить сразу две пары.

– Что ты вечно на себе экономишь? – возмущался он.

А как было не экономить, когда лично она была диспетчером семейного бюджета? И лично ей лишние новые туфли виделись как кусок, откушенный от холодильника родителям, от лечения зубов дочке, от поездки в Испанию, от лишнего килограмма фруктов, от нового смесителя в ванную, от банки дорогого крема... У Караванова был замечательный стиль отношений с деньгами, мог пойти и перед зарплатой закупить много дорогих продуктов, гелей, шампуней. И говорил на это:

– Ну все равно же их придется покупать!

Ему не приходило в голову, что в результате этого пофигизма она потом потратит на час больше времени у плиты, возясь с неразделанной рыбой. Испортит маникюр, исцарапается плавниками. Набьет под ногти земли, чистя картошку...

Собственно, туфельный азарт намекал на то, что рыльце у Караванова было в пушку, потому что несколько дней тому назад он купил себе костюм, который... ну, совсем не горело покупать. Но у него была назначена корпоративная вечеринка фирмы, на которую обещались высокие гости, и новый костюм должен был обрести и упрочить его лидерские качества, внезапно обнаруженные на пароходе и прежде никак не замеченные человечеством.

Обычно покупали костюмы вместе, но тут сорвался в магазин, в рабочее время, привез невнятный серый костюм, показавшийся ему модным. Конечно, за эти деньги Елена бы выбрала костюм, чтобы и брюшко казалось поменьше, и плечики пошире, но что уж теперь... Караванов потащил его гладить в химчистку и пожаловался:

– Сказали, что с женами на вечеринку нельзя.

– Почему? – Елена уже придумала, в чем пойдет и какую пользу вынесет из этой вечеринки для своей и каравановской карьеры.

– Теперь в моде такой стиль, – вздохнул Караванов.

– Сауна с девочками? – засмеялась Елена.

– Почти... Боулинг...

– Как жалко, всего один раз была в таком клубе, но не решилась шары покатать, боялась выглядеть смешной, – призналась Елена. – Покатаешь за меня...

...Она добралась на метро, на такси было жалко денег. И, подходя к дому, наткнулась на соседа из другого подъезда, чинящего машину. Сосед был из категории мужиков, которым дома настолько невмоготу, что они круглосуточно собирают и разбирают собственные автомобили. Странно, что те после этого еще как-то ездят.

– Привет, Лена! – сказал сосед. – Что там нового в большой журналистике?

– Все старое, – улыбнулась она.

– Вот задний мост поменял, теперь не стучит. Могу тебя отвезти куда-нибудь... – сказал, придвигаясь и подмигивая, и добавил более напряженно, – зацеловать до смерти...

– Игорь, ну опять вы со своими глупостями, – отодвинулась Елена. – Как жена поживает?

– Жена у меня женщина неказистая и терпеливая... Работает. Что ей сделается? Не всем, Лена, белый каравай обламывается, кому-то и черный хлеб, – ответил он грустно.

Под белым караваем подразумевались Еленины фигуристые семьдесят килограммов и пышные волосы.

Она фыркнула и пошла в подъезд. Всегда трудно отшучиваться и строить отношения с мужиком, с которым ты «никогда и ни при каких обстоятельствах». Потому что такой мужик чувствует это нюхом и надувается, обижается, мстит; ведь ему кажется, что ты ровно его поэтический размер...

Елена изобрела отличную формулу для своего круга, это называлось: «Старик, мне уже за сорок. Ты совершенно конкретный мужик, но, понимаешь, старость... последние годы меня волнуют только молоденькие мальчишки...»

Собеседник вздрагивал и потом долго думал, опустили его или распахнулись на открытость. И где теперь его место в жизни, если раньше он сам изъяснялся ровно этими же словами?

Караванов поцеловал ее у дверей, помог снять плащ и жестом пригласил на кухню.

– Где Лида? – спросила Елена.

– Пришел, ее уже не было, – отчеканил Караванов, словно боясь отвлечься и расплескать в себе что-то важное.

– Валяй. – Она налила себе чай и удобно уселась.

– Лена, – сказал он, голос его дрогнул и дал петуха, как всегда, когда он волновался. – Это будет очень серьезный разговор. Что называется, надоело бояться...

– Кого? – У нее в голове сразу понеслось про долги, мафию, проблемы фирмы, ведь он такой наивный и неловкий...

– Правды, – продолжил Караванов, торопливо достал бутылку водки и выпил рюмку, – наша с тобой семейная жизнь ужасна. Так больше не может продолжаться! Хочешь выпить?

– Я? – изумилась она, отметив про себя, что бутылка новая, значит, вчерашнюю выпил до ее прихода, хотя на вид не скажешь... и это при его-то печени... но промолчала.

...Караванов был ее третьим и самым удачным мужем. Первый – Толик, спортсмен и блядун, не сделал в своей жизни ничего хорошего, кроме Лидочки. Елена тогда еще считала, что муж – это святое; боялась сказать слово поперек и слишком сильно зажарить котлету, потому что тренер ругал за жареное. Семь лет брака с Толиком состояли из его поездок на сборы и демонстративных романов. В постели Толик был, конечно, конь-огонь, но простой, как ситцевые трусы. Он совершенно не понимал, что такое художественная отделка, и считал, что богатырская силища – это все, что надо женщине. Елена тогда была молодая, забитая и не смела сказать: «Милый, все это может и вибратор!» Да и вибраторы еще особо не продавались.

Так что пожилой главный редактор газеты, в которой она тогда работала, легко овладел ею в чайной комнате, примыкающей к кабинету, дав секретарше распоряжение никого не пускать, потому что они вычитывают материал большой политической значимости.

Зайдя в кабинет с материалом той самой значимости, Елена не собиралась изменять Толику, который к тому моменту был у нее первым и единственным. Она просто была ошарашена тем, что, оказывается, в сексе бывает, что мужчина работает не только на себя, но и на партнершу.

Роман с главным редактором был засекречен до последнего шороха. А когда он умер, Елена увидела на похоронах немолодую, очень красивую жену.

«Зачем он изменял такой красавице? – пронеслось в Елениной голове сквозь рыдания. – Что во мне такого против нее, кроме молодого тела?»

Она еще не понимала, что «такого» в ней были широко распахнутые глаза, низкие требования и полный восторг от предмета. В силу чего она оказывалась совершенством для пожилой мужской психофизиологии.

Изгнан первый муж Толик был, когда получил спортивную травму и положенный при ней массаж; а неожиданно пришедшая Елена – голую массажистку в собственной постели.

– Тебе наплевать на ребенка! – орал Толик, собирающий чемодан и ловящий швыряемые в него Еленой вещи. – Ты все не так поняла! У тебя одно на уме! Я ей показывал... специальный спортивный массаж... я просто на ней показывал...

А массажистка молча и ловко впрыгивала в нижнее белье, стараясь не приближаться к Елене ближе двух метров.

Через неделю он заявился забрать крупногабаритные вещи. Вынес и вывез все, что смог, а напоследок сказал:

– Ты никогда мне не нравилась как женщина! Из-за того, что ты разрушила нашу семью, я не дам на ребенка ни копейки, хоть тресни!

И сдержал слово.

Елена тогда была «первозамужка». В родильном доме есть выражения: первородка, второродка, старая первородка... и т. д. Как всякая молодая первозамужка, она долго ревела на фразу: «Ты никогда не нравилась мне как женщина!» Она ревела, выпустив из памяти все, что было. Как он ее добивался, как очумело заталкивал среди дня при ребенке в ванную и говорил: «Лидочка, я помогаю маме мыться!» Однажды ночью даже разложил ее на автобусной остановке. Естественно, в самый интересный момент приехал автобус, которого уже не ждали. И в него пришлось садиться под толстым слоем пассажирских взглядов с вишневым от стыда лицом, потому что следующего автобуса уже совсем не ждали...

Теперь, с высоты рушащегося третьего брака, она понимала, что реветь-то надо было на фразу: «Я не дам на ребенка ни копейки, хоть тресни!»

Вторым мужем Елены был Филипп; смолodu он плавал на траулерах, а сойдя на сушу, научился чинить компьютеры. Он был золотой по трезвому делу, обожал Лидочку, помогал ей делать уроки, вылизывал дом, трахался как бог; но когда напивался, превращался в грустное слюнявое животное.

Елена не могла понять, как он, в совершенно невменяемом состоянии, добирается до дома через всю Москву, аккуратно развязывает шнурки на ботинках, вешает одежду и валится как сноп. А потом громко храпит и булькает горлом, и утром встает с физиономией, словно по ней всю ночь молотили валенком. Водила его по противоалкогольным врачам и аферистам, выливали у него на глазах бутылку водки в раковину, молила, просила, грозила... Терпела семь лет потому, что в постели ему равных не было. Чужал бабу, подлец, как музыкальный инструмент – мог на ней сыграть все, от чирика-пырика до Первого концерта Чайковского даже по пьяному делу...

Разлука с Филиппом стала плановым мероприятием. После Толика Елена планово меняла работы и прически, планово бросала курить, планово шла на курсы английского, планово расставалась с предававшими подругами. Она не могла позволить себе жить иначе, потому что Лида и родители были на ней одной.

Так что однажды утром Филипп обнаружил свои вещи собранными, Елена развела руками и сказала:

– Финита ля комедия...

Мужики знали, что ее слово железное и не подлежит обсуждению. Филипп молча пошел в ванную, долго умывался, фыркал и пил воду из крана. Потом сел напротив собранных чемоданов, скрестил смуглые накачанные руки на груди, посмотрев мутными, как у несвежей рыбы, похмельными глазами, и сказал:

– Ты – разрушительница! Тебе наплевать на Лиду! И знай, ты никогда мне не нравилась как женщина!

Поскольку Елена была уже немолодая второзамужка, то встретила эти слова не слезами, как с Толиком, а здоровым смехом:

– Бедный, как же ты себя истязал, когда каждый раз говорил мне, что ни с одной бабой тебе не было так хорошо!

Удивительно, что при всей своей разности Толик и Филипп заканчивали брак одним почерком: выгоняя их, Елена почему-то узнавала, что она сразу и плохая мать, и никчемная любовница.

И вот, Караванов... Кто бы мог подумать? Сейчас именно трогательный пухленький Караванов, выпрямившись, стоял перед ней в позе уездного священника и многозначительно повторял:

– Наша с тобой семейная жизнь чудовищна. Так больше не может продолжаться!

Елена подумала, что он свихнулся, потому что они жили и ворковали, как две гули; а прошлые две жены чуть ли не пинали его ногами.

– Что не так? – спросила она голосом доброй учительницы младших классов.

– Все! Даже это! Ты ведешь себя так, словно я ребенок! Ты все время все решаешь, все проверяешь за мной! Я устал от этого! – чуть не взвизгнул Караванов.

– Что я за тебя решаю? – удивилась она и подумала бабушкиными словами: «Мужика сглазили!»

– Все! Все! Все! – Он закурил. – Каких гостей мы принимаем, каких нет! Куда и во сколько я прихожу! Когда и как я отдыхаю! Я всегда и во всем чувствую себя виноватым! У меня даже нет своего письменного стола в квартире! Все устройство быта под твоим контролем, мне нет щелочки! Мне не нравится наша квартира! Наша мебель! Наши вещи! Мне неудобно так жить!

– Ты себя нормально чувствуешь? – испуганно спросила она.

– Вот видишь?! – Голос его запетушился. – Если у меня появилось собственное мнение, значит, со мной что-то не так! Вся жизнь под твоим абсолютным контролем! Меня разрушает, что я ежедневно вынужден допускать вещи, не комфортные мне. И при этом я ни разу не встретил с твоей стороны никакой готовности пойти мне навстречу! Разговоры о том, что мне нужна удобная для работы лампа, идут два года!

– Но тебе нравятся лампы, которые портят весь вид комнаты, – осторожно напомнила Елена.

Увы, Караванову по части дизайна медведь наступил на ухо.

– И ты ради меня не готова терпеть безвкусную лампу? – вскрикнул он. – Не готова! Ради меня ты ни на что не готова! Я не могу приглашать своих знакомых домой, потому что ты не можешь никого впустить без накрытого стола со свечами и салфетками!

– Слушай, ну, в прошлый раз я захожу, а ты с Сергеем Дмитриевичем сидишь на кухне, там гора грязной посуды, кран течет, на столе крошки, – напомнила она. – Ты бы вытер стол, вымыл посуду – я бы слова не сказала...

– Я к себе пригласил! Или я тут не живу? Или я тут никто? – спросил Караванов злобющим шепотом. – Это было три года тому назад. Больше я никого не приглашал...

– Живешь. Но приглашать надо по-людски... Это все равно что позвать человека в комнату, где не застелена постель и валяется нижнее белье, – попыталась оправдаться Елена.

– А как мы ходим в гости? Абсолютный контроль над совместной жизнью распространяется и на «внешние» акции! На хождение в гости, в публичные места! – Он, видимо, говорил языком деловых игр, на которых узнал о своем лидерстве.

– Господи, да какой контроль? Караванов, ты не сделал карьеру, потому что не научился двум вещам: разговаривать с людьми, которые выше тебя по положению, с чувством собственного достоинства, и не нажираться там, где работаешь, – вздохнула Елена.

– А кто тебе сказал, что я хотел сделать карьеру? – напрягся он и заглотил еще водки. – Мне это было не нужно! Это ты все время комплексовала таким жалким мужем.

– Но ты мне сказал, когда женились, – в конце концов, это становилось невыносимым. – Ты сказал, что вполне можешь быть министром или хотя бы замом министра.

– Каким министром я мог стать, если у меня в доме нет даже своего угла? Своего рабочего места, частного пространства...

– Но мы втроем живем в двухкомнатной квартире, и не без твоей активной помощи, – напомнила Елена.

– Вот именно! Следующая тема как раз об этом! И она главная. Я живу эти годы в облаке упреков, смысл которых в том, что мой вклад в семейную жизнь – это постоянное «предательство в тылу»!

– Но... Такая тема действительно есть... – Елене не хотелось идти в эту сторону, пристальный разговор про это всегда густо пах разводом.

Когда Караванов уходил от прежней жены, он оставил ей все не потому, что был самой щедростью, а потому что боялся ее. Прежняя жена от неожиданности его ухода к Елене намекнула на суицид, а на следующий день пришла в себя и намекала только на собственность.

Самые главные решения, которые Караванов принимал в жизни, были решения о разводах. Он принимал их на трезвую голову, потом напивался и уходил крадучись.

Короче, от квартиры прежней жены, половина которой честно принадлежала Караванову, в Еленину семью не отломилось ничего. Она не настаивала, потому что первый раз в жизни вытаскивала мужика из семьи и к слову «суицид» из уст оставленной жены еще относилась доверчиво. В результате, конечно, не получилось ни суицида, ни комнаты... Это бы ладно, так по приходу Караванова возник еще и Толик, когда-то прописавший в эту квартиру мать. И если Толику было в лом выяснять отношения с Филиппом, потому что бывший морской волк, независимо от количества выпитого, мог уделать его любым подвернувшимся тяжелым предметом, то вид Караванова привел Толика в возбуждение. Трогательный Караванов был для него как кусок торта.

Отравить Еленину жизнь с Каравановым, вселившись в одну комнату с Лидочкой, Толик не решился, хотя и обещал. Но аккуратно перевез свою мать из провинции прямо в комнату внучки. Под это они с Каравановым церемонно заключили пакт о ненападении. Толик предложил, что его мать пропишет Караванова за то, что тот через год получит для нее от работы однокомнатную квартиру. Караванов важно согласился, полагая, что если начальник отдела министерства, в котором он служил тогда, получил квартиру, то ему, Караванову, это раз плюнуть. Елена совсем ничего не понимала в ситуации, ведь на фоне вечно отжидающегося Толика и вечно похмеляющегося Филиппа Караванов выглядел как «ум, честь

и совесть». От предков он унаследовал внешность человека, «которому хочется верить», и за счет этого всегда «очень хорошо устраивался на работу», хотя потом «очень плохо рос по карьере».

Люди обижались на то, что за таким добропорядочным безуховским фасадом оказывается такая несобранность, безответственность и неспособность к психологической мобилизации. Видимо, Караванова очень сильно прессовали все детство, и теперь по жизни он делал только то, что было ему интересно. И даже находил в себе мужество этим гордиться, имея в разных браках двух слабо любимых и слабо обеспеченных детей.

Елена видела все это, но влюбилась... Прикинула, что опытной рукой отшлифует каравановские хорошие данные. Да и вообще... он чем-то напоминал ее молодого отца. Особенно когда она лежала с легкой температурой, а Караванов сидел в полутемной комнате за компьютером. Профиль расплывался в температурной дымке, становился совсем схожим с отцовским, и она капризно тянула:

– Хочу чаю с малиной!

Он был золотым, когда нужна была помощь в сфере милосердия. Когда болела, попала в аварию, вылетала с работы, когда надо было делать уколы, ходить разбираться с Лидиными учителями или проводить капризных родителей. Но лажал в базовых ситуациях, и Елена долго не могла прийти в себя от того, с какой легкостью он это делал. Первой лажей, конечно, была история с квартирой. Юная Лида, стиснув зубы, приготовилась стерпеть бабушку в собственной комнате во имя нового маминго брака. Бабушка была не фактическая, а генеалогическая. До переселения внука ей сто лет не снилась; но, видимо, новая жена Толика так гоняла ее по веткам, что старуха за однокомнатную квартиру решилась годик прикинуться бабушкой. Понимала она это так, что надо лезть во все дела ребенка.

Все были уверены, что это на год, и пытались относиться к этому как к цирку. Однако в течение года Караванову не только ничего не дали, но и ничего не пообещали. Он героически перешел в частную компанию и подрядился на огромный проект. Там мало платили, но предложили загородный коттедж и служебную машину, а главное – пообещали кредит на квартиру. Елена ненавидела подмосковный кайф, на котором помешались новые русские, но честно дышала воздухом и скучала по подружкам, чтобы Лида жила в отдельной комнате.

Когда через три года их выставили из коттеджа домой без всякого кредита, Елена все-таки задумалась. Она уже притерлась к особенностям брака с Каравановым и начинала потихоньку понимать, что иллюзии про каравановское плечо, за которым можно отсидеться в особенностях новой экономики, надо засунуть ровно туда, откуда она их вытащила. Когда на вопрос, почему их кинули с кредитом, Караванов на голубом глазу ответил, что им ничего и не обещали, кроме жизни в коттедже – а обещали-то в ее присутствии, – она решила, что он сумасшедший или слабослышащий.

– Можешь со мной развестись, если я такое фуфло! – дежурно предлагал он и дежурно добавлял: – Следующий муж будет круче.

Думать о следующем муже, когда квартирный вопрос каменной глыбой висел над головой, Елена не могла. Она и о любовнике-то не думала, хотя постельные отношения резко поползли по швам.

Кроме них, в просторном коттедже жили еще три семьи сотрудников, и Караванов, как пожизненно виноватый, по вечерам мел перед ними хвостом. Или пил с мужьями, или судачил с женами, и приходил уже не особенно кондиционным для использования по прямому назначению. То есть кое-как проблемы решались, но праздничные ночи первых лет сменились оздоровительными буднями.

Елена пыталась поменять работу, найти кредит, подработать на размен, сесть на режим жесткой экономии, но ничего не получалось. Перед месячными, когда ресурс организма

истощался, она закатывала Караванову дежурную истерику, и он с дежурно обиженным видом предлагал найти мужа покруче.

Лида уже готова была подсыпать кровной бабушке цианистого калия, но высказать правду Караванову не смела. Она, как и Елена, считала, что после Толика и Филиппа Караванов все-таки солнце, имеющее на себе отдельные пятна. А Елена думала и грезилась о квартире, как девушки думают на ночь о женихах, взрослые женщины – о любовниках, а пожилые... о внуках.

В этой кутерьме прошло еще несколько лет. Елена пахала, бабка доставала всех, Лидочка ночевала у подруг и рано взявшихся бойфрендов, а Караванов сутками сидел на работе. Нельзя сказать, что при этом он сильно двигался по служебной лестнице, но зато имел одну, но пламенную страсть: со своей юности младшего научного сотрудника разрабатывал одну научную теорию.

С одной стороны, это выглядело вопиюще: семья вчетвером жила в двухкомнатной квартире, а он спасал науку. С другой стороны, Елена любила его. Она балдела от того, как он выглядит, двигается, говорит, острит, улыбается, покупает ее самую любимую еду и старается угодить в быту.

– К Караванову надо отнестись особо, знаешь, как в деревенских семьях отдают девочку в монастырь, – предложила Елена дочери. – Дело это не прибыльное, но замолит все наши грехи...

Караванов вроде бы зарабатывал деньги, иногда даже не меньше, чем Елена, и любил это подчеркивать. Но совершенно начисто перевел в собственном сознании историю джентльменского соглашения с Толиком в разряд «так получилось, и никто в этом не виноват».

А Толика все устраивало. Как истинный джентльмен, он не давал денег ни на дочку, ни на мать... все-таки определил ее в семью. В редкие визиты Толик с Каравановым чинно пили чай на кухне и ругали дикие экономические времена.

Елена зверела от этой благостной сцены. Ей, конечно, не хотелось, чтобы они поубивали друг друга, но она бы с удовольствием стала свидетельницей диалога:

– Ну что, козел? Сколько лет ты меня и свою семью с квартирой накалываешь? Я ведь тебе поверил как честному человеку и помог прописаться!

– Да ты на себя, урод, посмотри! За сколько лет не дал ни копейки на дочку, да еще и мать нам на шею посадил! Застукала тебя баба, выгнала, так отцепись от квартиры!

– Так ты вообще бы молчал, ты, по сути, живешь на моей жилплощади!

– Живу. Но я, по сути, кормлю твою дочь...

Однако диалог этот был невозможен, поскольку Еленины мужья словно были членами одного профсоюза, и корпоративная этика вынуждала их прощать друг другу проступки за счет общей жены.

– Филиппка не хватает, – усмехалась Лида. – Он бы им еще и налил...

Последней каплей для Елены было письмо Толика, выпавшее из портфеля со старыми фотографиями его матери. Елена убиралась в ее комнате, когда знакомый птичий почерк оказался в ее руках, и она, не раздумывая, начала читать, а потом показала Лиде.

Письмо было по горячим следам Толикова изгнания. Он писал галиматью не про то, что его застукали с массажисткой, а про то, что Елена груба и взбалмошна («Ты же ее, мама, знаешь!»); а Лидочка уже большая, что она все понимает правильно и практически на его стороне. Елена в очередной раз обалдела от того, что взрослый мужик не способен быть взрослым даже в письме к собственной матери. И что по жизни она выбирает именно таких...

И тут на небосклоне нарисовался «взрослый». Она точно знала, что ее интерес был бескорыстным, иначе ни на йоту не двинулась бы в эту сторону. Просто увидела по телеви-

зору интервью с классным мужиком, и у нее внутри все отозвалось. А тут в кухню вошел Караванов и презрительно сказал:

– Это один из хозяев нашего холдинга, Егорычев. Не человек – танкер... Эх, сволочь, заливаает, лучше бы зарплату повысил...

Уже через три дня Елена брала у него интервью. Не для того, чтобы Караванову повысили зарплату, а для того, чтобы убедиться, что среди ее современников существуют внятные мужики, не ждущие, что все проблемы за них как-нибудь решит жена...

...А меж тем кухонное шоу продолжалось. Караванов блестел глазами от выпитого, но не унимался:

– Я никогда не признаю того, что веду себя как предатель... Мне никто не докажет этого. Но тем не менее все мои силы давно направлены на то, чтобы отбиваться от необоснованности подобных упреков.

– Но разве я говорю что-нибудь конкретное? – испугалась Елена.

– Не говоришь! Ты громко молчишь! Но это еще хуже! Потому что я все чувствую! И все мое внутреннее устройство переориентировалось на главную задачу – отбиться и уцелеть морально. Из-за тебя я разучился делать многие вещи, связанные с инициативой... – продолжал он. – Которые прежде, не без трудностей, но все же делал. Например, дарить подарки...

– Вранье! Когда мы познакомились, ты не умел дарить подарков! Ты сразу сообщил об этом. Ты привез мне из Германии пробные духи по цене шубы! – напомнила Елена.

– Но ты могла мне дать возможность научиться делать подарки, а ты попросила больше никогда их не делать без согласования с тобой!

– Грубо говоря... у нас не было денег на обучение такого рода! – ответила Елена вполне язвительным тоном.

– Ты слышишь, как ты разговариваешь? – воскликнул Караванов. – Сколько презрения в твоём голосе! Это из-за твоего ироничного тона я разучился танцевать, делать комплименты женщинам. Ты сформировала у меня зависимость от своих унижающих оценок...

– А что я должна была говорить? Что ты, как пьяный мудака, топчешься на вечеринке с дешевой блядью, и вся твоя фирма с удовольствием наблюдает за моим лицом при этом? – усмехнулась Елена.

Она никак не понимала, почему мужик в третьем браке не может организовать не хватающей ему эмоциональной части жизни так, чтобы никто этого не видел.

– Наш брак плох, но мне надоело воспроизводить сценарий «брак – развод – новый брак». Видимо, пора научиться жить «как нормальные люди»: завести отношения на стороне, а здесь сохранять то, что устраивает, – выдохнул Караванов. – Сознаюсь, не без влияния ролевых игр, я принял решение: «так жить нельзя»...

– То есть все это время ты хотел согласовать со мной тему жизни на стороне? – изумилась Елена.

– Не только! – Караванов принял очень пафосную позу. – Все это время я хотел тебе объяснить, что стал другим!

– А зачем мне объяснять? Если действительно стал, я увижу! А что касается жизни на стороне, то давай обсудим... – напряглась она. – Только я хочу сказать, что ты не способен делать ее не публичной. Это все я уже проходила с Толиком, так что скорее всего история кончится разводом...

– А я готов к разводу! – вздернул подбородок Караванов, – Меня не надо пугать. Я считаю, что брак наш из рук вон плох; тем не менее в нем есть много хорошего, что, собственно, не требует супружеских отношений...

– Это как? – опешила Елена.

– Мы близкие, хорошо понимающие друг друга и отлично сотрудничающие люди. Для этого совершенно не обязательно жить вместе и спать в одной постели, – почти пропел он.

– Как скажешь, дорогой, – в тон ему выдохнула Елена с мыслью: «рехнулся!»

– Наши попытки улучшить брак собственными усилиями потерпели крушение, – откликнулся он тоном, идущим на попятную. – Вижу для нас только два выхода: либо делаем попытку улучшить ситуацию с помощью семейного психолога, либо переходим к модели «живем вместе и поддерживаем публичный образ счастливой семьи»; но сексуальные проблемы каждый решает там и так, как считает нужным...

– Я должна подумать, – сказала Елена и отправилась в ванную.

В воде ей всегда лучше думалось, но сейчас не думалось вообще. Она даже забыла намазать на лицо любимую маску. Что все это значит, и какой бес вселился в Караванова?.. Последнее время он был сильно задумчив и сильно покладист, но ей некогда было это анализировать. Видимо, всему виной ролевые игры, на которых он понял, что достоин лучшей жизни... Лучшей так лучшей, ради бога, хотя кому он особенно нужен в свой инфантильный полтинник?...

Елена поняла, что надо расслабиться и подумать про что-нибудь хорошее. Например, про «взрослого» совладельца каравановской фирмы Егорычева. Она вспомнила, как брала у него первое интервью, тщательно продумав одежду и макияж. Как с интонации в ответе на третий вопрос было слышно, что в финале он спросит:

– У вас будет время со мной как-нибудь поужинать?

А в прощании – что он позвонит завтра.

Чтобы склеить мужика, Елена никогда ничего не делала специально. Она была совсем не кокетлива, просто, если хотела мужика, не силилась этого скрывать.

И действительно, на следующий вечер они ужинали в «Праге». У Егорычева были седые виски, элегантная бородка и очень мягкая манера говорить. Было видно, что он ровесник Караванова, но благодаря усилиям новорусского оздоровления выглядит моложе.

– Ты всегда такой бархатный? – спросила она через несколько часов, лежа в чьей-то чужой спальне, на уже «своем» плече Егорычева.

– Нет, я вообще-то зверь, – усмехнулся он. – Это последние годы стал метаться... Не так живу... Не тех люблю... Ты ко мне когда в кабинет зашла, подумал, вот именно такую Мальвину мне и надо... Знаешь, как от проституток тошнит?

– А я в этом браке только сезон охоты начала, – призналась Елена.

– Муж достал? – спросил Егорычев, рисуя языком на ее шее сложносочиненный узор.

– Да нет. Он замечательный... Просто так вышло. Увидела тебя по телику и заинтересовалась, неужели в нашем климате вызывают ответственные мужики?

– Журналист меняет профессию для сбора материала... – хихикнул он.

– Именно... – С ним было так хорошо и так спокойно.

– Значит, я теперь должен доказать ответственность? Тебе, каким именно способом? Олигархом стать или президентом, чтоб тебя не разочаровать? – По интонации было непонятно, шутит он или обижается.

– Это меня не возбуждает, – призналась Елена. – Мне важно, как ты проблемы семьи решаешь... У меня тут эrogenная зона.

– Никак не решаю. У меня двое старших на Западе учатся. А маленькая – с нянькой за городом сидит. Жене было скучно, я ей магазинчик купил, она теперь в нем бирюльки раскладывает. Рада до смерти...

– А ты ей много изменяешь? – почему-то спросила Елена, хотя понимала, что рановато претя на чужую территорию.

– Девочки, это же не измена... Это же из серии товаров и услуг. Ласки – деньги – взаимозачет. А журналистки, такие, как ты, редко приходят... Жена, естественно, не догадывается. Она со мной бы тут же развелась...

– И деньги пополам, – ехидно напомнила Елена.

– Разве дело в деньгах? Я ведь не просто так изменяю. Кажется, что все... Последнее уходит. С душой, а не с потенцией проблема. Кажется, уже влюбиться не смогу... Кто-то из известных сказал: «Стареть – это словно быть наказываемым за преступление, которого не совершал...»

– А жена? Разве она не стареет? – напомнила Елена.

– Да хрен вас баб разберет. У вас в эти годы словно обратный отсчет. Словно пропеллер в жопу вставляют! Глаза себе вокруг подшила, пошла на шейпинг, как девочка стала... Недавно спросила, не увеличить ли ей грудь? Подружки увеличивают, ей тоже надо, хотя секс ей по барабану. А мне – как хлеб...

Елена возвращалась домой без всякого вкуса измены. Ну так получилось... Оказывается, еще бывают парни, у которых правильно функционируют обе сигнальные системы. Пообещала Егорычеву привести или прислать готовое интервью по факсу и не планировала продолжения. Оно, собственно, и не было нужно, потому что, несмотря на трогательную придурковатость Караванова, она любила его. И любовалась им и за завтраком, и за ужином, и нежничала с ним в постели, и кокетничала по телефону...

«Семейный психолог? – раздраженно думала она. – Глупость какая... Два немолодых, много раз женатых человека будут рассказывать чужому дядьке про свои неурядицы... Но, с другой стороны... раз беднягу так заколбасило, пусть позовет психолога, венеролога и сексопатолога... и заткнется!»

И совершенно не вдумываясь, что обращается с Каравановым последние годы как с пожилым кастрированным котом Арлекином, умершим в первый год их брака. Когда Арлекин был котенком, Елена возилась и играла с ним. Когда вошел в сочный котятый возраст, не задумываясь отвезла к ветеринару. А когда на старости лет у него начинал портиться характер, он сипел и выпускал когти, Елена просто сокращала общение с ним. Жрать дали? Наполнитель в кошачьем туалете поменяли? Погладить? Пошел вон, ты линяешь!

Последние годы она вставала по утрам позже Караванова. Даже просыпаясь, пока он возился на кухне, почему-то не вставала. И почему-то уже не тянулась к нему из постели с поцелуем. И не просила капризным голосом, чтобы принес ей чаю с бутербродом... или с конфеткой. А когда за ним захлопывалась дверь, легко вспрыгивала с постели, чтобы подробно и радостно позавтракать в одиночестве.

К середине дня соскучивалась по Караванову и начинала звонить ему с работы или писать записки по компьютерной программе, именуемой в России «аськой». И в этот момент чувствовала себя вполне удачно замужней. К вечеру они встречались после работы и гуляли. Потом приходили, и один утыкался в компьютер, а другой в телевизор. Но чаще она умывалась на журналистские тусовки, ужасно раздражающие его. Могла прийти под утро: это ничего не означало ни внешне, ни по существу. Ей было скучно с Каравановым каждый вечер, и праздничная мишура тусовок идеально припрятывала это. Да еще и давала чувство вины, что вот она такая неправильная. И это чувство вины раскалывало на очень чуткое поведение весь следующий день. В варианте: «Что ты сказал?» вместо: «Опять ты сказал очередную фигню?»

Она покупала Караванову всякие сюрпризики, а он старался попасть в ее вкусовые симпатии. И если Елена что-то хвалила, немедленно искал это в магазине. Если, не дай бог, заболела, возился с ней как с малым ребенком, в отличие от Толика и Филиппа, которые нешибко понимали про болезни. Первый очень уважал спортивную травму, а второй – тяжелое похмелье... Остальное считали притворством.

– Все же бабистый он у тебя какой-то, – с осуждением качала головой Толикова мать, когда Караванов отпаивал простуженную Елену лечебными чаями и ставил ей банки. – Вот мой Вася был мужик. Умри, он и бровью не двинет...

– Оттого вас теперь Толик сюда и сбаврил, – парировала Елена.

– Ничего не сбаврил, – обиженно махала рукой свекровь. – На законной площади живу с любимой внучкой...

Она была такая же отмороженная, как и сынок, и радовалась только в логике того, что удалось сэкономить. А если что-то покупала, то целый день после этого оправдывалась вслух, что без этого уж никак было нельзя. Изображая нищету, развешивала в ванной свое перештопанное белье; Елена периодически зверела, выбрасывала его на помойку и покупала экс-свекрови новое. После чего старуха целый день лежала, отвернувшись к стене, а потом звонила сыну с жалобами, которые ему были по фигу.

– Это некрасиво, – поджимал губы Караванов. – Ты не имеешь права лезть в ее частное пространство! В чем хочет, пусть в том и ходит. Надо отчетливо разделить жизнь по комнатам...

И Елене очень хотелось сказать:

– Ну ты бы уже молчал! Моя дочь живет в одной комнате с этой камнеежкой из-за того, что ты слабый, слабый, слабый...

Но брала себя в руки, вспоминая, что сама хотела такого после вечно орущего Толика и вечно угрюмого Филиппа.

Если Караванов уезжал в командировку, она ровно день не находила себе места. А потом расправляла плечи, встряхивалась и становилась такой кокетливой, что к его возвращению словно приходилось складываться обратно в футляр.

Она еще любила Караванова, но уже избегала его дома. Словно от их соприкосновения каждую минуту могла начаться какая-то непоправимая химическая реакция. И получалось, что она любила того Караванова, который был в первой половине брака, и очень раздражалась присутствием Караванова из второй половины брака, потому что он мешал любить первого.

...Егорычев позвонил через два дня после ужина в «Праге» и без всякого «здрасьте» спросил:

– Соскучилась небось уже до одури?

– В разумных пределах! – на всякий случай сказала она, хотя ни капельки не узнала его по телефону.

– Давай, Мальвина, чего-нибудь съедим вечером, – предложил он.

Вздрыгнула на «Мальвину», судорожно соображая, откуда мог взять ее мобильный номер.

– Ну я часиков в восемь за тобой подъеду?

– Куда? – изумилась она.

– Около сквера будет машина стоять...

– А ты откуда про сквер знаешь?

– Так у меня есть специально обученные люди. Берут след по команде. Я ведь уже стар, чтоб самостоятельно понравившихся барышень разыскивать... – хихикнул он.

– Не столько стар, сколько богат и закомплексован, – фыркнула Елена.

– И это правда... Которая меж тем не помешает тебе сейчас рвануть домой, чтоб переодеться, принять душ и потом сделать вид, что не очень-то и хотелось... – фыркнул он в ответ.

– И это правда... Которая меж тем не помешает сделать вид, что никакого душа не было... – откликнулась Елена, соображая: «Какой там душ, какое там переодеться? Успеть бы до восьми закончить текст и толком накрасить глаза!»

Она не влюбилась в Егорычева, не думала о нем, засыпая; не вздрагивала на телефонные звонки. Ей было славно и уютно острить с ним в ресторане; мчаться на автомобиле, каждый раз неизвестно куда; заниматься добротным сексом, в котором не было ничего раздражающего, но и ничего запоминающегося. Караванов в постели был тоньше, умнее и трогательней; но от Егорычева шла спокойная сила, которой ей отчетливо не хватало в счастливом браке.

И когда встречи приобрели забронзовевшую регулярность, Елена спросила себя:

– Зачем я это делаю?

И, подумав, ответила:

– Хочется.

...Она слышала сквозь сон, как Караванов булькает водкой, достав бутылку из-за книг. Булькало примерно на рюмку. Но пару раз. «Бедный», – подумала она. Похоже, у него начинается социальное пьянство.

Отчетливо вспомнила слово «психолог» и, потянувшись из постели к сумке, записала его в еженедельник. Еженедельник был для невкусной текучки; вкусную, типа тусовок, запоминала и так.

В редакции, после летучки, где потоптали и сократили ее материал, расстроенная Елена глянула в еженедельник и не сразу поняла, что означает слово «психолог». Вспомнила вчерашний разговор и, чтобы не разгадывать загадку второй раз, приписала через пояснение: «Караванов – козел!»

Редакция была дурная, как в западных фильмах: вместо отдельных комнат – прозрачные перегородки между столов с компьютерами. Шум стоял как в оркестровой яме во время настройки инструментов. Елена долго привыкала к тому, что частное пространство надо огораживать не дверью, а ледяным взглядом. Чтобы создать хоть какой-то оазис психологического уюта, посадила рядом с собой Катю.

Когда сидела в сотах этого улья, в гомоне, стрекоте компьютерных клавиш, крике, хохоте, звоне чашек и скрипе передвигаемых стульев, казалось, что все они – открытый функционирующий безумный мозг, с которого сверху спилена черепная коробка.

Отдельные кабинеты были только у главного и первого зама. Главный пожимал плечами на устройство редакции и вздыхал:

– Лично я в такой обстановке давно бы сошел с ума. Но говорят, теперь так модно...

Замглавного, непонятно откуда взявшийся на газетном поле, страшно гордился, поскольку это была именно им выстраданная идея реконструкции здания.

– Только в технологически правильных условиях мы сможем получать качественный продукт! – говорил он, поднимая палец, окольцованный крупным брюликом.

– Кать, как ты думаешь, замик писать-то умеет? – как-то спросила Лена Катю.

– Я думаю, он и читать-то не умеет, – вздохнула та. – Говорят, у него купленный диплом какого-то провинциального юридического института. А юридические дипломы знаешь, кто покупает?

– Кто?

– Бандюки. Это у них хороший тон считается...

...Вечером позвонила модной психологине Карцевой, у которой в прошлом году брала интервью.

– Вам лично? – зевнула Карцева. – Хорошо, подъезжайте. Я задержусь в консультации.

«И что я ей скажу? – растерянно думала по дороге. – Что Караванов свихнулся? Что хочет стать большим и сильным, а меня загнать под плинтус? Да она умрет от хохота!»

И вдруг вспомнила сцену, развеселившую ее недавно.

– Что это за таблетки? – спросила она про яркий флакончик, появившийся в кухонном шкафчике.

– Витамины. – Караванов покраснел и сделал неопределенный жест рукой. – Для тех, кому за 50. Я долго колебался, перед тем как их купить...

– Почему колебался? – не поняла Елена.

– Может, еще рано? – с надеждой спросил он.

– Почему рано, если тебе уже есть пятьдесят?! – недоумевающая спросила она.

– Ну мало ли... – сказал он и, обиженный, вышел из кухни.

Тогда она не обратила на это внимания. Ей не пришло в голову, что, как честный офицер, она была обязана сказать:

– Пятьдесят? Да ты выглядишь на десять лет моложе.

Но ее никто никогда не воспитывал в логике «мужчина страшно боится стареть», ее воспитывали в логике «женщина страшно боится стареть». А она совершенно не чувствовала своих сорока пяти, можно сказать, неслась по жизни вприпрыжку. Да, иногда, после восьми часов за компьютером начинала болеть спина. Да, надо было подналегать на кремы больше, чем раньше. Да, мужики сворачивали шею на идущую мимо «никакую» девочку возраста ее дочери. Да, в магазине одежды она с жалостью проходила мимо какой-нибудь мандариновой блузки с блестками. Но в постель, в работу, отношения с близкими и самой собой пришла такая свобода, словно с нее сняли гири. И она совсем не хотела обратно в свои двадцать, тридцать, сорок... И ей казалось, что с Каравановым все происходит ровно так же.

– Ясно, – сказала психолог Карцева после первых двух минут сбивчивого Елениного текста.

– Что ясно? – вздрогнула Елена.

– Очень инфантилен... Поэтому все процессы позже... – Она покопалась в ящике стола, набитого тетрадами, достала напильник и начала сосредоточенно подпиливать бордовый ноготь. – Как бы вы сформулировали свой основной вопрос ко мне?

– Подождите, да какие процессы?

– Есть такой ломовой процесс, называется «семилетка поиска». Классически начинается у мужчин в 40, у женщин немного позже. Чем человек инфантильнее, тем легче процесс сползает вниз по возрасту... – Карцева допилила ноготь, бережно подула на него и достала пузырек с лаком; было видно, что за день ее достали клиенты и ей очень хочется, наконец, сделать хоть что-то приятное не им, а себе. – Гормональная перестройка. Человека начинает мотать: так ли я живу, с тем ли я живу, в той ли стране, на той ли улице... Всплеск перед угасанием половой функции так же ярок, как и перед расцветом. Про переходный возраст все понимаете?

– Все, – выдохнула Елена.

– Здесь то же самое. Только подросток беззащитен, а климактерик социально защищен и оснащен, и выстраивает под себя культуру в отличие от подростка...

– Но подросток же маленький, от этого у него мозги набекрень, – с надеждой предположила Елена.

– Не от этого. Мозги набекрень от того, что физиологическое напряжение от перестройки организма съедает все силы. И ему не хватает ресурса скрывать то, что ему тяжело и неприятно. – Карцева встала, включила электрочайник. – Чай, кофе?

– Кофе. А у вас так никогда не было? – спросила Елена, прикинув, что Карцева женщина примерно ее возраста и ее внешней категории.

– Ничто человеческое нам не чуждо... – засмеялась Карцева. – У советских мамаш ребенок сначала учится ходить и говорить, а потом – только сидеть и молчать. Поэтому он потом в браке много лет сидит и молчит, вдруг вырастает, и как начнет говорить жене то, что

причиталось маме... уже не остановишь. Как говорится, есть четыре этапа мужской жизни: еще нет, уже да, еще да, уже нет...

– Но у него нормально с потенцией. То есть, конечно, не так, как раньше, но ничего критического, – пожалала плечами Елена.

– Так это вы осознаете, как ничего критического, а он – как приговор. – Карцева разлила кофе по чашкам. – Есть концепция Эриксона о «кризисах идентичности», через которые проходит каждый человек. Достигая определенного периода жизни, человек спрашивает, все ли он сделал, что мог в данном временном периоде. К последнему кризису в старости одни приходят с ощущением исполненности задач, другие – с ощущением полного поражения... Но там уже нет сил и времени бунтовать... А здесь еще полно.

– А как лично вы разбирались в такой ситуации? – уж совершенно бестактно спросила Елена.

– Скажу вам, как журналисту: технология всегда зависит от поставленной задачи. У меня была задача сохранить брак, – без всяких эмоций сказала Карцева, словно речь шла о задаче сделать ремонт или организовать деловую встречу.

– У меня даже нет вопроса о том, что можно брак не сохранить, – вдруг заторопилась Елена, и психолог стала ей активно неприятна. – У нас идеальный брак. Просто его немного занесло! Ой, знаете, все началось с того, что он поехал на деловые игры...

– Только не началось, а проявилось! Солома была сухой и облитой бензином, деловые игры поднесли спичку, – мягко предположила Карцева.

– Да нет же! Мы – классная пара, и эту придурь я из него выбью, – обронила Елена и тут же похолодела от собственных слов. – Ну, я хотела сказать, что ничего серьезного. Просто ему зачем-то нужен семейный психолог, и я согласна выполнить его каприз.

– Я готова к вам прийти. – Она полистала еженедельник. – В среду в девятнадцать. И рассчитываю, что вы, Елена, к этому времени осознаете, насколько серьезна ваша ситуация!

– Боже мой, да вы меня просто зомбируете! – вспыхнула Елена и подумала, на кой она пришла к этой суке Карцевой, которая занимается гипердиагностикой.

– Хочу напомнить, что стоимость времени моего консультирования никак не связана со сложностью ситуации, так что у меня нет стимула драматизировать то, чего нет, – словно прочитала ее мысли Карцева. – Но чтобы мы сэкономили время, подготовьтесь к нашей встрече.

– Как?

– Оба напишите на бумаге список претензий... Только аккуратней, а то у вас сейчас плохо наводится резкость...

Елена шла по улице и понимала, что «резкость» не наводится в принципе. Думала про то, что Карцева несла полный бред. И вообще психология – это не наука, а способ доставать деньги из неуверенных в себе людей. Потому что такие, как Елена, жесткой рукой рассортируют любой базар и вправят любой ситуационный вывих. Она чувствовала себя хозяйкой жизни и полагала, что впереди всего лишь объемная грязная работа. Ну примерно, как весной приезжать на заколоченную дачу, чтоб все перемывать и приводить в действующее состояние.

Претензии? Какие у нее были претензии к Караванову? Ну была одна... Правда, большая, огромная, ломовая... Ведь за все каравановские игры с однокомнатной квартирой шла многолетняя плата Лидочкиной психикой. Девочка должна была ежедневно созерцать в собственной комнате совершенно долбанутую бабушку. Получалось, что дочь рассчитывается за то, что мама регулярно выходит замуж за придурков, но процесс уже был запущен и мог завершиться, только уперевшись носом в ту самую однокомнатную квартиру.

Можно было в сердцах выгнать Караванова, но вопрос от этого не разрешался. Толик вцеплялся в материальные ценности как бульдог и уже сам не мог разжать челюсти. Мысль

навсегда остаться в квартире с его мамашей, да еще и без Караванова, парализовала Елену и Лидочку больше, чем все остальные возможные варианты. Ведь Караванов был обаяшка и примиряльщик, и умел развести разборку между женщинами в квартире волшебным голосом и приятной шуткой. Он был такой вечный сынок, перед всегда уместной трогательностью которого не могли устоять представительницы всех женских возрастных категорий.

Елена все еще прикидывала варианты займа или новой работы за квартиру, хотя уже понимала, что играет с собой в прятки и ждет, когда ситуация разрешится каким-то совершенно невероятным способом. «...Прилетит вдруг волшебник в голубом вертолете и бесплатно покажет кино...» Вроде самой было противно за такую позицию, ведь сама писала статью про то, что в «Москве больше казино, чем в Лас-Вегасе и Монте-Карло, что можно объяснить только страшной любовью русских к халяве...» Но, как ни крутила варианты в голове, – выхода не было. Потому что пойти работать в глянцевого журнала, чтобы писать о светских тусовках и технологиях накачивания маленькой груди большим силиконом, не могла. Она считала себя серьезным журналистом, вносящим небольшой, но честный вклад в медленные изменения жизни в стране, и была совершенно не готова менять это на длинные стыдные для себя деньги.

...Однажды, когда Елена в очередной раз ехала с загородной дачи после уже ставших необходимыми утех с Егорычевым, у нее вырвалось:

– Смотри, сколько домов стоит недостроенных! Ну почему одним все, а другим ничего?

– Ты про что? – удивился Егорычев.

– Одним даже лень достраивать, а другие живут друг у друга на голове! – воскликнула Елена про зияющие окнами новорусские кирпичные особняки вдоль дороги.

– Да не лень им достраивать... Просто кого-то пристрелили, кого-то посадили, кто-то разорился... Уж не до дома! – пояснил он. – А кто это живет друг у друга на голове?

– Ну, скажем, я, – сказала она и пожалела.

Очень не хотелось говорить об этом. Егорычев был для нее отдушиной, другая жизнь с другим ритмом, с другой интонацией. Встречаясь с ним, словно переключала программу телевизора, перейдя с издерганных новостей на бархатную интонацию французского фильма. Он иногда дарил ей парфюм и украшения, привезенные из других стран; но когда однажды деловито спросил: «Как у тебя с деньгами?» – жестко ответила: «Задавай эти вопросы проституткам, от которых ты устал. А мне не настолько плохо с тобой в постели, чтобы я брала за это деньги!»

Она любила подарки, но Егорычев был жутко состоятелен, и мысль о том, что вдруг ей нравится это, а не он сам, заставляла очень определенно очерчивать линию поведения. Кое-кто из недалеких подружек считал ее душой набитой, но это не имело ни малейшего значения, поскольку Елена была личностно доразвитым экземпляром.

– Так что у тебя с жильем? – нахмурился он.

Елена коротко, но раздраженно поведала про Толика, Филиппа; про то, как Караванову была обещана квартира, как он ее продал.

– А чего раньше не сказала? – удивился Егорычев.

– Ты что? Жилищная комиссия? – спросила она уже совсем злобно.

– Слушай, Мальвина, думаешь, я твоего мужа не видел? Сразу после второй встречи с тобой вник в вопрос. И скажу тебе честно: лох – это судьба. Жена лоха – тем более... – усмехнулся он.

Елена выдернула ладонь из его руки.

– Извини, не хотел никого обидеть... – замялся он.

– Не уверена... – отвернулась к окну Елена.

Она сначала долго не могла привыкнуть к присутствию водителя в машине, а потом в одночасье вдруг стало все равно.

– Ты мне можешь пообещать одну вещь? – спросил он, притянув ее к себе и покусывая за ухо.

– Ну? – Обиду немного отпустило.

– Через неделю у Миронова день рождения. Твой должен подойти к нему и сказать: «Господин Миронов, в свое время у нас с вами была договоренность о квартире...» И все! Договорились? – Миронов был президентом компании, в которой работал Караванов, а Егорычев – совладельцем.

– Да он уже три раза ловил его на презентациях, Миронов говорил: «Хорошо, хорошо...» И забывал навсегда. А Караванов потом напивался в дым и выдавал сердечный приступ от унижения...

– Обещай мне, что заставишь его подойти. Дальше уже мои проблемы...

– Попробую, – отрезала Елена и спохватилась: – А как мы попадем на день рождения Миронова?

– Старым казацким способом... Твоему ненаглядному привезут приглашения.

И Елена вдруг поняла, что вопрос с квартирой решен. Но от этого стало не радостно, а мутно. Словно съела что-то нехорошее, а потом извалялась в грязи. И к тому же испугалась, что не знает, как себя вести теперь. То ли бесхитростно чмокнуть его в щеку, что делала, получая дежурный флакон духов или побрякушку. То ли промолчать... И, собираясь промолчать, неожиданно для себя проорала:

– В конце концов, вы просто возвращаете то, что у нас украли!

– Я, Лена, ничего не крал ни у тебя, ни у трех твоих мужей. Которые все вместе не пожелали заработать себе на угол, а предпочитали тянуть с бабы... А налоги я не платил так же, как и вы, – вдруг дернулся он. – Я же не виноват, что вы это время зарабатывали три копейки, а я – три миллиона. И не бумажки в кабинете перебирал, а ежедневно рисковал жизнью всей семьи. Ты думаешь, у меня просто так инфаркт был?

Стало еще мутней. Получалось, что после трех малахольных мужиков ей попался нормальный, и она мстит ему за их несостоятельность...

...А вскоре случился день рождения Миронова. И Караванов получил приглашения. Было не очень понятно, почему он, когда не пригласили его начальника. Но Караванов всегда был жутко невнимателен.

Елена сбилась с ног, покупая подарок. Знала, что в таких ситуациях имениннику вручается жутко дорогая бессмыслица. Объездила все художественные салоны и купила не удающую в грязь лицом картину. Пошла в парикмахерскую, приобрела расшитый блестками вечерний костюм.

День рождения проходил в понтовом местечке с фонтаном посередине. Доехали, поймав битые «Жигули», и охрана посмотрела на них с изумлением. Гости подплывали на «мерседесах», долго вынимались из них, сияя смокингами и голыми плечами. Потом торжественно несли и складывали в фонтан букеты, огромные и разряженные, как новогодние елки. Это были депутаты, министры, бизнесмены и звезды шоу-бизнеса. Со своей охапкой алых роз Елена чувствовала себя нищенкой на паперти. И, хотя знала половину присутствующих, потому что брала у них интервью, поняла, что они с Каравановым выглядят как дети из детского дома на кремлевской елке.

Возле фонтана стоял микрофон, и поздравляющие зачитывали адреса и стихи, исполняли песни под минусовку. Миронов, улыбаясь, пожал руки Елене и Караванову. И в глазах у него проскочило короткое, но уверенное знание о том, почему они оказались на этом приеме. Потом он занял место в центре стола, и к нему потоками потекли поздравители-просители. Только тут Елена поняла, что факт попадания на праздник и близость к телу Миронова – это, ох, какая крупная пайка; и половина присутствующих долго прогибалась, чтобы что-то ухватить с поздравления этого именинника, почти олигарха...

Это называлось «список рассылки». И ей было противно попасть в рассылку через постель. Но другой дороги туда у журналиста не было, разве что сидеть на кегебешном сливе информации или писать джинсу на конкретного хозяина.

Появился Егорычев с супругой. Она была моложава, улыбчива и ухожена. Такая среднеарифметическая жена богатого, отполированная массажистами и не тронутая руками мужа.

Елене даже показалось, что она рассматривает жену как соперницу, но, усмехнувшись, поняла, что ей все равно... да, ей приятно проводить время с Егорычевым, но она не влюблена в статного роскошного Егорычева. Она любит маленького растерянного полнеющего Караванова, который вместо того, чтобы знакомиться с нужными людьми, с идиотским выражением лица выковыривает кровати с огромного серебряного блюда, полного морских гадов.

Егорычев с супругой подошел, поцеловал Елене руку, представил ее жене как известную журналистку. Жена скользнула надменными глазами, поблескивающими от линз, и не выразила ни малейшего интереса. На Елене были «не те» шмотки; «не то», точнее, нулевое количество массажа, косметических процедур и часов в спортзале; «не те», хотя и привезенные Егорычевым, кольца... Елена была в ее понимании ровесницей без «знаковой» экипировки, а значит, неудачницей.

– Ну как тебе моя? – спросил Егорычев глазами.

– Суперкрасавица, – солгала Елена ответным взглядом.

И подумала про себя: «И чего эти несчастные бабенки так на ушах стоят, если их даже собственные мужья не трахают?»

На секунду представила, как все это облитое смокингами мужское население зала час трясется в машине, чтобы где-то на чужой загородной даче обцеловывать других женщин и шептать им на ухо другие слова... Это на секунду отвлекло ее от основной задачи. Но только на секунду.

– Как здорово, что нас сюда позвали, – мурлыкнула Елена, прислонившись к Караванову.

– Мне нравятся кровати. Никогда не ел таких крупных, – ответил он с набитым ртом.

– Сейчас отличный случай, чтоб подойти к Миронову и напомнить о квартире...

– Да ты что? Он мне ее пять лет тому назад обещал, – развел руками Караванов. – Меня небось сюда и позвали именно из-за того, что с квартирой кинули. Чувство вины... понимаешь...

– Мне кажется, что Миронов все помнит и именно поэтому мы здесь. Ты видел, как он пожал тебе руку? Ты должен подойти к нему...

– Не пойду я к нему. Сто раз уже ел эту кашу! – напрягся Караванов и потащил новую гроздь кроветок с фуршетного стола.

– Да отложи ты эту дрянь! Ты сюда жрать, что ли, пришел? – чуть не запустила в него тарелкой Елена.

– Не только, – сделал ехидный жест Караванов. – Еще и выпить на халяву.

– Послушай, ситуация ложится нам под ноги, звезды выстроились в нашу пользу. Ты должен подойти! – жарко зашептала Елена, потому что за ними уже изумленно наблюдали официанты.

– Отстань! – зашипел Караванов. – Я пошел за виски, тебе что-нибудь принести?

– Принеси квартиру! – Она стояла в небанкетной позе «руки в боки».

– Непременно, сейчас пойду и налью... Вон из той бутылки, – улыбнулся Караванов и направился в сторону бара.

– Ты должен подойти к нему! Ты просто обязан! – бубнила Елена, шагая за ним. – Если тебе нисколько не стыдно передо мной, то пожалей Лиду! Ради тебя она мучается в одной

комнате с этой старой сволочью! А ты сидишь целый день в офисе, а приходишь под вечер, и все перед тобой пляшут!

– В конце концов, ты можешь меня выгнать! – взмахнул руками Караванов, не поворачиваясь. – Я соберусь ровно за десять минут. В следующем браке тебе повезет больше.

– Ага, ты хочешь, чтобы мой следующий муж расхлебывал твою несостоятельность? Ну уж нет! Не выйдет! – Она забежала вперед и перегородила ему дорогу прямо перед барной стойкой.

– Дай я пройду к напиткам! – с интересом смотрел на нее Караванов, пытаясь понять, что у нее заготовлено на следующее блюдо.

– Ты знаешь, что я способна на все? – напомнила Елена, физиономия у нее пылала.

– Увы... – развел руками Караванов, продолжая игру в волка и зайца.

– Видишь микрофон? – На них смотрели, но Елене было уже все равно; это был последний и решительный бой.

– Вижу! – вежливо кивнул Караванов.

– Сейчас я подойду к нему, поздравлю Миронова, а потом сообщу, что ты козел и я с тобой развожусь! Веришь?

– Верю! – кивнул Караванов, прищурившись. – За тобой не заржавеет. Я совершенно не против... Мне кажется, это даже украсит тусовку. «Что за свадьба без битья, пьянка, да и все...» Правда, они не поймут, кто мы с тобой такие. Не тот уровень. Но зато будет весело...

– Это не все, что я скажу! – Елена набрала воздуха в легкие. – Это будет только пролог. В основной части я скажу, что разочарована в Миронове. Что он дешевый кидала, что договорился с тобой о работе под квартиру, работу получил, а квартиру зажал. Вот будет хохота...

– Ты этого не сделаешь! – побледнел Караванов.

– Я? Легко! А своему главному завтра скажу, что напилась в дым и ничего не помню. Он только посочувствует. Да и Миронова он не любит. – Елена достала из сумочки пудреницу и начала подкрашивать губы и поправлять волосы. – Как я выгляжу? Волосы ничего лежат? На, держи сумку. Не попрусь же я к микрофону с сумкой... Ну все, пойду повешу на него всех собак!

Караванов машинально взял сумку. Бросил на Елену сломленный ненавидящий взгляд, который, видимо, бросал на родителей в переходном возрасте, протянул сумку и хрипло сказал:

– Хорошо, я подойду к Миронову. Но ты об этом пожалеешь!

Отошел от нее, хлопнул стакан виски. Елена забилась в угол зала и, поглядывая оттуда, гипнотизировала его. Караванов сделал несколько кругов вокруг именитого стола, за которым, сменяя друг друга в очереди, сидели спортсмены, артисты, политики и даже один лама из Бурятии со всеми ламскими причиндалами – эдакое безумное чаепитие... Потом встряхнулся, как птица, собравшаяся взлететь, и рухнул на освободившийся стул.

«Только бы не сбежал, только бы не сбежал, только бы слова выдавил, господи, дай ему силы, Толик мразь, Лидочку жалко, что ж я, такая дура несчастная, мужиков одного к одному выбираю, подсел, улыбается, господи, что за улыбка, он же пьян в задницу, когда успел, ага, это стакан виски после креветок, хоть бы сожрал чего толковое перед этим, ну что за дурак, Миронов улыбается ему, коньяк наливает, только бы потом до машины его донести, встал, неужели уже, идет ко мне, улыбается, ой, неужели получится, ну, Егорычев, просто зайчик...» – галопом несло у нее в голове.

– Пошли выпьем, – предложил Караванов многозначительно.

– Конечно, – проворковала она, не смея задавать вопросы.

Караванов взял себе еще стакан виски, ей «Бейлиса», пьяно улыбнулся и изрек:

– Собственно, мы с ним закрыли вопрос. Через неделю будет однокомнатная квартира.

– Караванов! Ты – гений! – бросилась она к нему на шею, стараясь звучать не слишком фальшиво.

– Я ненавижу слово «гений» в твоих устах! – поморщился он. – Просто Миронов оказался человеком, держащим слово и помнящим, что эту квартиру я заработал.

...Толик собирал вещи своей матери с большим неудовольствием. С одной стороны, радовался куску; с другой – уж больно лихо ему сунули в морду эту квартиру с выражением лица: «А теперь, чтобы твоих химических следов здесь не было!»

Он не знал, к чему прицепиться, собирал в материн скарб какой-то хлам, никогда ей не принадлежавший. А потом дико орал на Лиду про какой-то желтый телефон, полагая, что его снова надули и обобрали. Оказалось, что речь шла о сломанном коричневом телефоне, который Лида подарила Елене уже при Филиппе. Но Толик назначил телефон своим, как массу старых неработающих вещей, и долго орал, и в истерике даже пытался что-то швырнуть в сторону Лиды. Лида побледнела, но не посмела ответить ему.

Караванова не было дома. При нем Толик никогда не позволил бы себе такой мерзкой истерике. У Елены мелькнула странная мысль запустить в него чем-нибудь. Он может не сдержаться, и ударит ее, чего никогда не делал в браке. И тогда с холодным носом освидетельствовать побои и посадить его, потому что никаким другим способом нельзя рассчитаться с человеком, который столько лет обирает собственного ребенка, да еще и пытается выглядеть в этой роли обиженным. И никто, ни друзья, ни мать, ни общество его не осуждают...

А ведь когда-то был красавцем, состоящим из мышц и острот. Она любила его, гордилась его успехами, считала себя счастливо вышедшей замуж. И вот перед ней состарившийся чужой неухоженный мужик с белыми от ярости глазами, пытающийся отыгаться на собственной дочери за то, что от него избавляются навсегда.

– Мама, давай уйдем, пока он тут будет... – сказала Лида, и было слышно, что ей и страшно, и стыдно, и противно видеть отца таким.

...Когда квартира освободилась от Толиковой матери и возможности возникновения Толика на пороге, Елена расцвела и запорхала. Караванов тоже словно стал выше ростом и крупнее жестом. Лида начала переделывать комнату под себя, но все равно долго не чувствовала себя в ней хозяйкой и старалась толкаться на кухне и в большой комнате.

Все эти годы с бабушкой под носом она словно топталась на месте. Неудачно училась, неудачно вышла замуж, неудачно развелась, горевала о коротком неудачном замужестве, делала вид, что собирается работать... На деле ничего не происходило, и Елена не мучила ее назиданиями, понимая, что девочка пытается прийти в себя после трех маминых браков.

Караванов любил Лиду, при том что совсем не занимался собственными детьми. Он называл это: «К сожалению, я воспитываю их только материально...» Правда, позиционировался возле Лиды не в роли отца, а в роли старшего брата, мгновенно бросающегося вместе с ней к обороне против Елены.

Его дочь все никак не могла устроить личную жизнь, а сын топил одиночество в алкоголе... Елену потрясало безразличие Караванова по отношению к собственным детям, пока она не поняла, что он их просто боится, как большинство мужиков, рано расставшихся с женами и не сумевших сохранить человеческие отношения.

– Вот теперь начинается нормальная жизнь, а то была подготовка, – сказала себе Елена с освобождением квартиры. – Наконец у меня есть все для счастья: любимая дочь, любимая работа, любимый муж и любимый дом.

– Чё ты там на бумаге пишешь, кохана моя? Неужели еще не научилась писать ручкой? – спросила Катя.

– Список претензий к Караванову, – хмыкнула Елена.

– Поругались?
– Да нет, психолога вызвали.
– Чтобы морально помастурбировать?
– Да он после деловых игр как с цени сорвался. Впечатлительный оказался...
– И ты на это обращаешь внимание? – удивилась Катя. – Лен, у тебя надрыв – главное свойство организма. Облегчать надо эмоцию, облегчать и раскрашивать...

– Ага. Вот сейчас напишу и раскрашу...

Она писала список претензий. Ой, как это было странно. Открыла историю ежедневной переписки с Каравановым в программе «аська» и еще больше разозлилась на Карцеву. Переписка с Каравановым состояла из дурацких нежностей и кокетливостей. Она писала ему из дома на работу, что печет его любимый пирог с корицей, он отвечал милые колкости. Она зазывала его домой пораньше, а он ее к себе на работу.

Она думала: «Какие у меня претензии? Да, пожалуй, всего одна. Предательство с квартирой... но... какое большое, длинное, многослойное, многоэтапное... В нем и неспособность честно сказать: я обещал, но не смог. И сюси-пуси с Толиком. И деланье вида, что все в порядке. И упрекание меня в хамстве к свекрови после всего того, что я вынесла из-за него. А главное, эта способность мгновенно убедить себя, что это ему дали квартиру... столько лет не давали, а тут, бац, – и дали. Это претензия номер один.

Номер два – это то, что Караванов редко, но публично напивается. Конечно, его дело. Но если мы вместе, то вечер у меня отравлен брезгливостью.

Номер три. Он совершенно безынициативен. Как тряпичная кукла. Куда посадишь, там и сидит. Выделяется только по мелочам: капуста не так порезана в супе, шампунь и гели ты забыла в ванной после мытья поставить на нужные полочки, на кухонном столе все не так стоит... И час гундит по этому поводу».

Так делают ее родители, всегда считала гунденье признаком старости и мелочности. У Караванова это появилось внезапно, но по большому счету... Ей вообще не понятно, как можно жить и чувствовать так нудно, как Караванов. Она по натуре была легкая, праздничная: могла делать сразу десять дел, легко переключаться и держать уйму всего в зоне внимания. Когда Караванов шел с ней в магазин, это была взаимная пытка. Он спрашивал:

– Что нужно купить?

Она искренне отвечала:

– Откуда я знаю? Увижу и пойму.

Караванов бесился:

– Ты что, не знаешь, чего у нас нет?

Елена отвечала:

– Наверное, знаю, но пойму, когда увижу.

Елена вообще жила, как пела. То весело, то грустно. А Караванов жил, как считал. То правильно, то с ошибками.

Она в жизни всегда сразу видела, нужен ей данный мужчина и насколько. Могла покупать одежду, не примерив. Умела разболтать на интервью бронзовый памятник; подружиться с любой кошкой и собакой; приготовить красивый обед из пустого холодильника; сложить в пазл любые бытийные осколки. Караванов же словно сбивал куски жизни дециметровыми гвоздями, и от этого вся конструкция постоянно дергалась и хрипела.

Итак, претензия номер три называется: «Он не гибкий, он скучный...»

Номер четыре. Его совершенно не волнуют мои дела. Он ежедневно выслушивает мой отчет о прожитом дне. То с раздражением, то с интересом ревизора: ага, все на месте, никуда не денется. Он давно не читает моих статей и интервью.

Номер пять. Это – постель. Но я же не могу рассказывать психологу, что мне вдруг все там перестало нравиться. Караванов замечательный любовник, но последнее время словно все делает наоборот...»

Елена задумчиво записывала все это на оборотках распечатанных интервью, покусывая ручку, как в школе.

Она думала: «Егорычев? Почему у нас прекратились отношения? Я ведь изнывала от благодарности. И он мне страшно нравился... Правда, было ощущение, что он меня купил. Он почувствовал это. Стал еще внимательней и предупредительней... Но отношения стали усыхать от того, что стало казаться, что я отрабатываю... Праздник ушел. А потом все скукожилось само собой. И даже не сразу это заметила. Егорычев долго был за границей. Вернулся – созванивались. Не получалось по времени. Потом отвыкли друг от друга. Начался медовый месяц с Каравановым. И Егорычев сам собой сошел на нет...»

Иногда видела Егорычева на тусовках и говорила:

– Позвонил бы... – таким тоном, после которого даже слепоглухонемой поймет, что звонить не стоит.

Потом услышала, что у него роман с юной артисткой, увидела его помолодевшим и похудевшим, порадовалась.

А с Каравановым они начали возиться с квартирой. Переставлять, украшать, переклеивать. Это оказалось нелегко, потому что у него по всякому закрученному шурупу и каждой купленной рюмке было свое мнение при полном отсутствии вкуса. Елена никогда не интересовалась мыслями двух первых мужей о том, подходят занавески к дивану, а обои к люстре или нет. А тут несчастный Караванов, по вине которого мучились столько лет, начал высказываться! Елена вспыхивала внутри, но быстро гасила себя, натягивала на лицо внимательность.

«Нехай изложит, – думала она. – Все равно сделаю, чтоб было красиво...»

Начали принимать гостей. И тут нарисовалась новая гражданская война. Ритуал приема каждому представлялся по-своему. Елена должна была «сделать стол с романтическими свечами и тихой музыкой», Караванов наливал чай и резал неопрятные бутерброды прямо на клеенке в кухне.

– Моих гостей я буду принимать по-своему! – угрожающе предупреждал он.

Но Елена исхитрилась смягчить общежитскую атмосферу, и все постепенно перетекало в застолье со свечами.

– Меня тошнит от твоих керамических салатниц и расшитых скатертей! – сообщал Караванов. – Я себя перестаю чувствовать дома.

В этом не было ничего удивительного, потому что у его родителей не был принят «оформленный стол».

– А я не могу пить водку с огурцом на кухне! Хватит застойных радостей. Хочу жить красиво! – парировала Елена.

Но энергетически она была настолько мощней, что «его» гости постепенно исчезли. А с «ее» гостями он некоторое время играл идеального мужа, скучал, быстро напивался и засыпал в складках местности.

В чем же, собственно, состоял медовый месяц в «новой» квартире? Показалось, что стало лучше в постели. Когда уходила Лидочка, они могли устраивать бог знает что. Ведь до этого мать Толика бродила по квартире тенью отца Гамлета, регулировала и комментировала все происходящее. И, по сути, они оставались вдвоем, только закрывшись в комнате ночью.

Теперь у них была большая, огромная свобода... Но, как молодожены, только что оторвавшиеся от родителей, они ходили вокруг этой свободы, откусывали по кусочку с краешка и скорее любовались на нее, чем ею пользовались.

И тут появился Юра... Обычный московский подвозила на «Жигулях». Он был на десять лет младше Елены.

Вез от дома – опаздывала на летучку. Заглянула ему в глаза, поняла: осторожно, высокое напряжение... Но как-то даже кокетничать не стала – больно молод.

Через неделю шла домой, остановилась машина, он вышел и сказал:

– Привет. Дай телефончик.

Елена узнала его, растерялась и глупо спросила:

– Зачем?

Пожал плечами и предположил:

– В гости придешь. У меня жена на полгода уехала...

– Молодой человек, вы рехнулись? – отозвалась Елена и вдруг совершенно отчетливо представила себе его красивые руки на своей груди, и помимо собственной воли сказала: – Записывай...

– Запомню, – кивнул он, рассматривая ее.

Юра был идиот: корыстный, циничный, подозрительный, обидчивый, малограмотный... Говорят, что, когда рождаются гении, солнце целует их в лоб. Юру солнце поцеловало значительно ниже. И то, как он умел осваивать пространство этим местом, не подходило ни под какие привычные критерии: размер, опыт, темперамент. Это было за гранью здравого смысла.

В этом, как и с Егорычевым, снова не было вкуса измены. Секс с Юрой был совершенно недушевленным. Как наслаждение от возни с котенком, которого даже незачем запоминать по имени.

Елена самой себе удивлялась, обнаружив себя то в кустах, то в подъезде, то на кухонном столе в его нежных стальных объятиях. Это был чистый наркотик. Если не виделась с ним два раза в неделю, становилась замкнутой и раздражительной. Понимала, что в этом нет следа влюбленности, только звериная зависимость, которая однажды началась ниоткуда и позже бесследно уйдет в никуда. Но секс с Каравановым на этом фоне выплел, как свеча на фоне прожектора...

Юре нравилась Елена. Но по природе он был чистый альфонс и рассматривал поцелованный при рождении солнцем орган как инструмент устройства в жизни. Он внятно и ласково попросил устроить его на хорошую работу. И тут же получил это. Вылетел с этой работы через две недели, попросил о новой, и тут же получил новую.

С Юрой Елена и не думала комплексовать по поводу возраста не только потому, что его любимой южной присказкой было:

– Фрукты и бабы должны быть зрелые!

Но и потому что, по его рассказам, чем моложе была избранница, тем на большую услугу или сумму он умудрялся ее выставить. Чем девушка была свежей и неопытней, тем в большей степени ей казалось, что постельный талант Юры – следствие любви. Но это было все равно что заподозрить Карузо в качественном пении по причине влюбленности в отдельного слушателя, а не по факту гениальности.

Иногда Елене казалось, что если во время полового акта ее незаметно заменить на надувную куклу, то Юра не заметит и ничуть не сбавит качества. Как по-настоящему великий артист отлично играет и на зрительный зал, и на пустую репетиционную комнату, Юра всегда выкладывался стопроцентно.

Он был мальчишка из приморского пригорода, незнамо каким отдыхающим зачатый на ночном пляже, когда мама заканчивала девятый класс. Это не расходилось с семейным сценарием и не стало особой драмой, поскольку сама мама появилась на свет точно таким же образом. И бабушка была страшно рада появлению внука, и всю жизнь приговаривала, цокая языком:

– Пацану что? Пацан себе всегда пробьет дорогу хуем!

Семья жила в домике недалеко от моря, и Юра не только получил здоровое, морское, спортивное детство, но и жизненный опыт. Летом бабушка и мама переселялись в летнюю кухню, а подросший Юра ночевал на чердаке, потому что все остальное пространство их избушки на курьих ножках сдавалось отдыхающим. В жизни на чердаке был особый смысл, потому что, ловко подпилив досочки в правильных местах, Юра получил доступ к созерцанию еженощного порношоу сверху. И так вошел в тему, что уже в 12 лет рослым продвинутым подростком потерял девственность с классной руководительницей, встреченной на ночном берегу.

Ровно с этой секунды он по рекомендации бабушки начал пробивать жизненную дорогу заветным органом. Первой его жертвой стала дочка завмага из райцентра. Второй – немолодая жена начальника, водителем которого он работал. Потом Юра поехал купить зимнее пальто в Москву и понял, что со своими данными должен жить внутри Садового кольца, чего достаточно быстро добился, обрюхатив дочку мидовского служащего. Дочка родила ребенка, родители сделали ей квартиру возле Таганки, Юра попробовал заниматься бизнесом и прогорел из-за неорганизованности. Свалил все это на дефолт и начал «бомбить». А тут еще и свекор продвинулся по работе в азиатскую страну и позвал погостить дочку с внуком.

Более счастливого времени жизни Юра не знал. Он просыпался в двенадцать в пустой квартире и выезжал на трассу «клеить баб», совмещая любимое дело с непыльным заработком. Плюс к этому ему хотелось откусить от каждой понравившейся пассажирки хоть какой-то кусок, и он клянчил все: устройство на работу, контрамарки в театр, возможность на халяву поесть на презентации в Академии наук, лечение зубов, бесплатные цветы из оранжереи, породистого котенка, лекарства, приготовленный обед и бутерброды с собой, педикюр, старый мобильный телефон... то есть все, что можно было взять, съесть, выпить, унести и впитать. И это было для него нормально, потому что бабушка любила похвастаться, как стянула у квартирантов прямо перед отъездом какую-нибудь не очень важную, но полезную в хозяйстве вещь.

Он премило рассказывал все это Елене, и она хохотала, приговаривая:

– Ты, Юра, экологически чистый продукт!

На что он любил серьезно ответить:

– Да что ты понимаешь в экологии? У нас там около берега атомных подлодок больше, чем медуз!

С появлением Юры роли изменились, и Караванов, предназначенный для секса, превратился в доброго родственника. Ему бы, дураку, в этот момент сосредоточиться на человеческих отношениях с женой, не подразумеваемых с Юрой, Юра бы исчез с полпинка. Но Караванов, видимо, внезапно устал от брака, устал от себя самого и решил расслабиться.

Юра «закончился» ровно через полгода, когда вернулась жена. И его начали интересоваться исключительно женщины в пустых квартирах. Он так и сказал:

– Шикарная ты баба, Ленка, но вот если б ты развелась и своего выгнала, я б тебя любил до старости лет!

– И на хрен ты мне без моего? – удивилась Елена. – Одним членом сыта не будешь...

– Это смотря каким, – обиделся Юра.

– Да любым...

Отношения с Юрой поставили крест на медовом месяце с Каравановым. И, как Елена ни пыталась их реанимировать, стало ясно, что возвращаться в супружескую добродетель бессмысленно. Не из-за особого дефицита секса, а из-за того, что Караванов оказался хорош

на период «борьбы и выживания». А вот быть счастливым на освобожденной территории он уже не умел.

И пока у нее был кто-то еще, ей вполне хватало тепла и энергии, а с одним вроде и любимым Каравановым возникла безжизненная заданность ходов. И она начала совершенно сознательно искать героя для романа...

...Елена сложила листок с претензиями вчетверо, засунула за обшлаг записной книжки и забыла о нем ровно до часа, в графе которого в еженедельнике было написано: «Психолог Карцева!»

Оба прибежали домой часов в пять и сильно суежились. Елена, естественно, по накрытию стола. А Караванов долго принимал ванну, брился, переодевался, смотрелся в зеркало.

Дома Карцева вела себя мягче, чем в кабинете, задавала незначачие вопросы про обои, чашки, комнатные цветы.

«Расслабляет!» – раздраженно подумала Елена.

– Итак, какие у вас проблемы? – спросила Карцева легким гибким голосом, ласково посмотрев на Караванова.

Караванов помешал кофе в чашке, хотя это было совсем не обязательно, потому что пить его он совершенно не собирался, достал из папки аккуратно сложенные листы:

– Дело в том, что я понял полную бессмысленность попыток обсудить состояние наших отношений без помощи специалиста. Моя жена их просто рассыпает в песок...

– Так ты ни разу всерьез не пытался ничего обсудить! – всплеснула руками Елена.

– Извините, Елена, будет правильно, если вы не станете перебивать друг друга, – положила Карцева ладонь на ее руку.

– Одним словом, я написал список претензий. Это заняло пять листов, – вздохнул Караванов. – Но лучше я коротко перечислю их своими словами... Первое, от чего мне совершенно невыносимо жить, это то, что любая просьба формулируется как упрек. «Почему это ты до сих пор не сделал?» вместо «Сделай, пожалуйста!» На лице моей любимой жены ежесекундно написано: «Ты не заслужил своими прежними поступками моей жертвы...»

– Ни хрена себе! – аж подпрыгнула Елена. – Все... молчу, молчу!

И начала сосредоточенно пить чай.

– Подобный подход пронизывает все сферы жизни без исключения. Это парализует желание пойти навстречу, потому что, идя навстречу, вроде бы соглашаешься с высказанным упреком. Просьба в форме упрека означает для меня: «Вел бы себя прилично, я б тебя своими просьбами не грузила»... – Караванов вытер пот. – Ожидание нарваться на упрек блокирует возможность любой инициативы с моей стороны.

– А вы пытались сказать это Елене? – осторожно спросила Карцева.

– Миллион раз. Но ей уже несколько лет не интересно то, что я говорю. Она все за меня знает лучше... – развел руками Караванов. – Она даже в постели все знает лучше. И там я тоже все время нахожусь в ожидании упреков, отсюда полное ощущение, что у нее нет ко мне влечения. А без этого секс не имеет для меня смысла...

У Елены все сжалось внутри: «Господи, до чего ж я мужика довела, что он легко говорит с чужим человеком на такие темы!»

– Мои интересы учитываются только тогда, когда она признает, что это мне полезно. Во всех остальных случаях – это глупости, недостойные обсуждения. Мои просьбы выполняются только в том случае, когда мне удастся убедить ее в том, что, и с ее точки зрения, просьба не так уж плоха. Сам же факт моего обращения с просьбой не является ни малейшим основанием для движения навстречу, – продолжал Караванов.

– Хорошо, а если посмотреть на конкретные вещи, – выдохнула Карцева, она словно дирижировала Каравановым глазами.

– Пожалуйста! Вот перед вами наше жилье! Здесь все, абсолютно все под ее полным контролем. – Он обвел комнату глазами, и голос стал выше. – Мне не нравится ее эстетика квартирному устройству. Для меня это – «музей»: смотреть интересно, но жить неудобно. Разрушительно не то, что я вынужден допускать вещи, мне некомфортные, а то, что я не встречаю никакой готовности пойти таким же образом мне навстречу...

– Квартира? Хорошо. Еще что вы понимаете по-разному? – спросила Карцева более твердым голосом, чем говорила раньше, повышая интонацию вместе с Каравановым.

– Еще она вывела из дому всех моих гостей! Она не дает мне возможности принимать их так, как мне удобно! Потому что отсутствие вазочек дискредитирует ее как «хозяйку». – Он поднял чашку с кофе, видимо, символизирующую те самые «вазочки». – В нашем общем доме у меня нет своего «угла», своего «рабочего места», нет своего частного пространства. Запрета на него нет, но этот «угол» неизбежно будет сделан не по моим, а по ее критериям, а значит, не сможет ощущаться как «мой угол». Поэтому я давно отказался от подобных попыток...

– Так ты меня хочешь обвинить в том, от чего ты сам давно отказался?! – вспыхнула Елена.

– Да, я отказался. Мне так дешевле! И ты это знаешь! – почти заорал он. – Большую часть дел, которые я бы вполне мог делать дома, я делаю на работе, где, в отличие от этой квартиры, я чувствую себя «у себя дома». Но главная тема, не дающая мне жить нормально, это тема предательства... И пространство тем для обсуждений, не чреватых риском нарваться на упрек в предательстве, сужается год за годом...

– Вам очень тяжело жить в такой атмосфере? – понимающим голосом спросила Карцева.

– Да вы себе не представляете! Все мое внутреннее устройство переориентировалось на задачу – отбиться... – упавшим голосом сказал Караванов, и Елена бегло подумала: – «Какая ж я сука!»

– Скажите, что для вас стало неожиданностью в рассказе вашего мужа? – повернулась Карцева к Елене.

– Не знаю... По отдельности я все это слышала, – пожала плечами Елена. – Но когда все сразу, то неожиданны... как это сказать... объемы обреченности. Знаете, я всегда, когда вижу проблему, сначала начинаю ее решать, а потом уже думаю. Глаза боятся – руки делают. А Караванов наоборот. Он начинает думать, думать, надувать проблему, пока она его не придавит...

– Вот видите, – щелкнул пальцами Караванов. – Весь ответ состоит из того, что она сверхчеловек, а я – не тяну.

– Ну я не это хотела сказать! – покраснела Елена и четко поняла, что хотела сказать именно это. – Вот он говорит, что у меня на лице всегда написано: «Ты не заслужил своими прежними поступками моей жертвы». Но что я могу сделать со своим лицом, если столько лет я приходила домой и из-за него видела здесь мать своего первого мужа? Я что, должна устраивать театр кабуки со своим лицом? Или я должна скрывать от него, как мне это все было тяжело?

– Но ведь то, как вы говорите, это дорога не к починке брака, а к его дальнейшему разлому... – намекнула Карцева.

– Ну что же делать? Он высказался, значит, и мне пора высказаться, – оборвала ее Елена, хотя в мозгу запульсировало «замолчи, остановись», но ее уже понесло, как разогнавшийся поезд. – Он говорит, что я все знаю за него лучше? Но это его устраивает. Попробовал бы кто-то мне сказать, что он все знает за меня! Караванов говорит, что у меня нет влечения

к нему в постели? Но что он сделал, чтоб оно было? Ошарашил меня подарком? Завалил под кустом? Зажег свечи? Он говорит про наше жилье! Но ему все равно, где жить и как жить! Он не знает, что такое красиво, почему нож должен лежать справа, а вилка слева, почему салат надо перекладывать в салатницу, а не есть из миски, с какой целью туалетная бумага должна подходить по цвету к обоям в туалете... У него нет своего частного пространства? Но у нас всего один письменный стол с компьютером. Поставить второй? Чтоб получился офис? Есть другой выход: заработать на квартиру побольше, с кабинетом для него. Но он не готов это делать, потому что в свободное время занимается наукой, а не халтурой! И занимался этим, даже когда здесь была мать Толика, потому что сберегал собственную личность ценой моей...

– Остапа несло, – вставил Караванов.

– Я тебя не перебивала! – гавкнула Елена и честно добавила: – Почти... Смотрите: он отказался от того, чтобы выгородить себе угол, потому что ему было так дешевле! Он отказался в свое время от боя за квартиру, потому что ему было так дешевле! Он же никогда не думал, насколько все это будет дорого мне! Ведь это я имела тут мать Толика, а он практически жил на работе! Он считает, что главная причина моего недовольства – предательство? А на что он рассчитывал, когда предавал? Он утверждает, что разучился делать многие вещи, связанные с инициативой? Но ведь это так удобно... Тем более что придет большая сильная жена и все сделает сама. И даже по головке погладит, чтоб не расстраивался, что у него ничего не получилось...

...Елена не помнила, что они дальше говорили друг другу. Помнила, что она раза три ставила чайник и он успевал остывать до того, как к нему притрагивались. Под конец Карцева спросила, насколько эффективно они готовы идти навстречу, чтоб договариваться, и попросила оценить это по десятибалльной системе. Елена назвала цифру восемь. Караванов – цифру два.

Цифра два словно хлестнула ее по щеке – получалось, что он не хочет сохранять брак. На самом деле было ясно, что цифрой восемь она в очередной раз пытается показать ему, козлу, насколько большую жертву готова принести... чем он, козел, того заслуживает.

Еще он что-то там заявил про то, что готов строить любовные отношения на стороне. Но тут Елена так неприлично расхохоталась, что Карцева начала умирять ее. И попросила Караванова обождать с любовными отношениями на стороне хотя бы неделю, до следующей встречи с ней, на которой они посмотрят, какова реальная динамика их готовности пойти навстречу друг другу.

Елена выложила ей кучу денег. И с неудовольствием отметила про себя, что на психологе настоял Караванов, но нашла психолога она, договорилась она, стол накрыла она, и даже в кошелек полезла тоже она. А Караванов ушел на кухню переживать.

– И что вы обо всем этом думаете? – шепотом спросила Елена в коридоре.

– Кризис идентичности. Мальчик вырос, но не знает, что с этим делать. А мама не знает, как себя вести с выросшим мальчиком. Все зависит от того, насколько сильно вы нуждаетесь друг в друге психологически. Если сильно, то брак сохранится, – устало резюмировала психолог, было видно, что они выпили из нее всю энергию.

– Ой, да о чем вы говорите? – отмахнулась Елена. – Мы – идеальная пара. Просто эти деловые игры снесли ему крышу, и он на неделю стал Наполеоном.

– Вы действительно так думаете? – подняла брови Карцева.

За вечер не проронили ни слова. К утру дошло все произошедшее: Елена словно окаменела, а Караванов начал суетиться, как всегда, когда был виноват.

Днем позвонил ей на работу и осторожно предложил:

– Если ты вечером не занята, то давай зайдем купим простыни...

С простынями была та же пурга, что и со всем остальным. Караванова раздражало, что, застилая широкий диван, простыня не засовывалась сбоку на нужную ему глубину. По сути дела, он забраковывал все красивые постельные комплекты, подбираемые Еленой под обои. И было совершенно непонятно, что, во-первых, делать с простынями от комплектов; и как, во-вторых, заменять эти самые простыни на более широкие безжизненных старушечьих расцветок. Елена не видела выхода, и Караванов предложил совместное посещение магазина ткани как первый опыт договаривания.

Ох, это был цирк... Караванов взял с собой сантиметр и кидался ко всем самым страшным тканям. Елена терпеливо ждала, пока он их обмерит, и сообщала, что на простыне такой расцветки ей никогда не удастся добиться оргазма. Что было чистой правдой...

Караванов поджимал губы и бежал к новой страшной бобине ткани. Под конец пожилая продавщица сказала, что раз они не могут договориться, то, может быть, им купить платьевую трикотажную ткань. Она хоть и дорогая, но и широкая, и красивая. И шепнула Елене:

– Потом у него из башки дурь-то выйдет. Можно из нее будет вам брючную пару пошить на лето... По ширине пройдет.

– Да не выйдет дурь, – махнула рукой Елена.

– К мужику подход нужен. Хвали да корми, корми да хвали... – посоветовала продавщица.

Трикотажная простыня была ярко-голубого цвета с узорами, и Елена почему-то про себя прибавила ее стоимость к сумме, выплаченной психологу, и прикинула, что за эти деньги можно было съездить на выходные в приличный пансионат... Это не было циничной мыслью, просто привыкла все считать. Ведь, кроме нее, в семье никто никогда не хотел думать, каким образом концы сойдутся с концами. Для них это происходило само собой.

И что? Она знала, что простыня ничего не изменит. Что Караванов бросится в постель с видом, что он смертельно устал. А она засядет за работу или телевизор и ляжет, когда он уже будет мирно храпеть. Хоть на дорогой, хоть на дешевой простыне... хоть на узкой, хоть на короткой...

– Мне кажется, эта встреча с психологом нам очень поможет! – сказал Караванов, выходя из магазина тканей.

– Я просто в этом уверена, – с грустью ответила Елена и подумала, что Карцева словно сделала им рентген; и теперь ей видны все внутренности Караванова... и ничего не хочется... словно отшиблен вкус к отношениям... и пусть эту маленькую победу в виде идиотской простыни он засунет себе в задницу... потому как никакого иного смысла в появлении компромиссной простыни она не видит ни днем, ни ночью.

* * *

А утром он собирался на ту самую вечеринку в кегельбан. И страшно суетился, собираясь. Чистился, брился, гладился, рассказывал анекдоты. Уходя, сообщил, что ждать его стоит под утро. Елена усмехнулась. Обычно на тусовки до утра ходила она, Караванов ненавидел это, потому что потом рано шел с больной головой на работу. И вдруг «до утра»... Понятно, что ему теперь самое время поотрывать. Но странно, что он решил оторваться по тем самым направлениям, которые ненавидел в жизни Елены. Ну и ради бога...

...Она позвонила ему пару раз на мобильный, услышала, что достаточно пьян, не дождалась и легла спать. Но, когда он ввалился в шесть утра в сиську пьяный в густом облаке духов, просто широко открыла рот. Сразу объясняться про хорошо или плохо было бессмысленно, потому что Караванов не воспринимал окружающую действительность. Кроме того, весь день предстояло провести на важной партийной конференции и сделать после нее огромное интервью с руководителем политического блока.

«Караванов не выдержал и начал личную жизнь... – подумала Елена с раздражением. – Какой мудака! Неужели нельзя было после этого подойти к ночному киоску, купить бутылку несладкой воды и вымыться, чтоб не было запаха? Был слишком пьян! Теперь это развод. Я же не могу закрыть глаза на такую избыточную парфюмерию...»

Она философски относилась к изменам. Вопрос состоял в том, кому она дала бы право на измену, кому нет. Козел Караванов в ее глазах не дорос до права на измену.

Елена пошла на конференцию, изо всех сил улыбалась там и периодически звонила домой. Обессиленный отрывом Караванов спал почти до вечера.

Она набрала Егорычева, проворковала:

– Здравствуй, милый!

– Я на совещании... – Он был страшно удивлен звонку. – У тебя что-то случилось?

– Ага. Вызови всех секретарш Миронова, повысь им зарплату, только выясни, с кем пашни у моего пентюха... Если, конечно, я тебе хоть когда-нибудь нравилась, – кокетливо попросила она. – Это могли видеть те, кто вчера гулял в боулинге.

– У твоего? Ничего себе! Илья Муромец зачесался на печи, – захохотал Егорычев. – Через час все будешь знать!

Через час на мобильный позвонила дама и сказала:

– Я референт господина Егорычева. Он попросил меня зачитать вам характеристику человека, которого рекомендует вам на работу в редакцию: Волкова Елена, 28 лет, менеджер по продажам, образование высшее, разведена.

– Спасибо! Достаточно, – оборвала ее Елена, усмехаясь, ох, и тонок Егорычев... ох, и глуп Караванов.

Когда появилась дома, супруг бродил из угла в угол с невнятным опухшим лицом и что-то собирал в портфель.

– Поговорим? – зловеще спросила Елена.

– Пожалуйста. – Караванов вздернул подбородок, как пионер-герой перед казнью.

– Какое объяснение ты готов дать запаху духов? – спросила она голосом мирового судьи.

– Никакого... – пожал плечами Караванов. – Объяснения и решения – это все твои проблемы. Я просто не готов отрицать запах духов, а дальше думай и действуй по своему усмотрению!

– В таком случае попробуй объяснить, для чего мы вызывали семейного психолога? Ходили покупать простыню? Или ты считаешь, что у меня так много времени на твое половое созревание? – взъярилась Елена.

– Между прочим, когда я тебе много лет говорил про психолога, ты мне что отвечала? Что все они шарлатаны! Но что если придет профессионал и вытащит все наружу, то ты со мной тут же разведешься! Ты забыла?

– Помню!

– Так вот пришел профессионал! Так что делай теперь, как считаешь нужным... Я согласен на любой вариант, в том числе и на развод! – сообщил Караванов с трагическим лицом, собирая портфель.

– Скажи, неужели в твоём возрасте нельзя научиться решать сексуальные проблемы, чтобы о них не стало известно семье и работе?

– На работе об этом ничего не известно! – набычился Караванов.

– Хочешь, поспорим на бутылку коньяка, что все известно? – спросила Елена.

– Давай! – протянул руку для заключения пари Караванов с испуганным лицом.

– Только поставить мне ее, когда у нас с тобой бюджеты будут разные. А то так неинтересно... – устало предупредила Елена голосом классной руководительницы, которую извел махровый двоечник. – Волкова Елена, 28 лет, менеджер по продажам, разведена...

– Где ты это узнала? – дернулся Караванов. – Во-первых, у нас ничего такого не было...

– Какая теперь разница? Если узнала, значит, все было на виду! Ты пришел в духах, этого достаточно для развода. Я никогда не нагружала тебя чужим мужским парфюмом, – напомнила Елена, и Караванов удивленно вскинул брови, «мол, про тебя это вообще не обсуждается». – Вопрос не в этом, а в том, что ты опять не отвечаешь за базар! Я уже не знаю, до чего жизнь довела двадцативосьмилетнего ребенка, что он бросился на этот пьяный, слюнявый, пожилой агрегат для секса... но объясни, для чего мы вызывали психолога?

– Ты можешь говорить все, что тебе вздумается. Тебе меня не задеть! Я покрылся броней! – прищурился Караванов.

– Ну ты бы видел себя вчера в качестве героя-любownika. Ты же «му» сказать не мог!

– А вот уж это тебя не касается! Потому что «му» я собирался сказать не тебе!

– Меня касается не конкретное «му». Меня касается то, что ты потребовал психолога, чтобы что-то исправить... ты согласился взять тайм-аут и посмотреть, сможем ли мы изменить отношения... и тут же нарушил все договоренности! Да еще и начал внебрачные отношения публично! Так, чтобы видели все! – загибала пальцы Елена.

– Во-первых, я еще ничего не начал! У нас ничего не было! Но я спокойно говорю: выгони меня! – предложил Караванов.

– А тебе эта многоходовка ничего не напоминает? А мне напоминает! Она такая же, как с квартирой, когда ты пообещал Толику квартиру, потом не смог ее ни выбить из начальства, ни заработать деньгами и каждый раз премиленько разводил руками: «Ну выгони меня!» – напомнила Елена.

– Но я же сделал ее в конце концов! – взмахнул руками Караванов, на что она тяжело вздохнула и вышла в кухню.

Там была гора грязной посуды, и Елена вцепилась в нее, надев резиновые перчатки. Кухонная работа помогала сосредотачиваться. Продумывая интригу важного интервью, она, например, очень любила чистить картошку или месить тесто.

«Меньше всего он похож на влюбившегося, – думала она. – Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы трахнуть кого бы то ни было без вещдоков. Бедный Караванов доказывает, что он кому-то нужен... что его кто-то хочет... господи, да ради бога, пусть расцветают все цветы... но только после истории с квартирой это уже не ко мне...»

Она прислушалась к себе и вдруг совершенно неожиданно для самой себя объявила: «Я развожусь... Я развожусь с Каравановым, которого я, скорее всего, даже люблю. Но с которым мне скучно и совершенно незачем быть вместе... потому что мне всего сорок пять, и я должна наконец успеть пожить так, как мне хочется!»

Поначалу ее саму так ошарашило это заявление, что она чуть не выронила чашку. Ведь всю жизнь Елена старалась сначала угождать маме с папой, потом создавать условия Лидочке и мужьям, а сама уж как-нибудь... До сих пор она ездила к родителям и вывозила грязь из их квартиры. Готова была оплачивать домработницу, но им это было не по кайфу. Видимо, матери очень нравился вид Елены, стоящей на коленках под раковиной и выгребавшей оттуда мокрый протухший мусор. Потому что кидать его точно в ведро родители даже не силились, ссылаясь на плохое зрение. Хотя, что называется, ложку мимо рта по этой причине никогда не проносили...

Унизительными были не сами субботники, а свинское отношение. Она могла вытащить из горы грязи подаренные матери французские духи или дорогие колготки. Найти среди банок с крупной перчатки, выудить из горшка с цветком действующие часы, которые при этом ищутся по всему дому; а из бака с грязным бельем – семейные фотографии прошлого века. Родители благополучно впали в капризное, обидчивое, при этом контролирующее все и вся детство. И вещи в их жизни забыли свои места и функции. Они словно вылавливали их

из космоса в нужную минуту. И если вещи не вылавливались, то покупались новые. Естественно, на Еленины деньги.

В перестройку у нее был хахаль – армянский физик, очень опасным образом спекулирующий компьютерами, чтобы содержать семью родителей, оставшихся в Ереване.

– Неужели твоя мама не удивляется, что ты посылаешь ей такие деньги? Разве она не понимает, сколько получает старший научный сотрудник? – спросила как-то Елена.

– У нас так не принято. Я же армянский сын, а значит, это мое дело, где я возьму деньги, – пожал он плечами.

Короче, для собственных родителей Елена была армянским сыном, который все берет под ключ. При этом в путевку входят бесконечные оскорбления, контроль и претензии. Визит к родителям выглядел совершенно стандартно: они с Лидой или Каравановым радостно появлялись на пороге с пакетами еды и подарков, а потом, пропахав носом накопленную грязь, обиженные хозяевами, выходили с теми же пакетами, только уже груженными мусором. Выбрасывали его в помойку и только тогда расправляли плечи.

Вина Елены заключалась в том, что родители прожили свою жизнь совсем не так, как хотели. Новая реальность жирно подчеркнула это. И Елена оказалась основным ответчиком по вопросу не только потому, что родители больше почти ни с кем не общались и варились в собственном соку. Но и потому, что, видимо, из-за ее рождения остались в браке и на старости лет поняли, что это было ошибкой...

«Итак... – подумала Елена. – Я развожусь с Каравановым. И начинаю новую жизнь... И я больше никому ничего не должна!»

И ей показалось, что где-то в утробе у нее лопнула какая-то веревка, жестко стягивавшая внутренности. И все стало потихоньку расправляться, разглаживаться и сладко искать естественное положение...

– Ну что? – позвонила она на работу Караванову, идя по улице. – Какие у нас перспективы для развода?

– Отличные, – ответил он, дав петуха. – Я начинаю искать квартиру. Скоро меня не будет в доме, который я все равно никогда не чувствовал своим...

– Вот и умница, – машинально похвалила Елена.

На работе она пыталась распланировать новый этап: сначала расскажет Лиде, потом подругам, потом сотрудникам, потом... нет, родителям – в последнюю очередь. Они будут лезть с бестактными вопросами и обвинять в том, что она не сохранила уже третий брак, хвастаясь собственным сохраненным, выглядевшим антирекламой браку вообще. Потом пойдет в службу знакомств, потому что некогда разыскивать мужика самой. Ей надо зарабатывать деньги. Потому что пора начать жить по-другому... скопить на машину, получить водительские права, заработать на нормальный отдых... у нее и Лида такая забитая, потому что привыкла видеть мать, которая всю жизнь кусочничает и экономит на себе. И Лидой пора заняться... собственно, она всегда ею занималась, просто Караванов со своими комплексами большого ребенка жрал очень много Елениной энергии, заставлял все время держать руку на пульсе. И, по сути, занимал Лидино место. Так что Елена с Лидой получались старшей и младшей сестрами брата-милашки.

– Кать, какие новости?

– Норвежский композитор Арне Нордхейм записывает музыку нечистот, – ответила Катя, не отрываясь от экрана компьютера. – Он установил 32 микрофона в различных частях канализационной системы Осло. Записанные звуки транслирует на очистных сооружениях города. Желющие послушать произведения композитора посещают очистные сооружения, так как выпускать записи композитор не планирует.

– Кать, а у меня прикол, – сказала Елена тихо, они давно приспособились шептаться. – Я развожусь...

– С ума сошла на старости лет? – дернула плечом Катя.

– Во-первых, мне надоело. Во-вторых, у меня вешдок: Караванов пришел с вечеринки весь в духах. Знаешь, типа испанских такие. Вонючие... – пояснила Елена.

– Ну ты, мать, всякий стыд потеряла! Когда сама домой но уши в чужой сперме приходила, это было нормально? А Караванову, бедняжке, совсем уж не забалуешь! – пристыдила Катя.

– Презумпция невиновности, знаешь, что такое? Вот и молчи. Не пойман – не вор!

– Да пошла ты на фиг! Караванов тебе к мебели подходит... и вообще уютный. Легко убираем тему: рецепт гадалка сделает, он к тебе как сиамский близнец прирастет! – предложила Катя.

– Ну ты добрая подруга. Я новую жизнь решила начать, а ты – с гадалками! – возмутилась Елена.

– А еще есть такая таблеточка. Ее в чае разведешь утречком, у него потом ни за что не встанет! Там баба осатанеет от этого – пошлет. Тогда перестанешь подмешивать! А? Да хоть трижды новую жизнь начинай, но при чем тут брак?

– Караванов мешает мне начать новую жизнь. Он актуализирует у меня комплекс матери Терезы. Я его когда вижу, думаю, как бы ему получше сделать... А то он такой бедненький, его так родители недолюбили. Я и Лиду так приучила думать! Вот ужас-то! Кстати, Караванов обхаживает девку почти Лидинового возраста!

– А чё у него, совсем не стоит? – удивилась Катя.

– Да вроде стоит. Но мне это уже давно неинтересно, – пожалала плечами Елена.

– Когда мужик бежит за девочкой, значит, проблемы. Испугался, что уже не может столько, сколько раньше. И ему кажется, что все уже об этом знают. А девочкам же много не надо... – напонила Катя.

– Нет, по-моему, у него тоска по большому и светлому чувству, к которому он не способен. Да и я его ниже плинтуса забила!

– Любовница Караванову даже полезна. Какой-никакой, а признак взрослости. Но ты путаешь туризм с эмиграцией...

– Катя, я уже решение приняла.

– Слушай, Лен, у тебя три мужа было. У меня один. И все-таки я поняла, что муж отличается от остальных мужиков только тем, что в доме стоят его вещи и в постели можно не надевать презерватив. А все остальное – клюква. В трудную минуту сдадут они все одинаково...

...После прежних разводов Елену обычно на некоторое время охватывало экзистенциальное беспокойство. И она знала, что на это время нужно придумывать целиком забирающее занятие: писать громкую статью, перекрашивать волосы, делать ремонт, заводить котенка или щенка, а еще лучше роман...

В редакции все общались по модной компьютерной программе «аська», и квадраты с записками летали по экранам быстрее, чем люди успели бы переброситься фразами от стола к столу.

Молодые сотрудники сутками кадрились в «аське» с людьми со всего мира, бегали на свидания по виртуальному знакомству, обсуждали последующие романы, а то и браки. Елене казалось, что весь Интернет населен голодными мальчишками, беспрестанно пишущими: «Выпорите меня! Ищу госпожу! Мечтаю о женщине вашего возраста! Хочешь виртуального секса? Давай побалуемся!» И она ограничивала круг общения в «аське» только производственными контактами, подружками и Каравановым.

Подошла секретарша Олечка:

– Главный спрашивал про материал.

– Передайте ему, что я умерла, – улыбнулась Елена. – На несколько дней.

– Какая-то вы странная! – удивилась Олечка.

– Жизнь, милая, интереснейший повод для наблюдений! – откликнулась Елена. – В том числе и собственная...

– Хотите, я вам конфет принесу? Мне коробку подарили!

Елена отрицательно покачала головой. Налила себе кофе и набрала в поисковой системе словосочетание «служба знакомств».

«Да! – ободрила она себя. – Ничего смешного! Я совершенно свободная женщина, решившая совершенно без всяких комплексов найти мужика в Интернете!»

И начала листать странички с мужскими фотографиями. На удивление, в сайте знакомств почти не было ожидаемых клинических харь. Она рассмотрела мужчин с пятидесяти, подумала, что они для нее староваты. Перешла на сорокалетних. И вдруг наткнулась на лицо... Быстро пролистнула. Потом смотрела на другие и все время думала, что хочет вернуться на ту страницу. Вернулась. Подумала: «А этот что тут делает? Неужели этому тоже надо знакомиться через Интернет? Господи, до чего хорош! Как его зовут? Никита! Вот и напишу... Блин, ему, наверное, нужны девочки от двадцати до двадцати пяти... Он же моложе меня... Но какие глаза!»

С остервенением выключила компьютер, пошла в редакционный бар. И, удивившись самой себе, попросила у барменши не кофе капучино, а пятьдесят граммов коньяка. Ее всегда поражало, как Караванов, не моргнув глазом, не подумав, сколько денег до зарплаты, заказывает себе дорогое спиртное.

«Ну вот! – усмехнулась она. – Теперь и я доросла..»

И тут вспомнила... На носу годовщина свадьбы. Они традиционно отмечали день знакомства и свадьбы в кабаке вместе с Лидочкой. А когда дочка была замужем, и с ее недолгим мужем. Надо будет отметить и в этот раз – как кончину... Тем более что на следующий день после этого Караванов уедет в командировку на очередные деловые игры.

А пока чем себя занять, развлечь? Отправилась с рюмкой коньяка в рабочую комнату. Вернулась к сайту знакомств, долго и пристально смотрела в глаза тому самому Никите. Потом открыла среднеарифметический вариант рядом, набрала его номер в «аське». И бойко написала: «Привет! Мне кажется, ты мужчина моей мечты...»

Все это напоминало дурацкие телефонные звонки в юности, когда девчонки собирались в пустой квартире, распивали бутылку легкого вина и набирали все телефонные номера подряд: «Здравствуй! Мы с тобой познакомились в метро, и ты дал мне телефон. Как не помнишь? Ну вспоминай. Я такая стройная блондинка, грудь пятый номер, глаза в пол-лица, ноги от ушей... ну, давай встретимся, может, вспомнишь...» Некоторые так даже замуж повыходили.

Елену в «аське» звали Белокурая, адресата в «аське» звали Айсберг. Ему было 48 лет. Диалог выглядел так.

Айсберг. Привет. Ты не ошибаешься... Я определенно мужчина твоей мечты.

Белокурая. Чем занимаешься?

Айсберг. Сажу на работе и играю в тетрис. За ту зарплату, которую мне платят, я больше ничего не обязан для них делать.

Белокурая. А что у тебя за работа?

Айсберг. Научный сотрудник. А у тебя?

Белокурая. А я – работаю в рекламном отделе газеты, – зачем-то соврала Елена.

Айсберг. А что за газета?

Белокурая. Так. Политическая...

Айсберг. Ненавижу политиков. Не вижу помощи ни от правых, ни от левых.

Белокурая. А чего тебе помогать? Ты разве ребенок, старик или инвалид?

Айсберг. Их помощь должна выражаться в том, чтобы отдать под суд тех, кто... Великую Державу.

«Уф, – расстроилась Елена. – Неудачник, маргинал... Впрочем, кто еще может быть в сайте знакомств?»

Белокурая. А чем она была великой? Наличием астрономических долгов? Прогнившей системой или отсутствием золотого запаса?

Айсберг. Моя профессия – ракетное топливо, которое нужно стране!

Белокурая. А страна – это кто?

Айсберг. Ты, я, остальные...

Белокурая. Мне оно не нужно. С голой жопой ракеты не запускают. А сколько ты готов заплатить самому себе за это топливо?

Айсберг. А при чем тут я?

Белокурая. Ты говоришь, оно нужно стране. Но если она тебе не платит, почему ты считаешь, что ей нужно?

Айсберг. Ладно, проехали... Ты замужем?

Белокурая. Уже несколько дней, как нет.

Айсберг. А я женат. У меня двое детей. И собака. Правда, она не породистая. И еще попугай.

Белокурая. А чего ты на сайт знакомств выставился при живой-то жене?

Айсберг. Ну и что? Может, мне чего-то не хватает?

Белокурая. А чего тебе не хватает, кроме денег?

Айсберг. Ну скажем... эротики.

Белокурая. А жене хватает?

Айсберг. Да она у меня не по этой части.

Белокурая. Может, это она с тобой не по этой части...

Айсберг. Нет. Ей совсем другое в жизни важно.

Белокурая. А зачем тебе знакомиться через Интернет? Тебе надо снять проститутку.

Айсберг. Плохо ты обо мне думаешь. Думаешь, я урод какой-нибудь, чтоб проститутку снимать. Я же не сказал, что мне бабы не хватает. Я сказал: эротики... Почувствуй разницу.

Белокурая. И как ты себе представляешь эротику?

Айсберг. Очень просто. Я заезжаю за тобой, мы едем в лес, я включаю блюз, открываю шампанское, и прямо в лесу, в машине, начинаю тебя раздевать и ласкать...

Белокурая. Стоп, парень! Ты же меня еще не видел. Или у вас в Интернете так принято?

Айсберг. Я тебя чувствую... Хочешь, я сейчас за тобой заеду?

Белокурая. Нет. Я на работе.

Айсберг. А ты плюнь на нее. Я же плюю.

Белокурая. А кто тебя кормит, если ты плюешь?

Айсберг. Во-первых, жена. Во-вторых, я на машине халтуру.

Белокурая. Вот поэтому жене эротики и не хочется, что она тебя кормит... Как я ее понимаю...

Айсберг. Как ты можешь ее понимать? Ты меня еще в натуре не видела. Фотография там висит неважная. У меня рост 190, косая сажень в плечах и член 18 сантиметров.

Белокурая. А кто мерил?

Айсберг. Сам мерил. Все мужики себе меряют.

Белокурая. Дурак ты, что ли? Я вот с третьим мужем разошлась. Никто из них не мерил. А тебе уже по возрасту пора о душе, а не о сантиметрах думать! Или о том, как денег заработать.

Айсберг. А я думаю. Я все время подвожу на машине тех, кто ворует. Потому что в наше время честный человек заработать не может.

Белокурая. Особенно если не хочет...

Айсберг. Я не готов идти в торгаши.

Белокурая. Только того, кто готов, надо считать не вором, а ответственным человеком.

Айсберг. На то, чтобы меня обучить, миллионы ухлопаны.

Белокурая. Тобой, что ли?

Айсберг. Государством.

Белокурая. Тем государством. Вот с коммунистов и спроси.

Айсберг. Знаешь, что самое обидное? Наши профессора не голодают. Они получают от сдачи в аренду площадей, но не думают уже о науке.

Белокурая. Завидуешь?

Айсберг. Нет.

Белокурая. Они воруют из бюджета точно так же, как и ты. Ты в тетрис на работе играешь, они площади сдают. И после этого я вам должна за ракетное топливо?

Айсберг. А кто будет готовить молодых специалистов?

Белокурая. Это не твой вопрос. Когда страна заставит всех платить налоги, она найдет деньги на науку, пригласит талантливых китайцев, которые сейчас на «отлично» учатся в Америке, и они сделают ракетное топливо. А ты все равно уже ничего не помнишь за 10 лет игры в тетрис...

Тут Елену вызвали к главному, а когда вернулась, Айсберга уже не было в онлайне.

«Смешно! – подумала она. – Хоть в Интернете, хоть так, одни и те же разговоры про вписавшихся и не вписавшихся. Неужели теперь и флирт будет состоять только из этого?»

Выключила компьютер и отправилась на презентацию, чтобы прийти домой попозже и поменьше видеть Караванова. На презентации было дымно, шумно, ярко. Множество мужчин. Но даже делать глазки не хотелось, как не хочется смотреть на еду после пищевого отравления.

Вернулась в час ночи. Лида была у нового бойфренда. Караванов сладко храпел. Надо было принять душ и улечься рядом, но так не хотелось... Елена включила компьютер, вышла в Интернет. И тут же пришло сообщение от Айсберга: «Не спишь?»

Она ответила: «Не сплю».

Айсберг. Пришли фотку. Ты ведь мою на сайте видела. Правда, я по жизни лучше.

Белокурая. Лови.

Айсберг. Ты красивая женщина. Ты мне нравишься...

Белокурая. И что?

Айсберг. Хочешь, я сейчас за тобой приеду. Покатаемся... Поболтаем.

Белокурая. Так ты вроде женат.

Айсберг. Нет проблем. Я ночью часто халтурить езжу. Ты где живешь?

Белокурая. Ой, я как-то так с бухты-барахты не могу. Понимаю, что глупо, но...

Айсберг. Да ты не бойся. Я тоже первый раз знакоюсь. Мне обычно девчонки пишут молодые, мол, сколько зарабатываешь и т. д. Или бабы иногородние. А такую умную первый раз встречаю.

Белокурая. Я-то вообще, можно сказать, с тобой невинность потеряла. Раньше по «аське» только по работе и с мужем разговаривала.

Айсберг. Ну вот. Начинай новую жизнь. Пиши, где живешь.

Белокурая. А вдруг ты маньяк?

Айсберг. Так это только драйва добавит встрече. Знаешь, кому суждено быть повешенным, тот не утонет...

Елена подумала: «Бред какой-то! Взрослая баба! Можно сказать, при желании могла бы уже не раз быть бабушкой... не знамо с кем претя в ночь...» Она оглянулась на Караванова и сразу же поняла, что поедет. И вспомнила одного крупного политика, повесившего

в кабинете огромный портрет жены с комментарием: «Как гляну на нее, такой адреналин в организм врывается, что со страной управиться – раз плюнуть!»

К тому же она не была самой собой и не сделала бы журналистской карьеры, если бы вот так быстро не принимала решений.

Айсберг написал: «Как говорил Нильс Бор: достаточно ли невероятна эта идея, чтобы быть правильной?»

Елена ответила: «Убедил. Была не была! Через час будь по адресу...»

Придирчиво посмотрела на себя в зеркало. Надо надеть кофточку построжее и не краситься, а то мало ли... Может, газовый баллончик взять, который для Лиды купила? А как им в машине пользоваться? Сама же и наглотаешься! Так, номер машины. Отлично. Можно на столе оставить записку: я уехала на машине под номером... И пусть Караванов разыскивает...»

Фото Айсберга на сайте знакомств было довольно мелкое. Угадывалась хорошая фигура, благородная седина и вполне правильные черты лица. Костюмчик был, мягко говоря... застойного покроя, но уж ладно... Надо прикинуть, куда поехать, чтоб в ночном общепите не налететь на знакомых. Что-нибудь такое в центре, круглосуточное, простенькое, типа «Якитории». Чтобы не выставить мужика на бабки...

Елена стояла у подъезда в дорогом светлом пальто, сбрызнутая духами, когда красная «Нива» затормозила возле нее. Вышедший человек настолько не походил на нарисованный образ, что она отшатнулась. Он был как добротный сталинский дом, когда-то построенный по щедрому проекту, но долгие годы не отремонтированный, не крашенный, не ухоженный. И великолепие архитектурного плана только подчеркивало его заброшенность и запущенность.

– Я – Айсберг! – сказал он и испуганно протянул руку.

– Привет! – улыбнулась Елена; что-что, а держать лицо она умела.

– Поехали? – помявшись, спросил Айсберг.

– Готов маршрут? – поинтересовалась она.

– Нет, – развел он руками.

Собственно, все по отдельности соответствовало обещанному: рост, лицо, марка машины, образование... Но, как из одних и тех же деталей детского конструктора можно было собрать или дракона, или луноход, так и из этих вполне пригодных деталей было собрано что-то совершенно непотребное. И данное непотребство состояло в штампе непреходимого неудачника. И потому: машина была грязна до бровей, куртка была вариантом дачной одежды для огорода, ногти были черны и нестрижены, кроссовки – изношены до ручки, а глаза – испуганны... И по этим глазам было понятно, что он не специально так вырядился. Просто для него это естественное состояние, и, увидев такую роскошную даму, он понял, что не соответствует. Хотя и не понял, чем именно...

«Придется опять немножко „потерезить“! – подумала она; „потерезить“ был ее любимый термин в разговорах с подружками, он происходил от „матери Терезы“. – Нельзя же ему сказать: „Мужик, ты чё, охренел, себя на сайте знакомств вешать?“»

Она осторожно села в машину и ослепительно улыбнулась.

– Как вас зовут? – спросил он, все поняв сквозь ее улыбку.

– А зачем нам имена? Так романтичнее. Меня зовут Белокурая.

– Ну как хотите... – насупился он. – Куда едем?

– Да у меня очень мало времени... завтра рано на работу... и вообще это все так странно... давайте по ночной Москве покатаемся, – промурлыкала Елена, думая: «Куда я с таким чучелом попрусь? Он и заплатить-то не сможет...»

– Все ясно, – сказал Айсберг упавшим голосом.

«Этот козел еще и дуется! Будто это я пришла на свиданку, вылезая из помойки!» – удивилась Елена.

– По Садовому кольцу вас устроит? – спросил он.

– Вполне, – кивнула она.

– Вижу, что я вам не понравился... – обреченно сказал Айсберг.

– Ну как это можно по первой встрече делать выводы? – врущим голосом спросила Елена.

– Так ведь второй не будет... Я ж не слепой... А вы мне... глянулись...

– Откуда я знаю, что в моей жизни будет, а чего не будет...

– А почему не будет? Объясните! – потребовал он.

– Хотите правду? – жестко глянула на него Елена.

– Хочу, – набычился он.

– Мы с вами как попутчики в поезде, и потому можем быть откровенны. Да? Я думаю, что вам надо многое в себе поменять.

– Что, например? Машину? – иронически прищурился он.

– Машину достаточно помыть... Готова принять мытье машины на отметку. Как говорил классик, человек – это стиль!

– Ладно, помою... – буркнул он, как школьник.

– Так ее надо не один раз помыть. Ее надо всегда держать мытой!

– Понял. Еще претензии есть? – Он начал говорить немного смелее.

– У меня не претензии, у меня педагогический азарт... – пояснила Елена.

– А вы любите попугаев? – вдруг спросил он.

– Как-то об этом не думала... – пожала плечами Елена.

– А у меня шесть попугаев. Два умеют говорить... Я учу их петь под фортепиано... – Лицо его осветилось счастливой улыбкой.

– Как я вам завидую! – улыбнулась Елена, съехидничав про себя: «Маньяк, но, к сожалению, не сексуальный. Очень не сексуальный...»

– А из-за чего вы развелись? – успокоенно спросил Айсберг после того, как почувствовал одобрение страсти к попугаям.

– Кризис брака. Муж считает, что я его прессую. И, наверное, прав. А я поняла, что меня прессует жизнь с ним. И тоже права.

– А вы его не прессуйте, и он будет добрее...

– Легко сказать, когда по темпераменту я могу армией командовать. А вы почему здесь оказались? – спросила Елена.

– Да просто понял, что жизнь проходит... сколько ее осталось. Мне женщины снятся, а романов почти не было. У меня все хорошо с женой. Но только это семья, а эротика – это совсем с другими женщинами. – У него было совершенно незащитное лицо.

– С развратными? – хихикнула Елена.

– Не то слово... неправильно формулируете. С красивыми, свободными... чтоб сексом заниматься, это дело надо любить... а жену я уже другой не сделаю, – грустно признался он.

– Так раньше надо было начинать ее другой делать, – напомнила Елена.

– Ну тогда кто об этом думал? Тогда выживать надо было, детей поднимать. А теперь все...

– Что все?

– Теперь язык про это утерян. И вся эта нежность, все это во мне пропадает...

– Понимаю, – кивнула Елена, она и сама ощущала последний период жизни с Каравановым как что-то эмоционально недоделанное.

– Вы считаете, что мной нельзя увлечься? – в упор посмотрел он.

– Можно... почему же нельзя? – поежилась Елена.

– А вот вы, например, могли бы мной увлечься?

«Придурок! – подумала она. – На дорогу смотри, врежемся!»

– Я? Ну в другой период, наверное... я сейчас сильно разводом пристукнута...

– Обманываете... Просто вам всем нужны деньги, прибабасы... а душа вас ни капельки не волнует... – Он уставился на дорогу потерянными взглядом.

– Послушайте, Айсберг. Вон идет по тротуару молодая бомжиха, бутылки собирает. И душа у нее чище, чем у меня, но вы ведь ее в машину не посадили. Вам ее душа нужна как коту пижама...

– Хорошо вы меня сравнили. Спасибо, хоть сразу честно. Без всяких церемоний, – скривил он губы.

– Поймите, в любом слое общества есть своя система договоренностей. Вы мне по «аське» предлагали в машине любовью заниматься? Да?

– Да! – с вызовом ответил он. – И могу повторить это предложение.

– Вы хотите поговорить про вашу невостребованную душу? Извольте! Мое пальто стоит тысячу долларов. – Елена почти сказала правду, именно столько оно стоило до пятидесятипроцентной скидки. – И в этом пальто вы предлагали мне заняться любовью в машине, которую вы и внутри в последний раз мыли в прошлом веке? Да у меня его потом ни одна химчистка не возьмет!

– Я готов помыть машину и внутри, – легко согласился он.

– Вот одолжение! – захохотала Елена, и вдруг увидела в нем черты мягкого и покорного – до поры до времени – Караванова. – Это как эротическое образование жены, раньше начинать было надо! Вот вы, мужики под полтинник, живете кое-как, за базар не отвечаете, карьеру не делаете, десять лет вздыхаете над поруганными перестройкой ценностями, организм запускаете, лицо кремом намазать ленитесь... а как вам всем по этому списку отказывают, так вы сразу начинаете орать про душу!

Повисла тяжелая пауза...

– Лицо кремом? Ну это, извините, я не пидарас, чтобы лицо кремом мазать... – шумно выдохнул он.

– Очень жаль, что вы не пидарас! – ответила Елена. – Пидарас о своем партнере думает! А вы собирались вот этими руками с вот этими когтями, которыми полчаса тому назад в моторе копались, до меня дотрагиваться! Очень понимаю вашу жену, что ей не до эротики...

– Забавно. – Он растопырил пальцы и посмотрел на свою руку. – Я как-то об этом не думал...

– А зачем вообще о чем-то думать, если можно весь рабочий день в тетрис играть, – напомнила Елена; она понимала, что перегибает палку, но накатило.

– Я вам благодарен, – вдруг сказал Айсберг. – Давно не смотрел на себя, что называется, сбоку.

– И я вам благодарна. Я в вас как в увеличительном стекле увидела мужа, с которым расхожусь. Он, правда, ухаживает за собой как садовник за розой. – Елена с отвращением вспомнила все эти гели, шампуни и кремы для рук, громоздящиеся в ванной, чуть не превосходя ее косметику. – Но в основном вы одинаковые дети. Вот вас обидело время... вы не достигли желаемого и теперь готовы объявить виноватым в этом любого, кроме себя...

– А в чем я виноват? В том, что ваши демократы разворовали страну?

– Так они ее одинаково и у вас, и у вашей жены разворовали. Только вы в тетрис десять лет играете и эротику в Интернете ищете. А она по сусекам скребет, и не до эротики ей...

Катались около двух часов, и Елена выливалась и выливалась на него предназначенное Караванову. А он и не сопротивлялся. И, когда в целостности и сохранности доставил ее к подъ-

езду, у Елены было чувство, что она таскала камни. И что, чур-чур ее, еще когда-нибудь знакомиться по Интернету.

...Пораньше прибежала на работу, чтобы поделиться с Катей:

– Слышь, ночью ходила на интернетную свиданку – полный отстой!

– Ты, коханая моя, совсем на голову слабенькая? Вон у моей дочки пошла знакомая девка на свиданку по Интернету в кабак при гостинице. Мужик ей понравился, такой наш закрутевший браток из Польши, – назидательно ответила Катя. – Туда-сюда, предложил в номер подняться, мол, сувениры ей привез. Она уже закосела маленько, и он вроде ничего, поднялись в номер, а там еще четыре. Пустили девчонку по кругу. До сих пор по психологам мается...

– Нет. Это, как в анекдоте, «не с нашим счастьем». Мой кадр вытянутого пальца боится. Бывший интеллигентный человек. У него вид такой, как будто война идет на его улице. И много лет...

– Ты там смотри! Будь осторожна. Конечно, чтобы развод остался незамеченным, тебе сейчас надо любви: много и громко. Но не таким же клиническим способом!

– Вау! Вчерашний кадр в «аське» появился.

Елена собралась было писать материал, как в «аське» запрыгало сообщение от Айсберга.

Айсберг. Здравствуй, Белокурая! Всю ночь думал о тебе...

Елена ответила:

– И что думал?

Айсберг. Я постараюсь измениться. Для тебя...

Белокурая. Для себя. Надеюсь, машина помыта?

«Вот только тебя мне и не хватало для полного комплекта уродов!» – вздохнула она.

Айсберг. Еще не удосужился.

Белокурая. Значит, мои воспитательные акции ни во что не вылились.

Айсберг. Выливаются...

Белокурая. Во что? Ну-ка, порадуй меня.

Айсберг. Я морально готовлюсь мыть машину!

Белокурая. И сколько дней в среднем уходит на подготовку?

Айсберг. Откуда я знаю?

Белокурая. А говорил, что вы с машиной родные. Хорошо же ты относишься к родственникам.

Айсберг. Я исправлюсь. А что ты делаешь после работы?

Белокурая. Приехал из Парижа барон Камю, и вечером будет презентация его коньяков в ресторане «Гранд Опера».

Айсберг. Ты меня приглашаешь с собой?

Елена аж прыснула: «Ну дает! Святая простота! Если его привести, народу уже будет не до барона Камю!»

Белокурая. Там вход только по аккредитации.

Айсберг. Ну и ладно. Я, честно говоря, коньяк не люблю. По мне, водка вкуснее. Когда увидимся?

Белокурая. На этой неделе вряд ли. У нас запарка в редакции.

Айсберг. Понял... А писать-то тебе хоть можно?

Белокурая. Пиши, конечно...

Айсберг. Тут цитату про тебя прочитал. Смешную: «Страстные женщины хороши до безобразия! А также во время безобразия и после безобразия...»

Белокурая. Извини, мне надо к главному редактору.

Ее аж передернуло от цитаты при мысли о «безобразии» с этим персонажем...

– Катъ, что там в мире яркого? – лениво спросила она.

– В среду в деле по обвинению группы египтян в гомосексуализме 23 мужчины были приговорены к срокам тюремного заключения от года до пяти лет. Известно также, что еще 29 человек, проходящих по этому делу, были оправданы, – с готовностью откликнулась Катя. – Гомосексуализм не преследуется по закону в Египте, именно поэтому представших перед судом мужчин формально обвиняли в хулиганстве и издевательствах над религиозными нормами.

– Дикари! – вздохнула Елена.

– Будто наши далеко от этого ушли. А вот, кстати, кубинец Грегорио Фуэнтес, ставший прототипом героя повести Хемингуэя «Старик и море», в четверг отметил свой 104-й день рождения...

...Писать материал не хотелось, думать о Караванове было противно, подбираться к разговору с Лидочкой казалось преждевременным. По логике вещей, стоило пойти в магазин и купить для поднятия тонуса не нужную, но приятную шмотку, но было жалко денег. Впрочем, как всегда, на себя... Чтобы протянуть день до вечерней презентации, начала искать в «аське» новое приключение.

Остановилась на герое по кличке Француз. У него в информационной справке хотя бы было написано про интерес к литературе и искусству, ведь мужик Елениной возрастной категории обычно тупо сообщал о себе: фитнес, машины, собаки, женщины. Рабочий день, предназначенный в офисах для кадрежа по «аське», был еще в разгаре, и Елена написала ему.

Белокурая. Привет.

Француз. Привет. Ты кто?

Белокурая. Я незнакомка, раненная печалью, ищущая утешенья на твоём сильном плече...

Француз. Мощно излагаешь.

Белокурая. Пытаюсь понравиться...

Француз. Уже понравилась. Чем занимаешься?

Белокурая. Пишу статьи, помогая движению широких масс к демократии. А ты?

Француз. Я? Не состоял, не участвовал, не привлекался... По прошлой профессии дипломат. Сейчас бизнесом рулю. Ты на кого работаешь?

Белокурая. На гармонизацию человечества...

Француз. Это что значит, каждому по гармошке?

Белокурая. Примерно...

Француз. На Сардинии не бывала?

Белокурая. Я не люблю все эти острова.

Француз. Это как один мой друг говорил: «Я женщин недолблюваю, просто не успеваю».

Белокурая. А ты успеваешь?

Француз. Стараюсь. Ща фотку пришлю.

Белокурая. А ты настолько хорош собой, что считаешь, что с фотки надо начинать?

Француз. Чем богаты... Пуркуа бы и не па?

Белокурая. Ага, значит, хорош. Ну валяй.

Француз. Мы за улицу с двусторонним движением.

Белокурая. Твоя придет, тогда свою отправлю.

Ей пришла фотография, на которой мужчина в дорогом костюме шел по Елисейским полям.

Француз. Пришла?

Белокурая. Морда лица не читается. Очень мелко...

Француз. Это я работал в нашем посольстве в Париже. А хочешь, пришлю, где мы все с президентом?

Белокурая. Спасибо. Я президента в лицо знаю. Может, свой портрет покрупней пришлешь?

Француз. У меня нет покрупней. А хочешь, пришлю, где я в Америке с Чейни? Там тоже групповая фотка. А ты ничё! Глаза красивые! И ваще, корпусная дама! Давай встретимся, посидим где-нибудь...

Белокурая. Давай.

Француз. Завтра?

Белокурая. Можно и сегодня. Хочешь пойти на презентацию?

Француз. Можно. Жене что-нибудь навру. А за тобой заехать или ты на машине?

Белокурая. Заехать.

Француз. Ты не думай, что я по каждой «аське» так срываюсь. Я на фотку твою среагировал. Смотрю и балдею. Интересно, а как у тебя с красотой душевной?

Белокурая. Все в комплекте.

Елена вытащила косметичку и начал краситься. Похоже, что этого Француза можно было взять на презентацию коньяков без особого ущерба для репутации. Она начала осторожно накладывать тени, что означало глобальную подготовку к встрече.

Француз. А так бывает?

Белокурая. Спорный вопрос в наше непростое время...

Француз. А какие времена были простыми?

Белокурая. До 91-го. Была мерзкая ясность.

Француз. Не было этого никогда.

Белокурая. У меня было!

Француз. Ты еще не все. Мне, конформисту, по фигу, кто у власти, мне и при Советах неплохо было.

Белокурая. Верю. Просто так у нас в МГИМО никто не поступал.

Француз. Жизнь одна и не стоит ставить ее в зависимость от кучки проходимцев, находящихся у власти... главное, соблюдать обрядность.

Белокурая. Мой отец коммунист, мой дед коммунист, но они учили меня, что врать нехорошо... И они не врали. Они верили в свое дело...

Француз. А мой дед – генерал НКВД. А папашка – полковник этой же организации. Они во все эти сказки о всеобщем благоденствии не верили...

Кисточка с тенями замерла у Елены в руках.

Белокурая. Плохо у тебя с генеалогическим деревом. Сильно отмаливать надо...

Француз. Знаешь, сколько они за Россию надрывались?

Белокурая. В НКВД они за Россию надрывались?

Француз. Примитивно-школьные знания о НКВД как о исключительно карающей организации.

Белокурая. Я же сказала, что я журналист. С мемориалом работала, в архивах сидела... Набралась знаний об организации...

Француз. Господи, какая-то бабская логика!

Кровь бросилась Елене в лицо.

Белокурая. Думаю, что диалог исчерпал себя. Люди, не осознавшие преступлений своих предков, для меня не собеседники. Это все равно что говорить с немцем, который так и не пытался понять, что такое фашизм...

Француз. А нынешняя власть не меньшее преступление?

Елена перестала отвечать.

Француз. Власть любая преступна сама по себе по определению.

Француз. Неужели умная, образованная баба может городить такую чушь!

Француз. Истеричка! Дура!

Елена злобно отправила его в «игнор», после нажатия на эту кнопку сообщения от этого адресата поступать не могли: «Дипломат, блин! Пофлиртвала! Господи, чтоб я еще притронулась к этой идиотской „аське“! Другие знакомятся, влюбляются... а ко мне всплывает только определенный продукт!»

Она скучала на презентации, пыталась выпить, ничего не получилось. Приятельница отвезла ее домой по-темному. Приговаривая:

– Алкоголь вызывает кратковременное расширение сосудов и круга друзей...

Лида ночевать не вернулась, Караванов отпугивающе храпел. Она где-то читала, что громкий храп – это вытесненная агрессия против партнера. И даже замечала, что чем хуже становились их отношения, тем громче Караванов храпел...

Села к компьютеру, открыла недописанный на работе материал, машинально включила «аську». Писать текст не хотелось... Похоже, надо было отказаться от него, но главный хмурил кустистые брови и говорил: «Лена, сосредоточьтесь! Вы же знаете, что, кроме вас, никто это не поднимет. Все размельчат тему...»

Чтобы разогреть себя к тексту, начала читать политические новости. На экране мяукнула «аська».

Пришла очередная записка от очередного интернетного рыболова. Елена раздраженно открыла ее.

Никита. Добрый вечер, что не спим?

Белокурая. Не спим, потому что работаем.

Никита. Над чем трудимся... если не секрет?

Белокурая. Пишу разные тексты. У тебя в инфо ни цифр, ни фактов...

Никита. Уже проверила... я и так могу сказать. И даже могу фото прислать...

Белокурая. Пришли... Только, пожалуйста, портрет морды лица.

Никита. Сейчас.

Белокурая. Чем занимаешься?

Никита. Руководжу маленькой авиакомпанией.

Белокурая. Круто. Первым делом, первым делом самолеты... Покатаешь?

Никита. Легко. Моя фотка идет к тебе?

Белокурая. Ага... Сейчас оценим.

Елена открыла его фотографию и окаменела. Ни фиги себе! Это был тот самый... тот самый парень, которому она так долго смотрела в глаза на сайте знакомств. И которому не решилась написать. На часах была половина четвертого... Торопливо отправила свое фото в ответ.

Никита. Это твое фото? Я думал – это репродукция с картины «Прекрасная незнакомка»...

Белокурая. Весьма куртуазно для летчика.

Никита. Я не летчик. Я – бывший спецназовец и физик. А теперь бизнесмен.

Белокурая. Ощущение, что где-то видела твое фото.

Никита. Может, мы уже общались...

Белокурая. Ты не вешал ее в сайт знакомств?

Никита. Да, она там есть... точно.

Белокурая. Смотрела этот жуткий сайт и умирала со смеху.

Никита. А я его даже не удосужился посмотреть...

Белокурая. А зачем размещал?

Никита. Может, какие интересные люди откликнутся, – но пока ничего интересного... только несколько голодных барышень постучались...

Белокурая. Я тоже уже постучалась к двум мужикам.

Никита. И как?

Белокурая. Оба козлы. Но по-разному.

Никита. Не повезло.

Белокурая. Часто бываешь в онлайнe?

Никита. Часто. Правда, в рабочее время с красивыми барышнями не флиртую...

Белокурая. А мы с тобой будем говорить об умном, это не будет считаться флиртом.

Никита. А я с красивыми барышнями не могу говорить об умном...

Белокурая. Ты их подозреваешь в недостаточно высоком интеллектуальном уровне?

Никита. А если еще и с хорошей фигурой... так это вообще становится проблемой... имею в виду – серьезный разговор...

«Оооо!! – огорчилась Елена. – Какая пурга!»

Белокурая. Слушай, у тебя вполне интеллигентная физиономия и незащищенный взгляд. Так что не надо умудренной опытом тетеньке изображать из себя поручика Ржевского.

Никита. Я очень испорченный... как всякий спецназовец...

«Слава богу! – облегченно вздохнула она. – Просто зажатый!»

Белокурая. Спецназовец? То есть ты секс-символ по полной программе?

Никита. Конечно! А почему не спрашиваешь о моем семейном положении?

Белокурая. А какая разница?

Никита. Обычно барышни с этого начинают. Замуж хотят...

Белокурая. А я вот куда-куда, а замуж точно не хочу!

Никита. Что так?

Белокурая. Да уж объелась этим делом!

Никита. Бывает... Напиши несколько слов о себе. 90–60—90?

Белокурая. Ни в коем случае. С фигурой все в порядке. Везде гораздо больше сантиметров. У тебя со мной разговорчик, как с продавщицей парфюмерии. Понимаю, что молод... но интонацию надо ловить.

Никита. Спасибо за «молод»... мы практически ровесники – ну, на пару лет постарше будешь...

Белокурая. Дело не в годах. Просто ты еще не въехал, что я – тетенька опытная, избалованная. Главное, чтоб ты мне понравился...

Никита. А я тебе понравился?

Белокурая. Нравился, пока не начал пошлятину про 90–60—90.

Никита. В Интернете человек всегда старается выглядеть глупее, чем он на самом деле.

Белокурая. Знаешь, что такое гендерная симметрия?

Никита. Не знаю.

Белокурая. Это означает, что если ты меня спрашиваешь про параметры, то должен быть готов, что я тебя спрошу в том же тоне. И это уже будет разговор клиентки, снимающей мальчика в клубе «Красная Шапочка». Нам это надо?

Никита. Все, забыли... извини... давай завтра споемся, а то мне спать пора – с утра совещание.

Белокурая. Спокойной ночи, секс-символ!

Никита. Спокойной ночи, «Прекрасная незнакомка»!

Она увеличила его фотку на экране и долго смотрела в глаза. Странные это были глаза. Детски доверчивые и очень грустные.

Елена тихонько легла в Лидиной комнате, раздумывая о дочери. Девчонке все время не везло то с учебой, то с работой, то с противоположным полом. Сверстницы уже размахивали дипломами и катали коляски. А Лида то училась в педагогическом, то переходила на

платный экономический, то собиралась расписывать ткани... И Елена не перечила, потому что сама стала журналистом в жестокой конфронтации с родителями, обойдя достаточное количество профессий. С работой тоже получалась ерунда. Она устраивала Лиду работать к друзьям. Сначала к однокласснице Ирке в телестудию. Ирка почти не просыхала, круглосуточно занималась разборками то с мужем, то с любовником; руководила коллективом левой ногой и грамотно отжимала спонсоров, на деньги которых стряпала бесхитростную продукцию: хоть к выборам, хоть к молодежным музыкальным эфирам, хоть к литературно-историческим темам. Все это она делала халтурно, но умела произвести впечатление певучей речью, бриллиантами, которые выдавала за наследные, и бульдожьей хваткой. Облапошивала заказчиков так, что мало кто делал с ней дела второй раз. Но ей хватало денег, снятых с первого.

Елена пропустила момент, когда Ирка из нормальной девчонки превратилась в ежесекундно врущую и хапающую похмельную тетку. Ей казалось, что Лиде будет полезно посмотреть, как лихо Ирка крутит свое дело. И все рассказы о бардаке, скандалах и накладках в студии Елена считала приметой Лидиной социальной неадаптированности – все за маминой широкой спиной росла. Но когда Лида однажды опоздала и подвела на ту часть обязательств, на которую все в студии, начиная с руководительницы, ежедневно подводили друг друга, Ирка устроила ей показательное увольнение. В этот момент Ирка неудачно скулела что-то очередное между мужем и любовником, а поскольку Елена не согласилась с ней в трактовке происходящего, Лида стала жертвой.

Было странно, что Ирка, часами засоряющая Еленин телефонный эфир монологами о своей личной жизни, так грубо сорвется на девочке. Впрочем, с собственными детьми она обращалась еще грубее, и Елена ничего не стала выяснять, а просто сделала себе пометку. Ее вообще надо было долго доводить, но, если человек переступал допустимое, количество переходило в качество в доли секунды. Она рвала и уходила не оборачиваясь...

Потом была работа в фирме другой Елениной подружки – Гали. Галя возглавляла филиал дорогой импортной косметики и была эстрадно-религиозна. О ней говорили как о мастере филигранной работы мгновенного перехода из ангела в проститутку.

В тесном кругу она была еще ничего, но в обществе ее восточные глаза все время шарили по нужным людям и потенциальным покупательницам. В перспективных Галя ввинчивалась: дружа, любя, унижаясь, организуя досуг, угадывая желания, соблазняя мужей.

Как всякий человек, стоящий на цыпочках, она быстро уставала от себя – ангела, и из нее начинала хлестать чернуха. Мать шестнадцатилетней наркоманки, она агрессивно учила всех воспитывать детей. Никогда не побывав замужем, учила всех управляться с мужьями. Не заплатив ни копейки налога, сладострастно ругала ворующих политиков. Никому особенно не помогая, захлебывалась о благотворительности.

– Ты так далеко едешь к батюшке? – однажды удивилась Елена.

– Ой, ну неужели ты не понимаешь... – всплеснула руками слегка подвыпившая Галя. – Там же все клиенты...

«А где им еще быть? – подумала Елена. – Наубивали, наворовали, осталось только к батюшке ездить да дорогую косметику покупать...»

Галя была разнузданная и фальшивая, про таких говорят, что она, перед тем как заняться минетом, перекрестит и рот, и член.

Когда Лида собралась к ней на работу, Елена предупредила:

– Запомни, у Гали проблемы с дочкой. Ты будешь у нее как бельмо на глазу.

– Фигня! – сказала Лида. – После телестудии твоей Ирки у меня такой иммунитет, что я могу работать санитаркой в психушке. Галя твоя в Христе засиделась, в отличие от Ирины хоть не пьет, а молится...

– Лучше бы пила! Была бы добрее и искренней, – вздохнула Елена.

Лида, конечно же, недооценила иммунитета, и через полгода разразился скандал.

Елене сразу не понравилось, что всегда, нанимая Лиду на презентацию косметики, на вопрос о стоимости Галя лукаво говорила:

– Не обижу!

– Зайка, ну ты пойми, это же совок! Так нельзя строить отношения. Договаривайся толком, – советовала она дочери.

– Мать, твоя подружка – истеричка. Она на этот вопрос сцену закатит. А так к концу моей работы ей иногда экзистенциально стыдно за все становится, и она платит больше, – хихикала Лида.

– То есть ты продаешь унижение за деньги? – испугалась Елена.

– Да просто я половину твоих друзей воспринимаю как психологические механизмы, вышедшие из строя из-за реформ. Это же не люди, это же уроды! – хихикнула Лида.

– Мы с тобой, что ли, лучше? – улыбнулась Елена.

– Лучше! Я не представляю, чтоб ты потеряла лицо из-за денег. А твои Ирка и Галка делают это чаще, чем чистят зубы! Поэтому у них полно денег, но совсем нет лиц... Хотя они их уже десять раз подшили у пластических хирургов! А главное, она никогда не пользуется косметикой, которую продает. Говорит, что она очень вредная.

Естественно, пришел час, когда на презентации косметики что-то пропало. Виноваты в этом были примерно пять человек зазевавшихся. Все прекрасно знали, что богатые в первом поколении обожают тырить на презентациях. В этот раз они перекрыли все нормы. Но девочкой для биття оказалась Лида. Елена понимала, что Гале было психологически необходимо, что дочка приятельницы раззява и плохой работник. И она устроила совершенно эстрадное увольнение и долго блажила, что, несмотря на дружбу с мамой, отказывается от услуг безответственной девчонки. Потом передавала для нее подарочки и, встречая Лиду, показушно лезла целоваться, а девочка таращила глаза, – неужели так бывает?

– Все, мать! Лучше пойду улицы подметать, чем работать под твоими климактерическими динамистками! – фыркала Лида.

С противоположным полом тоже была неразбериха. Точно, как Елена, Лида выбирала мужчин-сыновей. Они плюхались на нее эмоционально и финансово. Потом либо обнаруживались с девицами, как Толик; либо запивали, как Филипп; либо надевали наполеоновскую треуголку, как Караванов...

Елена понимала, что ребенок растет на родительских примерах. Но никак не удавалось показать Лиде других мужиков... Показывать Егорычева не могла – это была закрытая тема. Да и отношения были испорчены царским даром. Елена все время возвращалась к истории про квартиру со стыдом и удивлением. Чтоб ее, бессребреницу, так бес попутал... дочка говорила, что не представляет, чтоб Елена потеряла лицо из-за денег. Она и не потеряла лицо из-за подарка Егорычева, но все равно было не по себе...

У Лиды только что завязался роман. Вадик был компьютерщик, снимал квартиру и классно смотрелся. Подробности пока не оглашались.

...Елена проснулась, когда Караванова уже не было. Лидина комната была светлой и праздничной.

«Как странно, что мы расходимся! – подумала Елена. – Это же глупость... мы же так хорошо понимаем друг друга. Нам же интересно вместе. И в постели мы еще вполне можем сосуществовать...»

Набрала телефон Караванова и сказала:

– Ку-ку!

– Что-нибудь случилось? – удивился он раннему звонку.

– Я хотела сказать... что приглашаю тебя завтра отпраздновать годовщину нашей свадьбы, – хихикнула она.

– Ну-ну! В кабак? Мне ведь с утра после этого уезжать на игры... – усомнился Караванов. – Но если ты хочешь, то конечно.

– Я думаю, что Лиде не стоит быть с молодым человеком. Он нам еще чужой...

– А ты ей ничего не говорила?

– Я ее с тех пор не видела...

– Где хочешь заказать столик? – Опять это «выбери сама, закажи сама».

– Можно в «Пушкине». Чего экономить? Не каждый день разводимся...

На работе царила родная суета. Катя ела бутерброд, уткнувшись в компьютер.

– У меня завтра годовщина свадьбы, – напомнила Елена.

– Хороший повод восстановить покосившееся, – откликнулась та с набитым ртом.

– Кать, я ведь правда развожусь, а не придуриваюсь.

– Да вижу... Думаю, хватит мозгов остановиться. Смотри, что у меня в новостях! Канадские ученые из университета Макмастера пришли к выводу, что в женском мозгу нервные клетки располагаются более компактно, чем у мужчин. Они установили, что в участках мозга, ответственных за рассудительность, индивидуальность и планирование, плотность клеток у женщин на 15 процентов выше.

– Ты это к чему?

– К твоему разводу. Чего ты к нему цепляешься? Есть дом, есть семья, есть привычно расписанные вещи. Вот я, как бы ни умоталась здесь, прихожу – и сразу чувствую прилив энергии. Этого поцеловать, эту покормить, этого отругать, эту пожалеть... Ты посмотри на себя! Тебе сколько лет? А он мятежный ищет бури... Тьфу!

– Кать, меня вдруг все в нем стало раздражать... Внезапно. Понимаешь? Как только я позволила себе сказать, что развожусь, мне словно очки надели и я прозрела!

– Конечно, там, где у любимого родинка, у нелюбимого, как известно, бородавка... Надеюсь, хоть этому квартиру дарить не будешь? Голым в Африкупустишь? – испытующе посмотрела Катя.

– Если бы была возможность, подарила бы, – вздохнула Елена.

– Ой, коханая моя! Ты совсем не обучаемая! – покачала головой Катя. – Смотри, что пишут: «Согласно исследованию Всемирного банка, ежедневно преобладающая часть домохозяйек нашей страны тратит в день менее доллара США. В подобной ситуации домохозяйки Беларуси, Афганистана, Индии, Индонезии, Молдовы и Украины...» Представляешь?

– Еще как представляю! Я, в отличие от тебя, насадки, часто бываю в командировках...

– Как будто это сделало тебя умнее! – обиженно отвернулась Катя.

Елена все поглядывала на «аську», не появится ли Никита. Но вместо него материализовался Айсберг:

– Привет. Я по тебе соскучился.

Елена тактично ответила:

– Как поживают попугаи?

Айсберг. Один очень плохо ест. Меня это беспокоит.

Белокурая. Вызови ветеринара.

Айсберг. Ты знаешь, сколько эти шарлатаны берут? И ни хрена при этом не помогают!

Белокурая. Тебе решать.

Айсберг. Хочу посоветоваться. Мне предлагают работу. За 400 долларов. Занятость 2 часа в день. Соглашаться?

Белокурая. А почему ты со мной советуешься, а не с женой?

Айсберг. Потому что ты умнее.

Белокурая. Естественно, я бы с таким, как ты, и дня не прожила.

Айсберг. Ты не видела моих сильных сторон.

Белокурая. Что за работа?

Айсберг. На машине. Вozить продукты.

Белокурая. Мне кажется, тебе стоит восстанавливать социальный статус. Лучше возьми репетиторство. Вozить продукты может парень из деревни.

Айсберг. Ну, репетиторство, это возня.

Белокурая. Если ты просишь у меня совета, то я тебе его дала. И говорю все это не с целью обидеть, а с целью растормошить.

Айсберг. Извини. Вижу, ты не в духе. Пока.

Елене надо было спуститься к фотокорам и договориться о съемке для нового материала, но она как приклеенная сидела у компьютера и ждала появления Никиты.

«Надо же, – подумала она удивленно. – Развожусь, и вместо того, чтобы печалиться, чувствую себя как девушка на выданье... у которой все только начинается... конечно, сорок пять, баба – ягодка опять... но... как это сказал нашей двадцативосьмилетней секретарше Олечке сожитель-бандюган: „Кисуля, у тебя уже кончился срок годности...“ И взял на ее место двадцатилетнюю... И эта дурында чуть вены себе не покрошила... а ведь спроси меня, хочу ли я поменяться с молодой, тискавшейся с Каравановым в боулинге... и я только выражу ей глубокие соболезнования... конечно, он хороший, славный, тонкий... но такой разрушенный... а я так устала от мужской разрухи... так хочу влюбиться в цельного... какой угодно, но цельный... и Караванов своим идиотизмом словно снял с меня обязательства, которые меня держали в ошейнике... кому и почему я их давала?... не понятно...»

– Лена, не хотите сходить на открытие казино «Сол» в Никольском переулке? Такое турецкое заведение, все из зеркал и золота, – спросил парень из отдела светской хроники. – Мне сегодня в пять мест надо. А там акция, обещают, что много политиков будет... вам полезно.

– Не хочу. Ой, извините, у меня очень важное сообщение по думскому материалу, – соврала Елена, увидев появившееся на экране компьютера имя «Никита».

«Смешно, – подумала она. – Полстраны сидят за компьютерами и кадрится в рабочее время с важным видом... Может, это и правильно?»

Никита. Здравствуй. Извини за бред, который я нес в прошлом разговоре... уже несколько дней сплю по 3 часа... перечитал, и мне очень стыдно!

Елена почти застонала про себя от удовольствия и ответила:

– Все нормально. Ты очень милый парень. Но с фотками смешно. Я действительно видела твою фотку на сайте знакомств и подумала: «А этот тут что делает?»

Никита. Сам порой не знаю, что я на этом шарике делаю...

Белокурая. Как что? Живешь в ожидании встречи со мной.

Никита. А знаешь... при всей абсурдности нашего знакомства и нелепости моих ночных реплик я сегодня вспоминал тебя... Так что все вышесказанное – это попытка скрыть смущение...

Белокурая. Смущение?

Никита. Ты явно приняла меня за идиота.

Белокурая. Ладно. Амнистирован. Что хорошего делал сегодня?

Никита. О тебе думал...

Белокурая. И что надумал?

Никита. Только хорошее...

Белокурая. А в промежутках что делал?

Никита. Промежутков не было.

Белокурая. У тебя такое времяпрепровождение прописано в рабочем контракте?

Никита. А я сам хозяин – что хочу, то и делаю.

Белокурая. Вот это именно то, почему в России так плохо идут реформы. Все молодые, тугие тела занимаются на работе ерундой.

Никита. Заметь, про тело начала ты.

Белокурая. Так на сайте же знакомств не серое вещество рекламировал.

Никита. Только потому, что у меня нет фотки моего вскрытого мозга. Ты замужем?

Белокурая. Развожусь...

Никита. А я недавно пережил подобный кризис... чуть все не рухнуло... но хватило мудрости... сейчас переживаем подъем...

Белокурая. Ну я уже третий раз развожусь. Бесстыдно спокойно. Аж неудобно перед окружающими...

Никита. Поздравить не с чем... извини. Я против разводов...

Белокурая. А чего ты, такой правильный, на сайт знакомств вешаешься?

Никита. Исключительно для встречи с тобой... а улыбка у тебя сейчас на лице – грустная...

Белокурая. Ни фиги! Развод, это такое обновление! Годы между браками вспоминаю как самое веселое время жизни.

Никита. Может, еще просто не встретила свою судьбу...

Белокурая. Свою судьбу я в этой жизни встречала уже трижды. А ты свою так мощно встретил, что по «аське» кадришься?

Никита. Может, у нас с тобой возникнут просто дружеские отношения. Хотя твоя фотка меня зацепила...

Белокурая. На просто дружеские и не надейся...

Никита. Тогда придется ускорить нашу встречу...

Белокурая. Какие все-таки мужики фальшивые создания... Только что мораль мне читал!

Никита. Но я действительно люблю жену. А с тобой просто хочу познакомиться.

Белокурая. Да я, если честно, занята, как не знаю кто...

Никита. Я тоже, заметь, баклуши не бью. Конечно, минули времена, когда я катался в наручниках с бандитами... а заложниками была семья... и те времена, когда я двадцать четыре часа пахал... но тоже, поверь, есть чем заняться.

Елена усмехнулась про себя: «Инфантильный хвастунишка!»

Белокурая. От этих слов у меня должно было часто забиться сердце? Не забилося. Удар прошел мимо ворот. Ты его плохо рассчитал...

Никита. Бывают осечки. Извини, пора на совещание... я пошел... с налетом грусти...

Белокурая. Удачного совещания.

Никита. Захочешь поупражняться в психологических этюдах – можешь использовать живой материал... но учти – я сильно ранимый человек... и хотя тело закалено... но вот нутро почти не грубеет...

Белокурая. Ты меня представил огнедышащим драконом?

Никита. А кто еще меняет мужей чаще, чем помаду?... Пора уходить, раз попрощался, а не искать причину задержаться...

Белокурая. До завтра.

Никита. Звучит обнадеживающе... Как говорили у нас в спецназе: если не поженимся, то созвонимся...

Она отошла от компьютера, чтоб вернуться в рабочую атмосферу. Все это было очень странно. Если разговор с Айсбергом вызывал ощущение начала рабочего дня сиделкой с тяжелобольным, то после двух слов с Никитой чувствовала себя девчонкой, пританцовыва-

ющей перед свиданием. И это довольно глупо выглядело в ее возрасте, да еще и на фоне развода. Как когда-то шутил про нее Караванов: «Счастлива от ерунды!»

Елена подошла к секретарше Олечке, той самой, у которой, по мнению бандюгана, «кончился срок годности», села напротив и спросила:

– Оль, мне подстричься или, наоборот, волосы распустить?

Она любила сидеть в приемной главного, потому что у секретарши был жуткий цветочный талант, все, что она сажала в горшки, разрасталось, пушилось, узорилось, выстраивалось в умопомрачительные траектории и наполняло комнату дыханием оранжереи.

Олечка закурила, наморщила лоб, долго внимательно смотрела и резюмировала:

– Я б распускала и отрачивала.

– Ну мне лет-то сколько! – напомнила Елена.

– Вот мы с моим прошлым когда в Стокгольме были, там даже бабульки ходят с синими и красными волосами! Как панки! Так классно смотрится, – завистливо вздохнула Олечка. – А в Каннах они без лифчика загорают... Я хотела попробовать. Не смогла...

– А я – легко... – ответила Елена.

– Да вы у нас даже женщина – ураган, – улыbnулась Олечка. – А последние дни так здорово выглядите, как будто роман новый. Похудели, глаза горят...

– Да это на меня так развод действует, – призналась Елена.

– Вы разводитесь с Каравановым? – подскочила Олечка. – Да в жизни не поверю! Скажите, что пошутили! Да я вас всегда в пример ставила! Вы ж всегда как влюбленные ходили, глазки друг другу делали!

– Так и разводимся без мордобоя... – вздохнула Елена.

– А помириться можно? – попросила Олечка.

– Знаете анекдот про то, можно ли сделать Париж «образцовым социалистическим городом»? Можно, но жалко... – ответила Елена.

– У кого-то появился кто-то? – округлила глаза Олечка.

– Это как раз не повод для развода – хороший левак укрепляет брак. Просто устали быть вместе... и когда он что-то вякнул, я вдруг разрешила себе все поломать... потому что мне скучно... а в России это же не повод разводиться...

– Вы такая независимая... я бы хотела стать такой... – грустно сказала Олечка.

– В твои годы я тоже такой не была. Смотрела на первого мужа как на икону, – усмехнулась Елена.

– А у меня и мужа-то нет... Вот одного склеила недавно. Зовет на горных лыжах кататься. Я на них как корова на льду. А он пожилой – сорок лет – лысый. Ему надо, чтоб друзья видели, что он с молодой приехал. А здесь же снега нет, а мне б хоть как прорепетировать, – пожаловалась Олечка. – Вообще он мне не нравится. Как девчонки говорят, мужчина типа: животик, кошелек и ушки. Но больше никого на горизонте; а уже и рожать пора, и шуба не модная, и машина разваливается...

– Оль, а что бы вам нормального парня не поискать? Что вы все вокруг пожилых кошельков всё танцуете?

– Да у меня зарплата триста долларов, мать больная, брат – наркоман... Куда мне без кошельков? Надо пристраиваться, пока молодая. И так уже на возраст намекают...

– Как вы думаете, почему вам на возраст намекают, а мне – нет? А я вам в матери гожусь...

– Ну так кто я и кто вы? К тому же вы мужчин не боитесь... А я, когда знакомлюсь, такой душой выгляжу, у меня аж руки трясутся, – пожаловалась Олечка.

– Так бросайте эту работу, идите учиться, – раздраженно посоветовала Елена. – Олечка, милая, проституция – это не профессия, а образ жизни.

– Да вокруг меня все так живут, – всплеснула она руками. – Мне девчонки завидуют: я мужиков, сидя за рабочим столом, склеиваю, когда они к главному приходят... А они все в ночной клуб – как на работу. А там не пойми на кого нарвешься. Одной нос под утро сломал. И денег дал, чтоб молчала. А она со страху и так бы молчала...

– Господи, что вы все так не по-людски живете? Моей Лиде в голову бы не пришло под сорокалетнего ложиться, – сказала Елена.

– Так у меня бы мать была такая, я б тоже с молодыми путалась. – Олечка снова закурила. – Все ж на мне!

Елена подумала, как странно... на ней тоже всегда было все, но она никогда и не предполагала любиться за деньги. С Егорычевым у нее и мысли не было о дивидендах. А здесь совершенно бесстрастный маршрут к деньгам, в надежде потом купить на них то, что на них не продается...

– Мне тут вчера фикус в подарок приперли. Я его скорее в бар отнесла. Не хотите домой взять? – спросила Олечка.

– А что это вы его отнесли? – удивилась Елена.

– Как? Вы не знаете? – У Олечки полезли на лоб тремя цветами обведенные глаза, и она всплеснула руками с узорным маникюром. – Фикус ставят только в домах, где девушка не может забеременеть! Примета такая! А мне, свят, свят, свят, при моем количестве абортотолько этого не хватало!

– Правда? Ну у нас дома это тоже сейчас не слишком актуально. Пусть лучше барменша...

Пора было садиться за работу, потом ехать брать интервью и до позднего вечера превращаться в высокотехнологичную журналистскую машину... Ах да, еще надо было заказать столик в «Пушкине» на завтра. И подумать, что она туда наденет. Костюм, в котором выходила замуж за Караванова?... Нет, это будет слишком.

В нижнем отделении платяного шкафа у нее в отдельных пакетах лежали три свадебных наряда. Кремовый комбинезон – свадьба с Толиком; бирюзовое расшитое платье – торжество с Филиппом; серебристый костюм – памяти брака с Каравановым. Она подумала, что, наверное, придется еще хоть разок выйти замуж, чтобы понять, что ощущает женщина в белом платье. Каждый раз ведь было не до того...

Позвонила счастливая Лида:

– Мать, мы на таком концерте «Рамштайна» были! Умереть!

– Рамштайн – это город? – Она подумала, что, наверное, именно сейчас надо сказать девочке о разводе.

– Какой город, ты что? Это такая культовая группа! Представляешь, у нас билеты в метро проверяли, так круто все было. Уж не знаю, как аборигены домой проходили! Смотри, музыканты сначала были почти раздетые, в белых масках! Потом пошла такая пиротехника! А потом они друг на друга пламенем дышали, ну, как мужик на Арбате! А потом гитарист как саданет микрофонной стойкой по монитору, а монитор как загорится! – захлебываясь от удовольствия, щебетала Лида. – И тут все зрители врубили зажигалки, хотя менты при входе требовали их сдать в камеру хранения! А потом один музыкант вообще вынул член! Народ запел, и вдруг над головами полетела огненная ракета! Я чуть не окочилась со страху! А в конце прямо на толпу спустили надувную лодку, в которую посадили клавишника, и его стали перемещать по партеру! Представляешь? А совсем в финале они заорали «Работа у нас такая, забота наша простая...» И солист вышел с российским флагом! Чума!

Елена слушала все это как рассказ на иностранном языке, но, чувствуя, что дочь счастлива, решила не торопиться:

– Лид, завтра у нас годовщина свадьбы! Изволь отужинать с нами в «Пушкине»!

– Классно! Обожаю «Пушкин»! Там лучшие пирожки с грибами в мире! Пока!

...Утром, сквозь сон, Елена услышала, что Караванов лезет в шкаф за новым костюмом. Это было смешно и трогательно. Подумала, сообразит ли он понюхать, выдохлись ли те, ну, очень вонючие духи после боулинга... и как должна быть не уверена в запахе собственного тела девушка, которая поливается духами так, что потом от мужского костюма разит на всю комнату... впрочем, кто бы еще соблазнился изрядно выпившим Каравановым...

Елена надела выходной костюм с очень короткой юбкой и принесла на работу бутылку шампанского:

– В честь последней годовщины моего последнего на данный момент брака!

– Ну и юбчонка! Можно сказать, поданы не только коленные чашечки, но и весь сервиз! – покачала головой Катя.

Сотрудники посмотрели на Елену с недоумением, уж слишком светилась... а светилась потому, что ждала выхода Никиты в онлайн. И дождалась.

Никита. Здравствуй.

Белокурая. Привет.

Никита. Как настроение?

Белокурая. Великолепно!

Никита. А у меня нет. Все чаще думаю о том, чтобы отвалить отсюда...

Белокурая. Отвалить?

Никита. Все больше друзей и партнеров по бизнесу живет там...

Белокурая. Огорчена.

Никита. Я люблю Россию, но не могу смотреть, как мы вымираем и перерождаемся в озлобленных, жадных, ленивых, завистливых дебилов...

Белокурая. Ерунда, мы только становимся на ноги. И превращаемся в более симпатичных людей, чем западники.

Никита. Мы видим ситуацию по-разному...

Белокурая. Грустно, что ты видишь ее так.

Никита. Смотрю, как строят свою жизнь партнеры из соцлагеря, которые недавно тоже были полным совком...

Белокурая. Они не столько лет жили под коммунистами. Да и климат другой...

Никита. Сменим тему. Готов признаться – снова думалось о тебе...

Белокурая. Весь рабочий день без перерывов? И кончилось это потребностью эмигрировать?..

Никита. Не иронизируй... я влюбчивый, но больше всего достается тем, кого люблю...

Белокурая. Да ты меня еще в натуре не видел. Как говорили мои мужья: железная леди, ничего человеческого! Увидишь – испугаешься...

Никита. Меня мало чем можно напугать... старею, наверно... скажи, а что ты ищешь в мужике?

Белокурая. Душу и фактуру в одном флаконе.

Никита. А мы, мужичье неотесанное... снизу вверх впитываем... а уж душа стоит на тридцать четвертом месте после размера груди...

Белокурая. У баб, которые обеспечивают себя сами, те же принципы.

Никита. Да, нынче мужик сильно измельчал...

Белокурая. Ты про какие параметры?

Никита. Про черты, присущие мужчинам в классическом понимании этого определения... Брать ответственность на себя, решать проблемы самостоятельно, делать женщину, которая рядом, счастливой, помнить, что такое честь... Мне стыдно, если я хоть на полшага отхожу от этого...

Белокурая. Лопатки не чешутся? Крылышки не режутся?

Никита. Можешь жалить сколько тебе угодно... я просто говорю, что думаю... заметь – редкое сегодня качество...

Белокурая. Редкое.

Никита. А не жалко время тратить на меня?

Белокурая. Не жалко. Во-первых, ты красивый. Во-вторых, ты мне интонационно интересный.

Никита. Интонационно? Так это я только с тобой... выполз из своей раковины... в миру я другой...

Белокурая. Люди затем и ходят по Интернету, чтобы снимать маску. В миру я тоже другая.

Никита. А насчет крыльев – права... Я выбился из провинции, прошел через все. Воевал, чтобы теперь не было стыдно перед сыном, что папа от армии косил... В МГУ поступил сам. Все сделал сам.

Белокурая. Ум, честь и совесть, короче...

Никита. Не знаю, зачем все это тебе говорю... наверно, чтобы вызвать улыбку...

Белокурая. На ком тебе еще так пафосно оторваться? А сына тоже в армию отправишь, чтобы ему не было стыдно перед его сыном?

Никита. Нет. В этой мясорубке сейчас делать нечего. Ты небось сейчас еще десятку мужиков по «аське» параллельно мозги пудришь?

Белокурая. Начались сцены ревности?...

Никита. А вот я всех остальных убрал... тебя почему-то невозможно ни с кем и ни с чем совмещать...

Белокурая. Как в рекламе бульона: «Любовь с первой ложки»?

Никита. Тебе предлагают заполнить только часть – ты забираешь все! Крупными мазками!

Белокурая. Такой недостаток есть. Странно, что это даже по «аське» слышно.

Никита. Я в «аське» давно сижу. Мне по ней человека сразу слышно. Ухи-то разведчицкие...

Белокурая. Мне мужья именно это и инкриминировали: что меня много, что я сломала им хребет...

Никита. За свой хребет я не сильно боюсь... Там достаточно позвонков и так травмировано.

Белокурая. Так вроде я замуж за тебя не собираюсь. С меня штампов хватит.

Никита. Значит, хребет в полной безопасности... а твоему мужу не завидую.

Белокурая. Кстати, у нас сегодня годовщина свадьбы. Сходим по этому поводу в красивый кабак...

Никита. Мириться?

Белокурая. Мы ж не ссорились... мы осознали. Это другой жанр. Идем не мириться, а прикалываться над жизнью и над собой. Ладно, пока. Пора и работой заняться...

Никита. Пока. Желаю приятного ужина, хотя плохо себе представляю этот жанр...

Вокруг стояли шум и гам. И парень из светской хроники, как обычно, уговаривал коллег сходить на тусовки, потому что не успевал сам.

– Елена, ну я вас не прошу сходить в Исторический музей. Там внизу ресторан «Красная площадь» и в нем «пушкинский обед». По меню из Онегина: ростбиф окровавленный и подобная фигня... – прижимал он руки к груди. – Это отдел культуры сходит. Но в Академии художеств в ресторане Церетели собираются политехнологи. Это чисто ваше мероприятие...

– У меня под картинами Церетели пища не усваивается, – ответила Елена. – И вообще я сегодня отмечаю последнюю годовщину третьей свадьбы...

– Я вашего юмора до конца никогда не понимал, – нахохлился парень из светской хроники.

– Это потому, что я практически не острою. Как говорил Уайльд: «На свете нет ничего смешнее правды...» – улыбнулась Елена.

Села к компьютеру и начала подкрашиваться. На экране загорелось имя «Айсберг». Айсберг. Я по тебе очень соскучился. Как поживаешь?

У Елены словно сразу заныли все зубы. Она пересилила себя и вежливо ответила:

– Отлично. А ты?

Айсберг. У меня подавленное настроение.

Белокурая. Что-то случилось?

Айсберг. Попугай болеет все сильнее.

Белокурая. Так не экономь на ветеринаре.

Айсберг. Это ерунда все ваши ветеринары-неофиты... Лучше давай встретимся.

Белокурая. Полагаешь, это поможет попугаю?

Айсберг. Романтическая встреча поможет мне.

Белокурая. Романтическая встреча – это в твоём понимании половой акт сразу при встрече?

Айсберг. Давай сразу. Тоже интересно.

Белокурая. Не вижу в этом ничего романтического...

И подумала: «С тобой по крайней мере!»

Айсберг. Почему?

Белокурая. Ну неужели ты не въезжаешь, что такие бабы, как я, на дороге не валяются? И в то, сколько у тебя конкурентов и каких? И как часто они моют машину...

Айсберг. Но нам интересно общаться!

Белокурая. Так ты же не общаться предлагаешь. Точнее, общаться гениталиями. А вдруг это будет не так интересно?

Айсберг. Знаешь, я уже задумываюсь, что недолго осталось жить. А ты?

Белокурая. Ну и переходы у тебя... А я не задумываюсь. Я только жить начинаю!

Айсберг. Это философская проблема.

Белокурая. Ты за это время стал философом?

Айсберг. Я всегда им был!

Белокурая. Извини, мне надо срочно уходить. Важная встреча.

Айсберг. Я на тебя никогда не обижаюсь.

Елена злобно выключила компьютер. Жмот чертов, сначала на попугае экономит, а потом на жалость давит...

Она доехала на молодом кавказском частнике, активно кокетничая с ним и замечая, что мысль о разводе словно ослабила упряжь. И позволила направо и налево делать глазки.

Обычно не точный Караванов уже сидел за столиком и тянул рюмку коньяка. «Боится!» – нежно подумала Елена.

– Как настроение? – спросил Караванов. – А у меня замечательное...

– И у меня ничего, – улыбнулась Елена. – Начинаю новую жизнь. Успехи уже есть...

– Не сомневаюсь... – скривился Караванов. – Лиде сейчас скажем?

– Зачем ужин портить? Я уж ей сама... порциями...

– Хорошо... Завтра с утра, как я уже говорил, еду... Второй тур деловых игр, – приосанившись, напомнил он.

– Вернешься и сразу в президенты, – мягко пошутила Елена.

Ужасно трогала эта игра Караванова в прятки с самим собой. Ну съездит он на игры; ну, назначат его там начальником земного шара; ну, даст ему по этому поводу молодуха... И что? Он уже все равно не успеет стать взрослым и ответственным: нормально родить ребенка и вырастить как своего, нормально отвечать за жену и держать ее в эмоциональном поле взрослого человека, а не кормиться ее материнской энергией... блажен, кто смолodu был молод.

И ведь какое-то время ей было сладко его баюкать. Она восхищенно разглядывала, как пухлый Караванов по-детски сопит во сне и подкладывает под щеку кулак. Как взвизгивает, порезавшись; как трет глаза кулаками. Караванов был нужен ей как страшно недолюбленный в детстве, потому что она могла обрушить на него всю нежность, уже лишнюю для резко выросшей Лиды. Она тетешкала мужа-ребенка; но готова была тетешкать на условиях, что он не будет вырастать, не впадать в хамский переходный возраст, грубить маме, кричать, что теперь все может сам... и искренне верить в это. Она любила говорить: слабый человек жизнь преодолевает, а сильный – осваивает. Караванов и повзросление свое не осваивал, а преодолевал, тревожно прислушиваясь к самому себе и нервно оглядываясь на окружающих.

– Я закажу себе вот этот салат с крабами, бефстроганов. А потом буду думать про десерт... Или лучше мороженое? Нет, пожалуй, десерт, – бубнил Караванов.

И то, что он всегда проговаривал вслух, что собирается есть, надевать, пить, курить и делать, казавшееся прежде таким трогательным, немислимо взбесило ее. И она чуть не ляпнула: «Боже мой! Кому интересно, что ты будешь есть?» В смысле: «Я больше тебе не мама!»

Странно, но говорить было совсем не о чем. Караванов был практически подружкой, в отличие от первых двух мужей, она могла с ним обсуждать практически все. И вдруг это рухнуло в одночасье.

Молчали и сосредоточенно жевали, пока не появилась Лида, сонная и возбужденная одновременно. Зататорила о своем новом друге Вадике и вчерашнем концерте, начала клянчить деньги на новую куртку, пить ореховую водку, делать глазки парням за соседним столиком, есть винегрет одновременно с мороженым. Одним словом, ей было не до взрослых... и... слава богу!

Караванов пытался сосредоточить ее на логике деловых игр, даже нарисовал на салфетке расклад, на котором Лида будет директор завода, Елена – руководитель энергокомплекса, а он – губернатор. И стрелочками отметить, как правильно строить между ними коммуникации. У Лиды в глазах было написано: «Мне бы ваши заботы, господин учитель...»

– Поздравляю со счастливым браком! Желаю... – сказала Лида, подняв рюмку ореховой водки, и вдруг осеклась: – А чего это вы такие?

– Мы, зайка, думаем, что нам было бы полезно развестись, – неожиданно для себя самой сказала Елена. – И уже практически это решили...

– Да? – спросила дочка, и Елена не услышала в этом «да?» ничего трагического.

– Подробности письмом... Лучше расскажи про своего нового мальчика, – мягко увела Елена тему, увидев, как напрягся Караванов.

Выходили из «Пушкина» поздно, в меру пьяные и в меру сосредоточенные. Шли по пустому городу. Елена машинально взяла Караванова под одну руку, Лида – под другую. Лида запела «Естудей», Караванов подтянул. Елена почувствовала себя пионервожатой с отрядом, возвращающимся с моря...

Предложила пройтись по пустому Арбату. Она знала, что Караванову с утра уезжать, а вещи еще не собраны. Но очень хотелось. Караванов промолчал, ему было удобней, чтоб она сама приняла решение. Елена иронично посмотрела на него и с вызовом сказала:

– Молчанье – знак согласия!

Караванов обиженно посмотрел на нее, но не протестовал. На Арбате было совсем пусто. Лида горланила песни, Елена улыбалась, а Караванов покупал в каждом киоске пиво.

Прошли мимо однорукой принцессы Турандот, охотники на цветные металлы недавно ампутировали ей предплечье. Лида заняла про свои высокие каблуки. Караванов прилично выпил и покладисто плелся. Все время подшучивал над Еленой, взяв Лиду в сообщники. На Арбате было тихо, камни стучали под ногами, и редкие парочки жались друг к другу на ветру. Елена расслабилась, и, напевая, вспоминала, как они познакомились с Каравановым, как гуляли здесь же, взявшись за руки, заходя во все подряд кафешки... накупая все подряд сувениры...

Недалеко от Плотникова переулка на асфальте лежал седой человек. Конфигурация его лежания подразумевала глубокую нетрезвость, но Елене бросились в глаза пышные седые волосы, портфель и приличные ботинки, и показалось, что он похож на Айсберга. Возле седого стоял плечистый малорослый кавказец.

Он начал снимать с лежащего ботинки, а сняв – бить ногой в живот.

У Елены внутри все сжалось, она даже не успела подумать, что, когда тебе больно от предательства, когда ты ходишь в облаке ровно разлитой по телу боли, начинаешь острее реагировать на то, что при тебе делают больно другому. Даже если он в полной отморозке...

Она подбежала к кавказцу, достала мобильный из сумочки и стала обещать вызвать милицию. Тот начал кричать на плохом русском, оправдываться про ботинки, что он таким способом помогал седому трезветь... Елена сказала, что если он через две минуты не исчезнет, то она вызовет милицию. Тут Лида бросила кавказцу какую-то оскорбительную фразу. Что получилось дальше, Елена не поняла, но кавказец ринулся на Лиду, подоспел Караванов, и они втроем покатались клубком. Лида завизжала, рухнув на своих трудных каблуках. Прохожие разбежались как мыши. Елена первый раз в жизни сумела громко заорать: «Милиция! Помогите!»

Кавказец бил Караванова. Поднявшаяся Лида бегала вокруг и голосила. Елене показалось, что вот сейчас кавказец может убить Караванова; она сообразила, что Караванов пьян в дым, и неожиданно для себя начала наносить кавказцу удары ногой и телефоном... И одновременно словно завороченно смотрела на это со стороны. За это время Караванов не врезал кавказцу ни разу, а только отчетливо валил его на землю. И в конце концов завалил, опрокинув при этом и Елену.

Потом кавказец отбежал, и Елена, морщась от боли в коленке, торопливо уговаривала его уйти. По лицу Караванова текла кровь, Лида истошно орала.

Кавказец то отступал, то возвращался, не понимая, добивать Караванова или опасаться так и не вызванной милиции. Казалось, что это длится вечность. Лида платком вытирала кровь с лица отчима, а мимо уже начали ходить люди, равнодушно переживавшие, когда кончится драка.

Наконец кавказец, плюясь, сморкаясь и потирая ушибы, двинулся в сторону метро «Арбатская».

А они стояли, возбужденно пересчитывая потери. У Караванова были подбиты оба глаза, рассечена бровь. Кровь хлестала на плащ. Елена чувствовала, как под колготками разбухает и мокнет разбитая коленка. Лида осматривала вырванный из плаща рукав.

Дошли до Садового кольца. Это была первая драка в Елениной жизни. У нее дрожали руки, кружилась голова и колотилось сердце.

Такси останавливались, но, видя ручьи крови на Караванове, тут же уезжали.

– Хочу заметить, – сказал Караванов, задрав лицо вверх, чтобы кровь не так интенсивно лилась на глаза, – что это ты захотела отмечать годовщину свадьбы! Это ты заказала столик в «Пушкине»! Это ты потребовала прогулки на Арбат! Это ты спровоцировала драку!

– А разве ты мне сопротивлялся? Ты даже этому хрену не сопротивлялся! – закричала Елена. – Ты даже ни разу его не ударил!

– А я никогда не утверждал, что я специалист по уличным боям! – зло ответил Караванов.

– Кончайте базар, – возмутилась Лида. – Сосредоточьтесь на тачке.

Доехали до дома за три цены. Елена просила Караванова зайти в травмопункт, он озлобленно отказался. Дома разрешил Лиде перевязать себя и отправился стирать плащ, в котором должен был завтра – а по сути, уже сегодня – ехать на деловые игры.

Елене было ужасно стыдно. Она понимала, что на играх Караванов собирался продолжить романтические отношения с девушкой. И было страшно неудобно, что случилась драка, и теперь он поедет туда разбитый и заклеенный, словно она хочет всеми способами помешать его личной жизни.

Но, с другой стороны, Елена не была виновата в том, что Караванов так набрался, что при хороших физических возможностях не мог достойно противостоять кавказцу. Раньше она непременно упрекнула бы себя в том, что это она не учла количества и качества выпитого. Теперь же решила, что если мужик идет с двумя бабами по улице пьяный в дым и поэтому не может их защитить, то это проблема, за которую отвечает он. Вспомнила слова кого-то из священников: если тебя бьют, а ты не сопротивляешься, то ты либо свят, либо мертв.

С трудом сняла колготки. Рана на колене запеклась и присохла к ним. Залила йодом, заклеила пластырем. В присутствии живописно избитого Караванова было неприлично говорить о таких мелочах, хотя каждый шаг отдавал острейшей болью.

...Когда проснулась, Караванов уже ушел. Простыня была в крови от раны на колене. На кухне завтракала Лида.

– Я давно поняла, что вы того... – сказала она без всякой интонации.

– А я – недавно... – грустно сказала Елена. – А как ты поняла?

– Это всегда видно. Когда любовь-морковь, около людей весело. А около вас вдруг резко стало скучно... Тебе, мать, надо мужика посильнее. Караванов пупсик, конечно, но ты с ним как с малым дитем... Мне, естественно, его от себя с кровью отрывать, он мне практически папаша. Но думай о себе чаще...

Елена заметила, что у Лиды припухшие глаза, и поняла, что она ревела всю ночь, но не готова об этом говорить.

– Как ты думаешь, рукав можно аккуратно пришить? – мягко спросила Елена. – Не зря ты деньги на куртку просила. Как чувствовала...

Стало нестерпимо жалко Лиду, себя, Караванова. Показалось, что надо срочно спасать рушащуюся семью, в горле встали слезы. Пошла в комнату и набрала его мобильный.

– Говорить можешь?

– Да, мы только что приехали на место... – очень опекающим голосом сказал он.

– Я хотела сообщить, что готова многое менять. Потому что люблю тебя. Хотя, наверное, тебе это покажется навязчивым и неубедительным после всего сказанного...

– Не обижайся, но ты говоришь: типа забудем все, что сказали прежде, и с чистого листа... так не бывает.

– Мне кажется, что мы с тобой оказались в таких кошмарных условиях из-за квартиры, что теперь просто не умеем общаться друг с другом на свободе, – предположила Елена.

– В кошмарных условиях было легче. Ты так не управляла мной, у тебя большую часть энергии отъедала свекровь!

– Ладно. Сменим тему. – Ей вдруг стало смертельно скучно даже слышать его голос. – Как глаза?

– Был в травмопункте. Зашили бровь, сделали противостолбнячную прививку. Я напялил твои темные очки, но все равно всех здесь пугаю...

– Синяки украшают лицо мужчины. Это новый ракурс. Никто и не ожидал, что ты можешь участвовать в драках... – фальшиво утешила Елена. – И в деловых играх это пойдет на пользу. Как будешь проигрывать, представь, что можешь ударить того на Арбате, и станешь первым!

– Но я ведь ни разу не ударил – я только валил его...

– Это хорошее начало. В следующий раз ударишь за оба раза, – сказала Елена и поняла, что ее подташнивает от того, что снова сползла в старую игру мамочки и подростка.

– Ты специально устроила драку, чтобы убедиться, что мужчина, который рядом с тобой, не может тебя защитить, а значит, ты главная... Пока. Меня зовут.

...Позвонили с работы, сказали, что надо срочно ехать на пресс-конференцию депутатов и деятелей культуры по поводу выноса Бутырки за черту Москвы. Идея была отличная, можно было навалить яркий материал, но коленка ныла и повязка на ней промокала. Пришлось заезжать домой перебинтовывать. В редакции оказалась только к концу дня. Включила компьютер, мгновенно нарисовался Айсберг.

Айсберг. Где ты все время пропадала?

Белокурая. На пресс-конференции.

Айсберг. А как прошло вчерашнее торжество?

Белокурая. По полной программе. Оказались в драке с лицом кавказской национальности. У дочки оторван рукав плаща, у меня – до кости сбито колено, у мужа подбиты два глаза и рассечена бровь.

Айсберг. Кто понес моральный ущерб?

Белокурая. Естественно, я... Я ведь это все заварила, результатов не предвидела...

И вдруг она удивилась себе, что формулирует это языком Караванова. Да, пыталась защитить лежащего человека и почему-то должна оправдываться за это. Вспомнила, как однажды шли с Каравановым около рынка, и мужик бил бабу. Было ясно, что они как-то связаны, то ли торгуют вместе, то ли спят... но он ее бил! Елена встряла, и, пока бьющий мужик приводил ей экзистенциальные доводы про то, «за что бьет», баба успела убежать...

День был отравлен, потому что Караванов несколько часов нудил о том, что она не имеет права ввязываться в подобные ситуации, потому что он, Караванов, не член народной дружины. И не готов наводить порядок в отношениях населения города.

А еще была история, когда ночью двое здоровых парней тащили куда-то верещащую девчонку. И Елена, естественно, влезла. И девчонка была спасена. И никто при этом не получил по физиономии. Но Караванов снова читал мораль о своем частном пространстве.

– Я уважаю твое частное пространство. Но им же больно! И на их месте вполне мог оказаться любой из нас, – растерянно оправдывалась она.

– Мог, но не оказался. Разве что твоими стараниями... – заметил тогда Караванов.

– Ты – равнодушный человек! – в ужасе осознала Елена.

– Но я никогда и не выдавал себя за Данко, вырывающего сердце, чтоб осветить другим дорогу, – усмехнулся он.

Айсберг. С этими реформами наступил полный беспредел на улицах.

Белокурая. Что за фигню ты говоришь? Уличное хулиганство как раз резко сократилось.

Айсберг. Ты далека от простого народа...

Белокурая. Я сижу на статистике.

Айсберг. Твоя статистика вся липовая. Ты пишешь о жизни, но совершенно не знаешь ее!

Елена вспыхнула. Этот маргинал, не способный спасти собственного попугая, будет учить ее жить!

Белокурая. Аудиенция закончена по причине хамоватой самоуверенности собеседника.

Айсберг. Ты обиделась?

Елена предпочла не отвечать. Тем более что на экране появился Никита.

Никита. Здравствуй, милая!

Белокурая. Здравствуй.

Никита. Подожди, налью кофе, возьму сигарету, и весь твой... Мне сегодня снилась ты. Как на фотке... мы с тобой плыли на лодке куда-то.

Белокурая. Какой впечатлительный! Надо быстрее встретиться, чтоб не было ложных иллюзий.

Никита. Ты вызываешь во мне непреодолимое сексуальное влечение...

Белокурая. Не верю в виртуальные влечения. Как говорят американцы: любовь – это химия.

Никита. Это у них – химия, а у нас по старинке – от бога!

Белокурая. Так химия и есть от бога. Почему одного хочешь до дрожи, а другого – никогда?

Никита. Потому что есть поля, которые до сих пор никому не понятны... а химия – это совершенно понятное явление...

Белокурая. Понятное во всем, кроме секса. Можешь описать половой акт химическими формулами?

Никита. Не могу. Ты, кстати, не подумай, что я – сексуальный маньяк.

Белокурая. Для маньяка ты слишком зажат и неиспорчен.

Никита. Я в прошлом спецназовец...

Белокурая. Вчера бы ты нам пригодился. Нас какой-то тип на Арбате побил...

Никита. И сколько вас было?

Белокурая. Я, муж и дочка.

Никита. А тип один?????

Белокурая. Ну мы ж необученные.

Никита. И муж тоже? В армии, что ли, не был?

Белокурая. Конечно.

Никита. При декоративном мужике надо носить в сумочке газовый баллончик или электрошок.

Белокурая. А совсем без мужа?

Никита. Лучше вечером сидеть дома. Так вас драка с мужем не помирила?

Белокурая. Наоборот. Подвела жирную черту... Я, правда, вдруг рассопливилась, прожурчала ему в телефон о вечной любви. Сейчас самой противно...

Никита. Не спешила бы с разводом. Как говорили у нас на войне: не торопись, а то успеешь.

Белокурая. Почему?

Никита. Это ценность, это тыл.

Белокурая. Я в ценностях лучше секу, у меня уже третий штамп в паспорте...

Никита. А у тебя в памяти твои мужчины остаются?

Белокурая. Остаются, но не списком. А выборочно. Прости, меня зовут поговорить.

Никита. Никуда не звали. Просто вдруг нестерпимо захотелось побыть совсем одной. Да и колено воспалилось и ныло. Что-то наврала главному, приехала домой, села к телевизору и начала смотреть все подряд.

...Утром категорически не хотелось просыпаться. Потом не хотелось варить кофе. Потом вообще ничего не хотелось. Но возможности выпасть в депрессию не было, и Елена позвонила Карцевой.

– Найдите на меня, пожалуйста, хоть полчаса. У меня полный обвал. Все ровно так, как вы сказали, и нет времени выходить из этого самостоятельно... – взмолилась она.

– Ясно... Приезжайте в половине третьего. Только у меня будет всего сорок минут! – сказала Карцева.

– Спасибо огромное!

– А пока примите ванну, сделайте маску, приготовьте что-нибудь вкусное. Короче, обласкайте себя, – посоветовала Карцева.

Елена честно легла в ванну, насыпав туда ароматной соли, намазала на лицо йогурт, но... все раздражало. И это не помогло. Хотелось плакать и бить носу.

До половины третьего была уйма времени, и, отпросившись с работы, она начала расхаживать по улице, заходить во все подряд магазины, покупать и листать желтые газеты, гладить бродячих собак...

Когда заходила к Карцевой, было уже легче.

Кабинет показался совсем родным, и прежнее то небрежное, то раздраженное отношение к хозяйке сменилось потребительским – «сейчас она все как-нибудь устроит». Елена увидела в прошлый раз, что Карцева мастерски выпотрошила их отношения с Каравановым, и задним числом оценила ее профессионализм.

– Какие новости? – спросила Карцева и открыла тетрадь, в которой делала пометки во время визита к ним домой.

– Никаких... мы разводимся, – выдохнула Елена.

– А почему вы сказали «никаких»?

– Не знаю. Может, в том смысле, что это уже не вызывает у меня никаких ощущений... Как будто меня накрыли подушкой, – призналась Елена. – С одной стороны, кажется, что Караванов такой беспомощный... что он пропадет без меня. С другой – что появилась счастливая возможность избавиться от него. Словно мне его поручили, я его тащила, и вдруг все отвернулись, и я могу сбежать, и никто не видит, что я его бросила...

– Его затаившаяся беспомощность связана с дефицитом заботы в детстве. И то, что он решился преодолеть эту проблему, как раз говорит о его попытке стать взрослым. Он не пропадет без вас, поскольку первый раз решился поискать опору в самом себе...

Стало обидно, что Карцева, вместо того чтобы утешать, оправдывает Караванова.

– То есть он подросток, а мне теперь из-за этого менять всю жизнь? – возмущенно спросила она.

– Вы сказали о нем так, словно это ваш пудель, вступивший в возраст полового ажиотажа. И сейчас удобней его кастрировать или отдать в собачий питомник... – нахмурилась Карцева.

– Пожалуй. – Елене стало очень неприятно, что ее поймали на пофигизме по отношению к мужу.

– Вы сами помогли ему подрасти. Он в детстве недополучил заботы. Видимо, родители в недостаточной степени отзывались на его радости, удовольствия, на проявления его собственной индивидуальности, на его разочарования собственными неудачами и ограниченными возможностями...

– Так они вообще эмоциональны как белые медведи...

– Ваш муж пытался добрать из вашего брака то, что недополучил в детстве. Пока вы жили вместе со свекровью, он словно не выходил в мир взрослых людей. Как только вы остались одни, перед ним встала задача занять место главы семьи. А это очень большая психологическая нагрузка... – спокойно говорила Карцева.

– Но ведь ему как раз показалось на деловых играх, что он в этой жизни может больше! – напомнила Елена.

– Возможно, может, но без вас... Вы не даете ему упасть и научиться подниматься. Вы его подхватываете... Вы точно так же подхватывали своих первых мужей. И дочь...

– Значит, я во всем виновата... – Елене опять показалось, что зря она пришла к Карцевой. – Мне кажется, у меня начинается депрессия... А мне нельзя останавливаться. Надо работать, ведь все на мне...

– Депрессия – один из главных способов справиться с потерей значимого объекта. Кроме нее, на этом поле существуют отрицание потери или ее значения и быстрая замена его новым объектом... Выбирайте, – улыбнулась Карцева, словно разложив все это перед ней на прилавке.

– То есть вы хотите сказать, что я могу сейчас начать страдать, а могу взять и найти новую игрушку?

– Именно. Все зависит от поставленной задачи...

– Но это как-то совсем бездушно... – скривилась Елена и показала себе мышью, которой в лабораторных условиях вшили в зону удовольствия в мозгах электропроводок.

– Так ведь, мне кажется, вы пришли за облегчением психологического состояния, а не наоборот... Это не более бездушно, чем давать наркоз во время операции или аспирин при высокой температуре! – рассмеялась Карцева. – Со своей депрессией надо просто суметь построить коммуникацию.

– Мне хотелось ее перетерпеть... Потом я подумала, что вы сможете ее уменьшить. Теперь я слышу, что можно избавиться от нее, как от телепрограммы, переключив на другой канал...

– Вам это кажется странным?

– Душа обязана трудиться...

– А кто говорит, что нет. Но «боль» – это не труд. «Герой терпит боль» – лозунг тоталитарного государства, в котором запаздывает культура обезболивания... Запрет на осмысление боли – запрет на осмысление функции боли.

– А какая функция у боли? – удивилась Елена.

– В данный момент она освобождает вас от чувства вины за то, что вы разводитесь с таким хорошим мужем. В прежних разводах у вас были «привычные» для общества причины. Измена, пьянство... – намекнула Карцева.

– Это точно. До сих пор не знаю, что на работе сказать... они ждут истории, а я молчу... Про родителей даже думать боюсь, за тех мужей пилили. А этот тем более птичка божия!

– А как бы вы себе самой объяснили, почему вы хотите развода? – прищурилась Карцева.

Елена молчала минуты две, наморщив лоб, потом вдруг выпалила:

– Наверное, мне важнее сохранить себя, чем наш брак. Я смотрю иногда на Караванова. Вроде хороший... но ведь так и жизнь пройдет...

– Как так?

– Скучно, пресно, тускло...

– Получается, что вы наказываете себя депрессией за то, что хотите интересной, веселой, яркой жизни?

– Да... Сразу представляю себе постные физиономии родителей: «Ну что, еще не набегалась по чужим мужикам? Хороший пример подаешь дочке!» Ненавижу! Смешно, я, как поняла, что развожусь, пошла на свиданье по Интернету. Представляете? В браке с Каравановым, конечно, совсем святошей не была. Но это были постельные истории, а не свиданные. Не искрило... Я была такая тетка-кошелка, которая любовника заводит, по-хозяйски

пораскинув мозгами... А сейчас мне влюбляться хочется, кокетничать, дурака валять... Я думала, такого в моем возрасте уже не бывает.

– Это с возрастом не связано. Ко мне семнадцатилетние ходят с лицами, как будто каждый день кого-то хоронят. А на самом деле это их родители воспитанием похоронили...

– Понимаю, любимая присказка моей мамы: «Ты неправильно чувствуешь...»

– А вы никогда не пытались ответить: «А на мой взгляд, это ты неправильно чувствуешь! Но я не учу тебя, как правильно...»

– Ой, тут такое начнется, про то, что она жизнь прожила! Слезы, валокордин. Я уж не бужу лихо. Они с отцом от разборок заводятся! Это им всегда было вместо секса.

– Понятно. А за что вы больше всего обижены на... – Карцева заглянула в тетрадь, – Караванова?

– За то, что я хотела прицепить ему крылья... а они не приросли. – Елена почувствовала, что может расплакаться.

– Обида именно этого вкуса когда-нибудь уже была в вашей жизни? – спросила Карцева, сделав вид, что не заметила ее состояния.

– Да! Сто раз! Я часто работала спасателем: вытаскивала подруг, сослуживцев, мужей, любовников. Мной пользовались, а потом даже не говорили «спасибо»...

– Но ведь вы делали это потому, что нуждались в деятельности подобного рода.

– Наверное...

– А потом требовали от них оплаты, о которой не договаривались заранее!

– Пожалуй. А от этого можно избавиться теперь?

– Можно. Но не за один раз. Нам с вами потребуется понять, из чего выросли эти ваши особенности.

– Интересно, а вы когда живете, вы все это про себя тоже помните? – поинтересовалась Елена.

– Музыкант, когда играет на инструменте, специально не вспоминает, какая нота идет за какой, – засмеялась Карцева.

Елена выходила из кабинета окрыленной, забыв про плохо заживающую коленку. Как всякий советский человек, она была изумлена тем, что психолог мог привести ее душу в порядок. Хотя вряд ли удивилась, если бы это сделали на своем участке работы терапевт, стоматолог или парикмахер.

Влетела на работу в приподнятом настроении и тут же начала бойко отстукивать на компьютере давно лежавшую статью.

На экране появился Айсберг:

– Привет. Как ты?

Белокурая. Нормально.

Айсберг. А я сегодня целый день работал извозчиком.

Белокурая. А я, наоборот, – ездила на таких, как ты.

Айсберг. Могла бы и мне позвонить на мобильный.

Белокурая. Чтобы кататься на немытой машине?

Айсберг. Вчера, когда засиделся за компьютером, жена уже вставала на работу, и я получил по шее.

Белокурая. Не поняла, что значит «получил по шее»...

Айсберг. Она сказала, что так не надо больше делать.

Белокурая. Как?

Айсберг. Долго сидеть в Интернете и играть там в шахматы.

Белокурая. Почему?

Айсберг. Времени было практически 6 часов!!!!

Белокурая. В чем криминал?

Айсберг. В это время приличные люди должны спать!

Белокурая. Кому должны? Видимо, у вас в семье принято контролировать частное пространство друг друга – советский пережиток. У нас каждый решает, как ему удобней жить, если он не мешает другому.

Айсберг. Ночью все должны спать.

Белокурая. А ты в семье считаешься слабоумным, что за тебя решают, когда ты должен спать?

После общения с Карцевой жизнь просто давала ей домашнее задание.

Айсберг. Она обо мне заботится.

Белокурая. У вас один считает возможным контролировать пространство и время другого? И другой считает это заботой?

Айсберг. Она просто переживает обо мне, чтобы я выспался.

Белокурая. Это называется: жена – мама, муж – сынок. Он ведь сам не знает, что ему надо выспаться...

Айсберг. Все время пытаешься меня обидеть.

Белокурая. Ты перечисляешь стандартные проблемы советской семьи. Кстати, гиперопекающая жена – это большой шанс, что мужик не сделает карьеры. Знаю по собственной семье.

Айсберг. А вот я тут не вижу проблем за их отсутствием.

Белокурая. У тебя глаз уже замылен.

Айсберг. У меня отличная семья. Мне просто не хватает романтики в жизни.

Белокурая. Дай бог! Извини, мне надо убежать...

«Не хватает романтики козлу!» – фыркнула про себя Елена.

Никиты на экране не было, это огорчало.

Посмотрела куски написанного текста: «...„Новые русские“ слишком молодой класс для того, чтобы иметь собственный кодекс чести, отличающийся от всего остального общества и своими плюсами, и своими минусами. „Новый русский“ в первом поколении отличается от богатого европейца так же, как интеллигент в первом поколении отличается от потомственного интеллигента. „Новые русские“ пришли в свою среду из разных слоев, принося с собой все представления о жизни этих слоев, и подозревать их в отличие от всех остальных в чем-то, кроме дохода, и рано...»

Начала собираться домой. Подумала, зачем спешит в пустой дом? Поняла, что для того, чтобы увидеть Никиту на экране домашнего компьютера.

Смешно, но к разводу не оказалось ни одного реального кавалера. В последнее время она было вышла на охоту за одним молодым музыкантом. Но он каждый день по телефону рассказывал восторженным голосом, что у него на даче упала в колодец кошка, сломала руку бабушка, а тетю сбил похоронный автобус. Он был человек «профессиональное несчастье» и, видимо, потому так проникновенно играл на фортепьяно. Но даже для опекающей Елены его чернухи оказалось много.

Второй был успешным менеджером, с профилем победителя, которого хотелось отчеканить на металлических монетах. Внешне напоминал Толика и вполне подходил по всем статьям. Его любимой присказкой было: «Женщина как мороженое, сначала холодная, потом тает, потом липнет...» Все уже подошло к согласию заехать к нему на кофе, но Елена имела глупость вывести его на светскую вечеринку. Он увидел раскрученный бомонд и сник. С ним что-то случилось. И он повторил все стадии поведения мороженого: сначала окаменел, потом потек, а затем начал липнуть ко всем со своими визитками и лизать небрежно подставленные места. Елену чуть не стошнило, а он уже не мог остановиться, как ребенок, попавший на конфетную фабрику.

Так что, когда в финале он сказал: «Ну вот, а теперь ко мне, пить кофе?» – Елена выгнула бровь дугой и усмехнулась: «Я? К вам? Я не могла обещать ничего подобного!»

Получалось, что при Караванове она и не могла закрутить нормальный роман. Видимо, боялась, что это немедленно обрушит брак. Посему выбирала мужиков, неспособных занять серьезное место в душе. Так что жизнь начиналась с чистого листа.

Это Караванова всегда перетаскивали из постели в постель, почему теперь он сам не понимал, куда несут его ноги. А Елена принципиально уходила в никуда, понимая каждый раз, что, расставшись с очередным мужем, будет так стремительно меняться внутренне, что герои из прошлого отрезка жизни не будут за ней поспевать.

Дома не было никого. Лида умчалась к своему Вадику, чтобы вместе с ним пережить новости. Елена сделала маску на лицо, поболтала по телефону с подружками; почему-то совершенно холодно прикинула, как переставит мебель после отъезда Караванова, и включила компьютер.

Никита уже был на экране.

Никита. Как день прошел?

Белокурая. Сначала плохо, потом хорошо.

Никита. А я сегодня делал всему коллективу разнос. Прежде всего не люблю соотечественников... за то, что один сеет и строит, пятеро в это время курят, а десять руководят и ждут урожай, чтобы под любым предлогом отобрать...

Белокурая. Признак вненациональный... И зависит от качества выбранной ими власти.

Никита. Меня когда закидывает в ее эшелоны, потом долго душу отмыть не могу...

Белокурая. Там совершенно разные люди. Как и везде.

Никита. Ой, давай не будем... я же не из детского сада...

Белокурая. Извини. Забыла, что с мужиками полезней прикидываться не выше учительницы литературы...

Никита. Тебе с твоей высоты лучше видно, кем прикидываться...

Белокурая. Хватит глупости говорить.

Никита. Я, между прочим, в партию вступал в Афгане, по искренней вере... А учительница ты или министр, мне по барабану. Для меня даже королева – прежде всего женщина... и мне важно, что у нее внутри... а снаружи интересуется, пожалуй, только фигура и парфюм...

«Совсем ребенок!» – улыбнулась Елена.

Белокурая. Так и для меня шеф, даже самой крутой авиационной компании, только мужчина. И по тому же списку проходит: фигура, парфюм. Даже хрен с его мозгами, если будет молчать.

Никита. Фигура в списке первая? Хочешь эротическую фотку пришлю?

Белокурая. Свою?

Никита. Естественно.

Белокурая. Давай. Будет о чем подумать, засыпая в одиночестве.

«Удивительно все-таки устроены мозги у мужиков! – подумала Елена. – А вдруг я его сотрудница или работаю на конкурента! Нет, ну ей-богу, дети! Наверное, пошутил!»

Никита. Лови...

Елена открыла фото. На простыне спиной к зрителю лежало роскошное мужское тело, отполированное массажем и загаром.

Никита. Ну как?

Белокурая. Круто! Меня уже, правда, трудно удивить. Мой первый собеседник по «аске» начал с сантиметров органа, который у него самый важный.

Никита. Кстати, ты в курсе, что у тебя вирусы на компе?

Белокурая. Нет. А у меня не может из-за этого все пропасть на жестком диске?

Никита. Конечно! Ставь чай, я сейчас приеду, окажу скорую антивирусную помощь...

Елена вздрогнула и поняла, что рано. Решила соврать.

Белокурая. И как это пояснить хоть и бывшему, но еще спящему в моей постели мужу?

Никита. Да я шучу, а ты уже испугалась...

Белокурая. А ты но ночам так легко сматываешься из дому?

Никита. Вижу, фотка произвела на тебя нужное впечатление.

Белокурая. Еще бы. Не хочешь ее продать на обложку гейского журнала?

Никита. Почему гейского?

Белокурая. Потому что женщины обычно начинают изучать мужчину спереди.

Никита. Ладно тебе. Я давно так уже не выгляжу... когда-то был идеальной машиной для войны, а сейчас малость заплыл жиром, некогда ходить в спортзал...

Белокурая. Договариваемся на завтра, чтобы иллюзии рухнули?

Никита. Вот тебе все телефоны. Позвони, как захочется. Я тебя быстро разочарую... много времени это не займет.

Белокурая. Кто ж тебя так закомплексовал?

Никита. Жизнь. Еще на всякий случай запиши домашний.

Белокурая. Зачем домашний?

Никита. А что... у меня деловая встреча с тобой... или ты утверждаешь обратное?

Белокурая. На всякий случай пиши мои телефоны...

...Часов в девять ее разбудил телефонный звонок, и мягкий мужской голос сказал:

– С добрым утром!

– С добрым! – сказала она сонно. – Я вас слушаю.

– Это Никита. Извини, что разбудил... – смущенно сказал голос.

– Привет! – нежно откликнулась Елена. – Что за бармалейская привычка звонить в такое время?

– Я уже час в офисе сижу. Хотел тебя услышать. Спи дальше, потом созвонимся... – и он положил трубку.

Это напоминало какую-то юношескую игру. После звонка не хотелось спать, а хотелось петь...

«Надо попросить его, чтобы будил меня каждое утро!» – подумала Елена.

Долго возилась с нарядом. Трижды переодевалась. Надела строгий костюм, как для очень деловой встречи. Стрелой помчалась на работу, включила компьютер.

Никита был в онлайн.

Никита. У тебя совершенно обволакивающий голос... Ты меня этим врасплах застала...

Белокурая. А ты рассчитывал, что голос у меня как у Бабы-яги?

Никита. И сразу давай договоримся... я не терплю лжи и лицемерия...

Белокурая. Что означает эта фраза? Что весь остальной мир от них тащится?

Никита. И если «игра кошки с мышкой» – это твое хобби... поверь, я не совсем стандартный вариант... психика поцарапана ранениями и контузиями.

Белокурая. В кошки-мышки играют бездельницы.

Никита. Я по жизни очень открыт... и ударить в самое нутро не составит большой проблемы...

Белокурая. Куда-то тебя не туда понесло...

Никита. Все это я говорю лишь потому, что ты мне за эти дни стала не безразличной...

«Какой странный парень! – усмехнулась она. – Неужели люди вот так научились влюбляться прямо с компьютерного монитора? Нет предела техническому совершенствованию...»

На работе стоял ор, газета наехала на нефтяную компанию, а потом проиграла суд. Искали конкретного виноватого. Виноватого не было. Хотели лишить премии заотделом, по

которому прошла статья, но он пригрозил уволиться. Так что все ходили дежурно надутые и ждали ухода главного, чтобы снять напряжение в редакционном баре.

Елена дописывала вчерашнюю статью про ценности «новых русских». Решила звонить Никите после того, как сдаст ее, а то совсем уже с этим разводом распустилась... Дописала, позвонила, назначила встречу в «Донне Кларе». Она не любила модную «Донну Клару», но там были два столика совсем у окон, за которыми можно было сесть рядышком, а не напротив друг друга.

Посудачила с Олечкой, как лучше накраситься под этот костюм. На всякий случай воспользовалась ее косметикой и даже выпросила редакционную машину до «Донны Клары».

Никита оказался высоким блондинистым плейбоем с совершенно детскими голубыми глазами. Он стоял у входа с розой в руках и смущенной улыбкой.

«Хорош, – подумала Елена. – Но действительно, видимо, фотку делал давно...»

Тело с фотки должно было двигаться с такой мышечно-звериной пластикой, от которой женщины обычно цепенеют. А Никита шел, поворачивался и целовал руку, словно героя фотографии сильно смягчили.

Елена была еще неопытна в компьютерном флирте, ей и в голову не пришло, что это могла быть вовсе не его фотка. Она еще не подозревала о том, чего только не прибавляют и не убавляют себе мужчины в виртуальном кокетстве. Тем более что Никита был ровно ее «поэтический размер», и, встретившись, они мгновенно засияли навстречу друг другу.

О чем говорили? Да о какой-то ерунде. О том, что будут заказывать, чем интересуются его сын и дочь, что на работе, кто какие книги любил в юности... Сидели спиной к окну и так близко друг к другу, что почти не соображали, о чем идет речь, и практически не чувствовали вкуса еды. Было непонятно, как выйти из этого состояния, хотя и совершенно очевидно, куда из него можно выйти...

Вышли, сели в его джип.

– Отвожу тебя домой? – спросил он очень напряженно, совершенно не понимая, как надо себя вести.

– Да... Но по набережной... – улыбнулась она.

Это совершенно ничего не означало, но оба поняли, что по дороге будет парк. Что они заедут туда, и дальше им будет плевать... и на то, что вокруг белый день; и на то, что они в машине; и на то, что им не по двадцать лет... Их вторые половины так долго экономили на них нежность, что Елена и Никита почувствовали себя участниками детского заговора. Школьниками, вместе воруящими конфеты, пока взрослых нет дома. И дело было не только в сексе, а в безудержной легкости и абсолютной слышимости друг друга... И как всегда, когда роман должен случиться, и небесный диспетчер начинает его опекать – подбрасывать пустые квартиры, внештатные ситуации, общих знакомых и прочие мизансценные подарки, – гуляющую публику словно ветром смыло из парка. И они остались вдвоем среди осеннего великолепия.

И в этой торопливости не было ничего странного. Зачем только она напялила костюм с длинной узкой юбкой? Да еще и повязка на колене...

Потом Елена провела пальцем по воротничку его наглаженной рубашки:

– Твоя жена домохозяйка?

– Да.

– Она тебя любит?

– Наверное. Но она меня не слышит...

Расстаться было совершенно невозможно, и они целовались, пока машина стояла в пробках, как безумные. Но ему надо было домой, а ей надо было переварить встречу. Впрочем, оказавшись дома, даже понимая, что Никита еще не доехал, Елена сразу же уставилась в монитор компьютера. Айсберг торчал там как верный часовой.

Айсберг. Как дела?

Белокурая. Отлично. Я, кстати, познакомилась еще с одним интересным парнем по «аське».

Айсберг. Рад, что меня ты тоже считаешь интересным. Но появляются зачатки ревности.

Белокурая. Может быть, ревность заставит тебя вымыть машину. Кстати, у него машина была чистая.

Айсберг. Была?

Белокурая. Ну я имею в виду, во время встречи. Надеюсь, с тех пор ее не угнали.

Айсберг. И что же вы делали?

Белокурая. Обедали, болтали.

Айсберг. И все?

«О, как хочется сказать тебе правду, козел! Впрочем, тебе это все равно не поможет...» – подумала Елена.

Белокурая. Пока все.

Айсберг. А планы?

Белокурая. Наполеоновские...

Айсберг. Женат?

Белокурая. А я не ищу кандидатов на Мендельсона.

Айсберг. Так я тебе и поверил.

Белокурая. Может, ты и себя считаешь сладкой добычей?

Айсберг. Не хуже других. Кстати, я совсем не пью...

«Ох, лучше бы пил!» – подумала Елена.

Белокурая. Это большой плюс. Но больших плюсов должно быть много.

Айсберг. У меня много. Это ты увидела пока только один.

Белокурая. Ладно, тут по телику интервью с депутатом, у которого мне интервью брать.

Пока.

Айсберг. Не бери интервью у депутатов. Им место в «Матросской Тишине»!

Белокурая. Кто определил им это место?

Айсберг. Я.

Белокурая. Ты? Человек, который не может отвечать даже за жизнь собственного попугая?

Айсберг. Попугай умер...

Белокурая. Потому что ты пожалел денег на ветеринара! Даже сочувствовать тебе не хочу!

Елену затрясло. Эти полумужики, не годные ни на что, заселили всю страну и рассуждают, как надо наказывать тех, кто способен что-то делать! А сами! Сами...

Она, психанув, даже прошлась из угла в угол по комнате. Толик, насколько она знала, получив однокомнатную квартиру, забрал мать к себе, а квартиру сдал. Иногда, заходя в гости к Лиде, он приходил с пустыми руками. Елена не могла предположить, что он свихнулся на скупости, просто это была позиция: «Вы у меня отняли все!» Это «все» означало новую реальность, представителями которой Толик считал обитателей квартиры. Его ломало, что Елена успешно работает в журналистике, хорошо зарабатывает, легко меняет мужей. А главное, ни секунды в нем не нуждается и входит с ним в контакт исключительно на уровне презрительных «привет-пока».

И от того, что оказался не на уровне амбиций своей молодости; от того, что первая жена его давно переросла; от того, что дочь общается с ним как с обидчивым маленьким ребенком... Толик, как и Айсберг, ненавидел новое время и сладострастно предвкушал, как

придет большой сильный дядя и посадит их всех в «Матросскую Тишину». А ему, Толику, даст большой сладкий пряник за верность идеалам.

Похожим образом излагал мысли Филипп. Он был вполне востребован работой, подобран бойкой дамой. Но пил, сердешный... И за это ругал новое время подробно и матерно.

Караванов был единственным, кто считал виновницей не эпоху, а конкретно Елену. И то совсем с недавних пор. И она была благодарна ему хоть за это разнообразие.

С экрана компьютера мяукнуло пришедшее сообщение. Появился Никита.

Никита. Добрый вечер... моя радость... и, хотя тебя нет здесь, ты все равно со мной... уже соскучился по тебе, по твоим глазам, по запаху твоих духов...

Елена испытала двойственное чувство. С одной стороны, умиляла бесхитрость изложения, в ее среде так не разговаривали со студенческой скамьи. С другой стороны, именно так и должен был вербализовать свои ощущения давно не влюблявшийся спецназовец, выросший в провинции.

Она ответила:

– Я тоже сильно не в себе... Вот только сейчас собрала мозги в кучку.

Никита. Мне сейчас надо отвезти жену к подруге. Они там собираются компанией и приглашают косметичку. А потом постараюсь лечь пораньше, чтобы ты мне приснилась... А ты что будешь делать?

Белокурая. Сяду поработать. Все дела забросила в последние дни.

Никита. Тогда давай прощаться... Я сегодня ни с кем не хочу разговаривать... все мысли еще там... страшно их расплескать...

Белокурая. Как здорово, что ты меня нашел по «аське»...

Никита. Здорово, что ты есть и что такая... Ладно... долгие проводы – лишние слезы...

Белокурая. Не пропадай надолго из моей жизни.

Никита. Не дожدهшься...

«Смешно!» – подумала Елена, отойдя от компьютера.

С Каравановым она казалась себе бабушкой русской демократии, у них даже все разборки шли как у терпеливых многоопытных гроссмейстеров, – ферзь с Е2 на Е4... А с Никитой пришел подростковый драйв; в котором все было к месту; и ни пошлости, ни глупости, ни речевые небрежности не резали капризное ухо.

А тут еще Караванов позвонил со своих деловых игр страшно виноватым голосом. Елена по привычке жалила и огрызалась, но нерв расставания был непоправимо оборван. Даже стало немного обидно: ни поголосить, ни успеть привыкнуть, ни прикинуться несчастенькой...

Из-за скоростного ритма жизни она часто проскакивала стадии, естественные для других. А тут еще Карцева вытащила ее из одной грядки и сунула в другую. Казалось, что она вынужденно досматривает кассету на большой скорости с фильмом про Караванова, чтобы быстрее достать ее из видика, поставить на полку и смотреть новую.

...На следующий день пришла на работу в таком настроении, что секретарша Олечка только развела руками:

– Ну блин... вопросов даже не задаю! Результат на лице!

– Да... удивительный персонаж.

– Где были? – ревниво спросила Олечка, как будто это было важно.

– В «Донне Кларе».

– Ой, там блины с семгой вкусные. А как он расплачивается?

– Карточкой.

– Ой, ну, Елена, по тому, как мужик расплывается, какое у него при этом выражение лица, проверяет ли он счет, сколько дает на чай... все видно про будущие отношения.

– Да я как-то и не посмотрела...

– Цветочки купил?

– Была представительская роза. – Роза стояла у Елены в кухне.

– Ясно. Жмотяра или бедный... – грустно констатировала Олечка.

– Ну по джипу не скажешь, – прояснила картину Елена.

– Красавец?

– Да.

– Это хуже всего. Такие считают, что им бабы должны подарки делать, – убежденно кивнула Олечка.

– Он вообще похож на верного мужа.

– Вот именно! Думает, мало того, что я жене изменяю, мучусь от этого, я еще и деньги должен тратить... Я такое проходила... Пустой вариант... – покачала головой Олечка.

– Ну мы с вами разные задачи решаем... – пожала плечами Елена, хотя и намотала на ус. – Если мужик конь-огонь, да еще красивый, то можно закрыть глаза на некоторые недостатки.

– Не знаю, не знаю... С этим их огнем потом делать-то что? Все сгорит, угольки останутся...

Разговор и насмешил, и озадачил Елену. Она почему-то вспомнила, как цыганская девочка протянула им в окно букет, пока они стояли в пробке. А Никита показал ей на розу в Елениных руках, словно стыдливо оправдывался... глупость, конечно, но осадок остался. И, может быть, поэтому Елена долго не включала в компьютере программу «аська». Вот, мол, помучайся...

– Катя, я влюбилась! – призналась она подруге.

– Уже? – вытаращила глаза Катя.

– Вчера. Познакомилась по «аське», встретилась и влюбилась...

– Ну ты – цунами... Тогда не рассматривай, не разворачивай, не анализируй – дальше с ним протянешь...

Елена в ответ пожала плечами. После обеда не выдержала, включила программу «аська». Никита был тут как тут.

Никита. Думал, что не дожусь...

Белокурая. Здравствуй, милый!

Никита. Ты не представляешь... как теперь меня волнуют все слова, сказанные тобой! Но от того еще сильнее грусть от осознанного...

Белокурая. Грусть – это единственное чувство, которое я вызываю?

Никита. Это долгий разговор...

Белокурая. До каких ты свободен?

Никита. Могу сейчас отлучиться часа на два.

Белокурая. У меня в 18 в центре деловая встреча. До этого я целиком твоя.

Никита. Диктуй адрес.

Встретились, обнялись как сумасшедшие, снова поехали в парк. Даже не пытаюсь придумать более удобные варианты, а, видимо, желая проверить, по правде ли все было вчера. Оказалось, что еще как по правде...

Потом пили кофе в ресторанчике парка, и Елена спросила про грусть.

– Тебе, наверное, будет смешно это слышать, ты такая отвязанная... Но я ведь женат, – сказал он многозначительно.

– Я в курсе. И что? – удивилась Елена.

– Видимо, я очень старомоден. Мне тяжело... Второй день чувствую, что меня куда-то сносит...

– Хочешь сказать, что никогда не изменял своей жене?

– Не так... Были проходные варианты. Через секунду забывал об этом.

– Твои предложения? – Елену это стало немного раздражать.

– Нет предложений. Есть только большая тревога, – этот здоровенный навоевавшийся красавец говорил как маленький ребенок: «Мама, я не понимаю, что со мной происходит, дай мне какую-нибудь таблетку, чтоб это прошло...»

«Ясно, – подумала Елена с горечью. – Это Караванов, только упакованный в мышцы и деньги... когда же я уже наткнусь на что-нибудь другое...»

– Ну тогда давай рассмотрим все варианты. – Она снова услышала у себя интонации учительницы младших классов: – Вариант первый – мы больше с тобой не встречаемся.

– Не подходит, – обиженно пробурчал Никита.

– Вариант второй: ты понимаешь, что жена и любовница – это разные вещи. Что никто не запрещает тебе испытывать что-то к обеим, потому что это разные чувства...

– Но я-то один.

– Тогда совет: на страничке знакомств, где вывешена твоя фотка, напиши жирными буквами «верен своей жене», – усмехнулась Елена. – А еще лучше, напиши это на фотке, где ты голый, когда в очередной раз будешь ее высылать. Прямо через всю голую спину и задницу...

– Это не моя фотка. Просто взял в Интернете...

– Никита! Сколько тебе лет? Как тебе только фирму доверили... – захохотала Елена.

– Я, кстати, совсем неплохо ею управляю, – насупился он.

– Да уж, наверное, лучше, чем собственными чувствами. Я только хочу тебя честно предупредить: с моей стороны все безопасно, ты мне в мужья не нужен.

– Чем-то не вышел? – игриво спросил он.

– Выйти замуж за мужика, который больше двадцати лет был женат на домохозяйке, может только домохозяйка или сумасшедшая.

– Почему?

– Потому что у тебя в голове соответствующий образ мира. Ты привык получать утром глаженую рубашку и дымящийся завтрак. А вечером – дымящийся ужин и глаженую простыню...

– И что в этом плохого?

– Но я не умею гладить. И не собираюсь учиться.

– А кто твоим мужьям гладит рубашки?

– Сами...

– Вот поэтому ты так часто и разводишься...

– Я развожусь не часто, а нормально. А ты живешь в семье, где баба не мужика гладит руками, а рубашки утюгом.

– У нас все нормально в сексе... – вспыхнул он.

– Ты это мне говоришь? Да ты как будто вышел из тюрьмы...

– У нас есть секс.

– Ну если ты считаешь то, что у вас называется сексом, чего ты сюда приперся?

– Сам не знаю...

– Все. Вези меня домой. Я не хочу, чтоб меня посадили за растление несовершеннолетнего, – разозлилась Елена.

Ехали обратно молча. Никита изо всех сил делал музыку громче, в расчете, что она скажет:

– Сделай потише.

Елена молчала как партизанка.

У дома он положил руку на ее ладонь:

– До встречи.

– Ага, – холодно сказала она и открыла дверцу.

– А последний поцелуй? – удивился он и сгреб ее в охапку...

«Господи, что я за дура такая? Зачем обращать внимание на тексты, которые он говорит. Пусть себе мурлычет, страдает, рвет волосы на накачанной груди... ну, может, это у него всегда так в романах по сценарию: любовь-морковь-кровь! В конце концов, парень Афган прошел! Мне-то что? Меня ж в нем не тексты заводят, а тело...» – подумала Елена, отключаясь в его объятиях.

А вечером вообще не выходила в Интернет, чтобы не участвовать в «страданиях юного Вертера».

Позвонил Караванов, начал подробно рассказывать про успехи на играх. Совершенно не хотелось все это слушать. Елена грубо спросила:

– С какого момента наши бюджеты пойдут порознь?

– Как тебе захочется, – сказал Караванов.

– Надеюсь, это шутка? – зловеще намекнула она.

– Конечно, – ответил он.

– Шутка должна быть смешной.

– Чем богаты...

Появилась Лида с многозначительным выражением лица:

– Пошли чайку на ночь попьем, мужиков обсудим! Я, между прочим, влюбилась!

– Поздравляю! – обняла ее Елена. – Я тоже...

– Ни фиги себе! Муж в Тверь – жена в дверь! – воскликнула Лида и радостно запрыгала вокруг матери. – И чё теперь будет?

– Да ничего, кроме кайфа. Женатый мужик – это полезная возможность никуда не торопиться, когда крышу сносит. Мы просто оба с ним оказались на всю катушку. Даже если завтра точку поставим, будет что вспомнить...

– Класс! А вы уже... это?

– Это... – засмеялась Елена.

– Ну, мать, ты чумовая баба... – восхищенно вздохнула Лида. – Вон у меня Алка развелась полгода назад – до сих пор черная сидит... А она меня на год старше.

– Ничего, к моим годам тоже научится – разводиться...

...Утром Никита разбудил по телефону.

– Доброе утро, моя хорошая. Бужу, как просила!

– Спасибо! – От его голоса по телу разливалось тепло, как будто пила горячий шоколад.

– Вставай, беги на работу и включай комп. Я тебя там жду!

Когда включила компьютер на работе, Никита был тут как тут.

– Ура!!! Ты вновь со мной...

Белокурая. Привет.

Никита. А у меня совершенно поехала крыша.

Белокурая. Не только у тебя.

Никита. Остаток дня ощущал тебя и слышал твой запах...

Белокурая. А я думала о твоём дурацком тексте...

Никита. Забыли об этом. Вспоминаю твои глаза, у меня мороз по коже...

Белокурая. Аналогично...

Никита. А ты действительно заметила мою фотку с сайта знакомств?

Белокурая. Я же тебе об этом писала. И писала, что очень удивилась: а этот тут что делает?

Никита. Как что?.. Я тебя там ждал...

Белокурая. Боюсь, что я бы никогда не написала тебе первая...

Никита. Почему? Корона упадет?

Белокурая. Наверное...

И почему тогда не написала ему, от фотографии которого внутри все замерло, а написала Айсбергу? Видимо, потому же, почему, заходя на кухню, выбирала для себя в вазе с фруктами начинающее портиться яблоко. А для Лиды и Караванова – свеженькие. Именно потому, что спешила ухватить на распродаже что-нибудь не очень нравящееся, но дешевое; проехать на метро вместо такси; тащить тяжелые продукты через полгорода только потому, что здесь они продаются дешевле...

Потому что, будучи женой и матерью, строила семью в логике: я сделаю им хорошо, пусть у них все будет без помарок, а я уж как-нибудь... потерплю, доношу, доем, дожду... И взрослые люди Лида и Караванов замечали это, демонстративно возмущались иногда, но в целом считали такой порядок правильным; потому что Елена, будучи более сильным человеком, завела и поддерживала его железной рукой. И вдруг бунт Караванова открыл ей глаза – «декабристы разбудили Герцена...». И она почувствовала, что больше не хочет быть строительным материалом для чужого комфорта. И попробует поискать себя в новом качестве...

Белокурая. Вчера дочура сообщила, что влюбилась. Я ей ответила, что тоже.

Никита. А ты что, влюбилась, что ли?!!!!!!

Белокурая. А разве нет разницы между моим взглядом на тебя в первую минуту встречи и потом?

Никита. А ты в меня не в первую минуту влюбилась?

Белокурая. В третью...

Никита. А я в тебя – в первую. Но все, что я вчера наговорил, на самом деле остается в силе. Хотя мои чувства к тебе пытаются заткнуть мне рот.

Белокурая. Что остается в силе?

Никита. Пропать между моей и твоей жизнью... Пришли мне еще своих фоток. Хочу иметь целую галерею тебя.

Белокурая. Зачем?

Никита. Ты скоро от меня уйдешь, а фотку можно хранить вечно!

Белокурая. Каких тебе фоток?

Никита. Поэротичнее!

Белокурая. У меня нет поэротичней. Впрочем, есть одна... в купальнике. Второй муж снимал на катере.

Никита. Срочно присылай. Буду открывать ее на экране во время совещания, снимать стресс. А они пусть думают, что я договора смотрю.

Белокурая. Ей-богу, я сдурела. Надеюсь, ее увидишь только ты.

Фотка была отличная. И Елена бесшабашно отправила ее Никите, подумав, что еще десять лет тому назад ни за что такого бы не сделала. И что, оказывается, возраст иногда освобождает от предрассудков.

Никита. Фотка пришла. Считай, что мой рабочий день сорван, не хочется смотреть никуда, кроме компа. Имей в виду, я – сентиментальный, наивный, обидчивый, старомодный, примитивный...

Белокурая. Хочу такого, какой на самом деле. Мне не надо, чтоб ты стоял на цыпочках.

Никита. Долго и не простою. У меня осколочное ранение левой стопы, раньше немного прихрамывал...

Белокурая. Тебе удалось понять, что твоя семья живет с тобой на одной планете, а я живу с тобой – на другой?

Никита. Для меня это выглядит, как оправдание нечестных поступков.

«Началось!» – вздохнула Елена.

Белокурая. Тогда честно откажись от следующей встречи со мной!

Никита. Легкость, с которой ты вступаешь в отношения, меня обескуражила. Ты три раза была замужем. Значит, выйдешь и в четвертый...

Белокурая. Это будет не завтра. Кроме того, создаст симметричность в наших отношениях.

Никита. Увы, я – подлый собственник! Посему склоняюсь к замораживанию близких отношений.

«Опять понесло! – усмехнулась Елена. – Без этого не может общаться!»

Белокурая. Это напоминает человека, который откопал в огороде клад и начинает закармливать его обратно.

Никита. Но клад не принадлежит мне, а чужого я сроду не брал...

Белокурая. Клад по закону принадлежит нашедшему, хотя, конечно, 30 % надо отдать государству.

Никита. Если клад мой, то хрен я кому что отдам, но он не мой – я это за вчерашнюю встречу крепко усвоил... тебе все это слишком легко: я, другой, третий...

Белокурая. Должна признаться, дорогой, я к тебе не девственницей пришла.

Никита. Для меня все всегда глубоко и серьезно...

Прибежала Олечка и позвала к главному.

Белокурая. Извини, начальство требует. Целую, целую, целую... везде, куда дотягиваюсь...

Никита. Пока, моя радость.

Главный, как обычно, не знал, чего хотел. Хотел такого материала, который бы был гвоздем номера, но не знал, о чем он может быть.

Он говорил:

– Лена, надо что-то жареное, но в рамках благопристойности. Чтоб это не было желтым, но на грани фола...

– Подумаю, – кивнула Елена с выражением лица: «Соглашаюсь, только отцепись!»

– Вы как-то изменились, – прищурился он. – Покрасились в новый цвет?

– Цвет тот же, – засмеялась Елена.

– Странно как-то, все лицо стало ярче и светлее, – сказал он, улыбаясь. – Женский секрет какой-нибудь новый?

– Старый... Влюбилась, – призналась Елена.

– Ах, вот оно что... А я думаю, почему я ей говорю, а она не слышит... Я вот тоже иногда думаю, отлучиться куда-нибудь на недельку, сбросить с себя все это. Пройтись по улице свободным человеком, влюбиться в первую идущую навстречу женщину и сделать ее на неделю счастливой... – вдруг неожиданно доверительно сказал он.

Главный был эффектным мужиком лет шестидесяти, застегнутым на все пуговицы, и Елена изумилась такому переходу.

– Так и отлучитесь! – подмигнула Елена.

– И вы думаете, у меня еще есть шанс кому-то понравиться? – Он закурил.

– Еще какой! Мне тоже еще месяц тому назад казалось, что я знаю все про оставшийся кусок жизни, – сказала Елена. – И вдруг выяснилось, что ничего не знаю... Что впереди еще столько всего. И оно ярче, чем даже было в юности... Как объяснила моя психолог, человек

много раз в жизни проходит кризисы идентичности, и, если он не разрешит себе проходить их, он умрет ребенком.

– Здорово... – Он вдруг засмутился, натянул маску и поменял голос: – Так вы зайдите ко мне к началу следующей недели с эти материалом.

– Хорошо, – кивнула Елена и заговорщицки добавила: – А вы мне обязательно расскажите про то, как уехали на недельку...

Пошла за рабочий стол, захотелось позвонить Караванову:

– Привет! Говорить можешь?

– Могу, но недолго. Ты как раз в перерыв попала.

– Какие новости?

– Набрал очень много очков в очередной игре. Но меньше, чем в прошлый раз, – недовольно отчитался Караванов, намекая на заклеенную бровь и подбитый глаз.

– Мне сказали, что, чтобы снять квартиру, надо дать мобильный нескольким агентствам. Правда, цены на квартиры через агентства выше, зато гарантий больше, – мягко сообщила Елена.

– Да, я знаю. Тоже узнавал, – напрягся Караванов. – Ты меня торопишь?

– Нет.

– Мне надо снять не дороже 300 долларов.

– Понимаю... Можно еще подписаться на распечатки сдаваемых агентствами квартир.

Они ими торгуют – будут каждый день все предложения высылать.

– Спасибо, учту. А у тебя как дела?

– Честно?

– Честно.

– У меня отлично.

– Звучишь оптимистично. С чего бы это? Неужто я тебя так давил?

– После того не значит вследствие того...

– Ладно. Меня зовут. Пока.

– Пока.

Елена еще ощущала жизнь с Каравановым удобной разбитой чашкой, которую можно склеить и пользоваться ею сколько угодно. Но словно неожиданно узнала, что у нее полно денег. А в магазине полно новых чашек. И она вполне достойна этих чашек, выбранных по ее новым требованиям к ним... И Никита вовсе не гарант, а только признак этого. Но этот признак витаминизирует пространство и время вокруг.

...На следующий день решила потерпеть и не встречаться с Никитой. Он разбудил утренним звонком, звонил днем, писал на «аську», посылал сообщения на мобильный. Отвечала, что выполняет важное редакционное задание и будет свободна только завтра. С одной стороны, пусть помучается, с другой – хотелось разобраться с собой. Остановиться и понять что-то про новую жизнь, потому что завтра возвращался Караванов и сюжет двигался к вывозу его вещей.

Итак, она снова свободна. Теперь на ней одной Лида и родители. Впрочем, дети Караванова теперь тоже не на ней. И их разборки с матерями, здоровье и отношения с папашей тоже уходят из ее пространства. В свете Лидинога романа Елена оказывается практически одна в квартире, чего с ней не было с молодости.

К плюсам и минусам этого придется привыкать. Так же, как и к тому, что Караванов больше не будет гулять с ней по вечерам, приносить ее любимые шоколадки, покупать понравившиеся шампуни, ругать за пользование его бритвенным станком, оставлять на столе непомытую чашку, шаркать тапочками, разбрасывать газеты, целовать и называть нежными словами, бормотать во сне, утешать по телефону, смотреть по телевизору плохие

боевики на максимальной громкости, давать хорошие советы, задумчиво ходить по дому с рюмкой водки, гладить по волосам, забывать в ванной книги по истории, делать зарядку с гантелями... у Елены брызнули слезы.

Она отрелась и сказала себе словами Карцевой: всего этого не будет делать «тот» Караванов, которого уже нет. А этот, новый, другой Караванов, будет делать все это не так. Точнее, так же, но тебе все это будет «не так». Потому что он вырос и пошел искать себя. Так же, как ты выросла и разрешила себе искать новые параметры жизни. И ценность объятий с Никитой заряжает и укрепляет тебя для поиска себя больше, чем полгода мурлыканья с Каравановым... Не потому что Никита более важный человек в твоей жизни, а потому что такой этап... и справиться с ним тебе поможет именно Никита со всеми своими громкими глупостями. Потому что у него тоже период поиска, просто он не понимает, чего он ищет и где. А главное, считает, что в его жизни все уже найдено, и никак не поймет, почему найденное когда-то не работает на новом этапе...

Благодаря Карцевой Елена ощутила, что уйма людей на разных возрастных рубежах мается от того, что не знает, как жить по-новому, хотя уже не может жить по-старому. И даже ей, вполне раскованной женщине, без Карцевой казалось бы, что она преступница, рушащая замечательную семью.

...Караванов приехал утром, притихший и многозначительный. Очень внимательно смотрел на Елену глазами в синяках и констатировал:

– Какая-то ты другая стала...

– У разведенной женщины всегда более жизнерадостное выражение лица. Ты же знаешь, что мужчина в браке живет дольше, а женщина – короче, – отшутилась Елена и пошла на кухню пританцовывающей походкой. – Личико заживает?

– Заживает. А ты зачем старый халат достала? Он же на плече разорван, – спросил Караванов, хотя раньше такие вещи его не волновали.

– Под руку попался. Между прочим, очень сексуально разорван. – Она надела старый халат, потому что вдруг ощутила, что похудела.

Это был халат из эпохи прошлого междубрачья, свидетель ярких сцен и страстных объятий. Она даже помнила, кто его порвал и почему...

Елена налила чаю, откусила шоколадку и умиротворенно попросила:

– Рассказывай...

– Ну у меня нет особых новостей, – самодовольно потупился Караванов, и Елена увидела, что у него «сладилось» с девочкой, неумеренно пользующейся духами.

И у нее отлегло от сердца, потому что после кайфа, обретенного в Никитином автомобиле, ей хотелось, чтоб Караванов тоже получил свою пайку радости.

– Все выиграл на играх? – улыбнулась она.

– Не все, но кое-что... – с вызовом ответил Караванов.

– Жалко, что не все... Ты только пойми, я к тебе очень хорошо отношусь и радуюсь всему, что у тебя получается хорошо... – сказала она нежно.

– Я это заметил, – насупился Караванов.

– Хочешь, я поищу квартиру через своих?

– Сам справлюсь... – и раздраженно спросил: – А почему помада валяется среди кастрюль?

– Ой, а я ее ищу по всему дому! – захохотала Елена; вспомнила, что стояла вчера перед зеркалом в ванной, красила губы, а мобильный с кухни запищал – пришло сообщение от Никиты; напроць забыла о помаде, что было совсем не похоже на нее.

– Понимаю, что ты очень переживаешь, но будь внимательней, – сказал Караванов поучительно. – Когда я открывал дверь, твои ключи висели с входной стороны. Ночью сюда мог зайти кто угодно.

– Ну надо же, и никто не зашел! Вот обида-то! – Внутри у нее было так комфортно, что она говорила, как пела.

– Не понимаю, почему надо с утра паясничать?

– Карцева сказала, кризис идентичности может принимать самые причудливые формы...

– Так это же у меня кризис идентичности, – обиженно напомнил Караванов.

– У меня тоже, – откликнулась Елена.

– Кто тебе сказал?

– Карцева.

– Подожди, но это же я попросил пригласить психолога, и решил, что так жить нельзя! – возмущенно сказал Караванов.

– Я у тебя авторские права не оспариваю. Просто, когда ты все это начал, я позволила себе понять, что достойна лучшей жизни. А раньше я об этом и думать не смела. И за это я тебе страшно благодарна...

– А кто тебе раньше мешал думать о том, что ты достойна лучшего? – напрягся Караванов, ситуация явно выходила из его понимания.

– Кто-кто... Воспитание, жизнь, комплексы... Мне казалось, что я и за это должна быть благодарна. Но как только поняла, что ты можешь прожить без меня, а я могу быть молода, весела и любима... И чувствовать, что кровь из густой и липкой становится газированной!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.